

18+

ЗОЛОТАЯ ЦЕПЬ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ КНИГА I

КАССАНДРА КЛЭР

БЕСТСЕЛЛЕР №1 ПО ВЕРСИИ
THE NEW YORK TIMES И USA TODAY

Миры Кассандры Клэр

Кассандра Клэр

**Последние часы.
Книга I. Золотая цепь**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Клэр К.

Последние часы. Книга I. Золотая цепь / К. Клэр —
«Издательство АСТ», 2020 — (Миры Кассандры Клэр)

ISBN 978-5-17-132575-6

Корделия Карстэйрс – Сумеречный Охотник, она с детства сражается с демонами. Когда ее отца обвиняют в ужасном преступлении, Корделия и ее брат отправляются в Лондон в надежде предотвратить катастрофу, которая грозит их семье. Вскоре Корделия встречает Джеймса и Люси Эрондейл и вместе с ними погружается в мир сверкающих бальных залов, тайных свиданий, знакомится с вампирами и колдунами. И скрывает свои чувства к Джеймсу. Однако новая жизнь Корделии рушится, когда происходит серия чудовищных нападений демонов на Лондон. Эти монстры не похожи на тех, с которыми Сумеречные Охотники боролись раньше – их не пугает дневной свет, и кажется, что их невозможно убить. Лондон закрывают на карантин...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-132575-6

© Клэр К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Недавнее прошлое. 1897 год	6
1. То, что есть в нас лучшего	9
Недавнее прошлое. Идрис, 1899 год	28
2. Пепел розы	31
3. Живая рука	43
Недавнее прошлое. Сайренворт-холл, 1900 год	57
4. Ядовитые призраки	63
5. Серая вуаль	77
Недавнее прошлое. Идрис, 1900 год	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Кассандра Клэр

Последние часы. Книга I. Золотая цепь

Cassandra Clare

The Last Hours. Book I. Chain of Gold

© 2020 by Cassandra Clare, LLC

Jacket design by Nick Sciacca

Jacket photo-illustration copyright © 2020 by Cliff Nielsen

© О. Ратникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Клэри (реальной)

Часть первая

То был памятный для меня день, потому что он произвел во мне большую перемену. Но так случается с каждым. Представьте себе, что из вашей жизни вычеркнули один особенно важный день, и подумайте, как по-иному повернулось бы ее течение. Вы, кто читаете эти строки, отложите на минуту книгу и подумайте о той длинной цепи из железа или золота, из терний или цветов, которая не обвила бы вас, если бы первое звено ее не было выковано в какой-то один, навсегда памятный для вас день.

Чарльз Диккенс, «Большие надежды»¹

Недавнее прошлое. 1897 год

Люси Эрондейл было десять лет, когда она впервые встретила этого мальчика в Лесу.

Люси, рожденная и воспитанная в Лондоне, никогда не видела таких мест, как Брослин, и даже представления не имела об их существовании. Лес окружал особняк Эрондейл-Мэнор со всех сторон. Деревья, словно осторожно перешептываясь о чем-то, склоняли друг к другу верхушки – летом изумрудные, осенью напоминавшие по цвету червонное золото. Зеленый ковер мха, устилавший землю, был мягким, как перина. Однажды отец рассказал ей, что ночью мох служит постелью фэйри, а из белых звездочек цветов, растущих только в тайной стране Идрис, эти сказочные существа делают браслеты и кольца, которыми украшают свои тонкие, изящные руки.

Джеймс, разумеется, сразу же заявил, что у фэйри нет постелей, что днем они спят под землей, а по ночам похищают маленьких девочек, которые плохо себя ведут. Люси с силой наступила брату на ногу, но отец тут же подхватил ее на руки и унес обратно в дом, чтобы предотвратить драку. Джеймс происходил из древнего и благородного рода Эрондейлов, но это не означало, что время от времени (в случае необходимости) он не позволял себе подергать младшую сестренку за косички.

Как-то раз Люси проснулась среди ночи оттого, что луна светила слишком ярко. Потoki лунного света лились через окно в комнату, словно молоко; белые прямоугольники лежали на одеяле Люси, на отполированном до блеска деревянном полу.

Она выскользнула из постели, взобралась на подоконник и легко прыгнула на цветочную клумбу. Лето было в разгаре, и девочка не мерзла в одной сорочке.

Ей показалось, что даже деревья на краю леса, сразу за конюшнями, излучают тусклый белый свет. Она побежала туда бесшумно, словно маленький призрак. Когда она скользила среди деревьев, ноги ее, обутые в домашние тапочки, почти не оставляли следов на покрытых мхом кочках.

Сначала Люси развлекалась тем, что плела длинные гирлянды из цветов и развешивала их на ветвях деревьев. Потом она принялась изображать Белоснежку, убегающую от егеря. Она яростно продиралась сквозь густые колючие заросли, потом оборачивалась и с видом страдалицы касалась лба тыльной стороной руки. «Ты не посмеешь убить *меня*, – говорила она. – Потому что в моих жилах течет королевская кровь, однажды я стану королевой, в два раза более могущественной, чем моя мачеха. И я прикажу отрубить ей голову».

¹ Перевод М. Лорие. Здесь и далее прим. переводчика.

Позднее Люси думала, что, наверное, не совсем точно вспомнила содержание сказки о Белоснежке.

Но все равно, игра очень нравилась девочке, и лишь после четвертой или пятой такой пробежки она сообразила, что заблудилась. Она больше не видела за деревьями знакомых очертаний Эрондейл-Мэнора.

Она в панике топталась на месте, озираясь по сторонам. Лес уже не казался волшебным. Гигантские деревья нависали над ней, словно грозные призраки. Ей почудилось, что она различает сквозь шелест листвы голоса потусторонних существ. Появившиеся откуда-то облака скрыли луну, и Люси осталась одна в полной темноте.

Люси была храброй девочкой, но ей было всего десять лет. Она негромко всхлипнула и побежала в ту сторону, где, как ей казалось, находился дом. Но в лесу становилось все темнее, кусты, утыканные острыми шипами, образовали сплошные непроходимые заросли. Ночная рубашка зацепилась за какой-то особенно длинный шип, и ткань с треском порвалась. Люси споткнулась...

И упала. Падение походило на полет Алисы, провалившейся в кроличью нору, только оказалось гораздо короче. Девочка полетела вверх тормашками в какую-то дыру и ударилась о твердую землю.

Люси захныкала от боли и села. Она находилась на дне довольно глубокой круглой ямы. Яма была искусственной, стенки ее были гладкими, и даже когда Люси поднялась на цыпочки и вытянула вверх руки, до края оставалось еще несколько футов.

Люси попыталась вцепиться пальцами в землю и выбраться из ловушки подобно тому, как она карабкалась на деревья. Но почва была мягкой и осыпалась, девочке не удавалось найти точку опоры. После пятой неудачной попытки Люси, лежа на дне ямы, заметила на отвесной стенке какой-то отблеск. У нее появилась мимолетная надежда: а вдруг это древесный корень, сейчас она уцепится за него и выберется наверх; она поползла к белому предмету и протянула руку...

Земля осыпалась. Это оказался вовсе не корень, а старая кость, причем принадлежала она не животному...

– Не кричи, – раздался голос откуда-то сверху. – Это привлечет их.

Она откинула голову и уставилась вверх. Над ямой склонился какой-то мальчишка. Он был старше ее брата Джеймса – наверное, ему было лет шестнадцать. У него было симпатичное, но печальное лицо. Совершенно прямые черные волосы, довольно длинные, спускались на воротник рубашки.

– Кого привлечет? – Люси подбоченилась.

– Фэйри, – объяснил он. – Это ловушка фэйри. Обычно они используют их для того, чтобы ловить зверей, но обрадуются ничуть не меньше, обнаружив в своей яме маленькую девочку.

– Ты хочешь сказать, что они меня съедят? – ахнула Люси.

Парень рассмеялся.

– Это вряд ли, но тебя вполне могут забрать в Страну Под Холмом, и ты остаток жизни проведешь у них в услужении. И никогда больше не увидишь родных.

Он приподнял брови, сдвинул их, сделал страшное лицо.

– Не надо меня пугать, – пролепетала девочка.

– Уверяю тебя, я говорю совершеннейшую правду, – возразил он. – Я считаю, что говорить даже несовершенную правду недостойно меня.

– И глупостей не говори, – фыркнула она. – Я Люси Эрондейл. Мой папа, Уилл Эрондейл, очень важный человек. Если ты спасешь меня, получишь щедрую награду.

– Девочка из семьи Эрондейл? – переспросил он. – Как мне повезло.

Он вздохнул, подполз ближе к краю ямы и протянул Люси руку. На внутренней стороне запястья правой руки Люси заметила шрам – длинный, уродливый шрам, словно от сильного ожога.

– Вылезай.

Она вцепилась в запястье незнакомца обеими руками, и тот, продемонстрировав недюжинную силу, вытащил девочку из ямы. Мгновение спустя они стояли среди колючих кустов, рассматривая друг друга. Люси теперь могла его хорошенько разглядеть. Он был даже старше, чем она сначала подумала, и одет был строго: в черное и белое. Луна снова выглянула из-за облаков, и Люси заметила, что глаза ее спасителя такого же цвета, как зеленый лесной мох.

– Благодарю, – несколько чопорным тоном произнесла она и пригласила ночную рубашку, которая была безнадежно испорчена.

– А теперь идем со мной, – ласково предложил он. – Не бойся. О чем ты хочешь поговорить? Ты любишь сказки и истории?

– Обожаю разные истории, – сообщила Люси. – Когда я вырасту, стану знаменитой писательницей.

– Звучит замечательно, – ответил незнакомец задумчивым и почему-то печальным тоном.

Они вместе зашагали прочь от ямы по лесным тропинкам. Казалось, мальчик знал, куда идти, как будто был хорошо знаком с лесом. Наверное, его в детстве подменили эльфы, сразу же догадалась Люси. Он много знал о повадках фэйри, но, совершенно очевидно, не принадлежал к Дивному народу; ведь он предупредил, что фэйри могут ее похитить. Должно быть, в свое время это произошло с ним самим. Она не хотела заводить об этом речь и смущать незнакомца; наверное, это ужасно, думала она, когда эльфы крадут тебя из колыбели, ужасно жить вдали от своей семьи. И вместо этого она принялась обсуждать с юношей принцесс из сказок; они даже поспорили о том, какая принцесса прекраснее и лучше всех. Люси показалось, что прошло всего лишь несколько минут после спасения из ямы, когда она обнаружила, что находится в саду Эрондейл-Мэнора.

– Мне представляется, что принцесса сможет самостоятельно вернуться отсюда в замок, – произнес незнакомец с поклоном.

– О да, – сказала Люси, глядя на окно своей спальни. – Как ты думаешь, они заметили, что я убежала?

Он рассмеялся и повернулся к ней спиной, собираясь уходить. Когда он дошел до ворот, Люси окликнула его.

– Как тебя зовут? – спросила она. – Я назвала тебе свое имя. Скажи мне свое.

Он остановился и помедлил несколько секунд. Фигура в ночном мраке казалась черно-белой, как на иллюстрациях в ее книгах. Он снова склонился перед ней в глубоком, изящном поклоне, словно рыцарь из сказаний.

– Ты не посмеешь убить *меня*, – произнес он. – Потому что в моих жилах течет королевская кровь, и однажды я стану в два раза более могущественным, чем королева. И я прикажу отрубить ей голову.

Люси задохнулась от негодования. Неужели он подслушивал ее слова, когда она в лесу играла в Белоснежку? Да как он смеет насмехаться над ней! Она подняла кулак, намереваясь погрозить наглецу, но он уже исчез, растворился в ночи, и до нее донесся лишь его негромкий смех.

Прошло шесть лет, прежде чем она увидела его снова.

1. То, что есть в нас лучшего

«Призраки наших возжеланий становятся между нами и тем, что есть в нас лучшего, и затмевают его сиянье».

Чарльз Диккенс, «Барнеби Радж»²

В разгар сражения с демоном Джеймса Эрондейла внезапно затянуло в Ад.

Это случилось с ним уже не впервые, и он знал, что отправляется туда не в последний раз. Несколько мгновений тому назад он стоял на коленях на краю покатой крыши какого-то дома в центре Лондона. В каждой руке он сжимал по узкому метательному ножу и размышлял о том, как отвратителен мусор, который накапливается в тупиках и закоулках большого города. Здесь было полно грязи и пыли, пустых бутылок из-под джина и обглоданных костей; и в довершение всего, в водосточной трубе, как раз у левого колена Джеймса, застряла мертвая птица.

Воистину, Сумеречные охотники ведут гламурную жизнь. Само словосочетание *звучит* грандиозно, подумал он, пристально глядя вниз, на пустой переулок, узкий, тесный, заваленный горами отбросов и освещенный лишь тусклыми лучами луны. Избранная раса воинов, потомки Ангела, наделенные таинственными способностями, вооруженные клинками из сверкающего *адамаса*, носящие на теле черные Метки – священные руны. Руны, которые дают Охотникам необыкновенную физическую силу и быстроту реакции, делают их во сто крат более смертоносными, нежели любой обычный человек; руны, благодаря которым дети Ангела сияют во мраке. Но никто никогда не упоминает вслух о таких вещах, как вонючая дохлая ворона, на которую случайно наступаешь, поджидая в засаде демона.

По переулку разнесся безумный вопль. Этот звук был прекрасно знаком Джеймсу – это был голос Мэтью Фэйрчайлда. Охотник, не медля ни мгновения, прыгнул с крыши. Мэтью Фэйрчайлд был его *парабатаем* – побратимом и напарником в бою. Джеймс в свое время дал клятву защищать друга, что бы ни случилось, но он без колебаний отдал бы свою жизнь за Мэтью и без всяких клятв.

В конце переулка, за поворотом, что-то мелькнуло. Джеймс едва успел развернуться, как из теней с ревом возник демон. У твари было ребристое серое тело, острый кривой клюв, усаженный зубами в виде крючков, и мощные ножищи с зазубренными когтями, похожие на лапы гигантской лягушки, только без перепонки. *Деумас*, мрачно подумал Джеймс. Он определенно читал о подобных тварях в одной из старинных книг, которые давал ему дядя Джем. Эти демоны были какими-то особенными, но чем именно они выделялись среди прочих? Может быть, исключительным коварством, или крайней свирепостью в бою? Ну как всегда. Все эти месяцы в городе не наблюдалось ровным счетом никакой вражеской активности, и вот ни с того ни с сего, совершенно случайно, он и его друзья натываются на одного из самых опасных демонов Ада.

Кстати, о друзьях – где они?

Деумас снова взревел и наклонился к Джеймсу; из его зубастой пасти текла вязкая зеленая слюна.

Джеймс резко замахнулся и приготовился швырнуть первый нож. Глаза демона на миг задержались на блестящем предмете. Эти черные с зеленым отливом глаза, горящие ненавистью, ослепительно сверкали; но внезапно ненависть сменилась каким-то иным выражением.

Чем-то вроде узнавания. Но ведь демоны, по крайней мере, низшие, не могли узнавать людей. Это были безмозглые, бездушные, злобные животные, движимые исключительно жадой крови и неугасимой яростью. Джеймс на долю секунды замер от удивления, и вдруг ему

² Перевод М. Е. Абкиной.

показалось, что мостовая у него под ногами накренилась. В последний миг он успел лишь подумать: «О нет, только не сейчас», а потом мир стал серым и безмолвным. Здания, окружавшие его, превратились в лохматые тени, небо – в черную пещеру, расчерченную белой молнией.

Он стиснул пальцами правой руки кинжал – не рукоять, а лезвие. Резкая боль, подобная пощечине, вырвала Джеймса из ступора, реальность обрушилась на него, он снова видел, слышал все, что происходило вокруг. Едва Охотник успел сообразить, что деумас прыгнул и сейчас летит на него сверху, выставив страшные когти, как перед носом у него пронеслись неведомо откуда взявшиеся веревки, опутали ногу демона и резко дернули тварь назад.

«Томас!» – подумал Джеймс, и действительно, его высокий, могучий друг, вооруженный своими *болас*, появился за спиной демона. За Томасом следовали Кристофер с луком и Мэтью, сжимавший в руке пылающий ангельский клинок.

Деумас снова взревел и тяжело грохнулся на мостовую как раз в тот миг, когда Джеймс швырнул в него оба кинжала. Один врезался в горло демона, второй – в лоб. Глаза твари закатились, тело содрогнулось в конвульсиях, и Джеймс внезапно вспомнил, что именно он читал о демонах этой породы.

– Мэтью... – начал было он, но в этот момент адское существо взорвалось. На Томаса, Кристофера и Мэтью обрушился дождь ихора и обгоревших фрагментов тела, похожих на комки слизи.

«Пачкаются», – запоздало вспомнил Джеймс. Демоны деумас были известны тем, что пачкали все вокруг. Большинство их «собратьев», подыхая, полностью исчезали с лица земли. Но только не деумасы.

Эти взрывались.

– Что... какого... – запинаясь, пробормотал Кристофер, лишившись дара речи. Слизь и какие-то зеленые сопли капали с его острого носа, с очков в золотой оправе. – Но как?..

– Ты хотел сказать, как это возможно, что мы, наконец, выследили последнего в Лондоне демона, и он одновременно оказался самым отвратительным? – Джеймс удивился, услышав свой голос, вполне нормальный. Оказалось, что потрясение от посещения страны теней уже испарилось. По крайней мере, одежда его осталась в целости и сохранности: взрыв демона был «направлен» прочь от него, в другую сторону. – Наше дело – убивать их, а не задавать вопросы, Кристофер.

У Джеймса возникло ощущение, будто друзья недовольны его словами. Томас с нарочито раздосадованным выражением лица поднял глаза к небу. Он тер одежду носовым платком, который тоже наполовину обуглился и пропитался кровью демона, поэтому никакого видимого результата это не давало.

Ангельский клинок Мэтью шипел, разбрасывая искры. Ангельские клинки, или клинки серафима, заключали в себе могущество высших существ; это было самое верное оружие Сумеречных охотников, самая надежная защита от демонов, но все равно такой клинок можно было погасить, облив его достаточным количеством ихора.

– Это просто возмутительно, – рявкнул Мэтью, отбрасывая в сторону бесполезный меч. – Ты знаешь, сколько денег я потратил на этот жилет?

– А не надо было отправляться патрулировать город в костюме статиста из пьесы «Как важно быть серьезным», – наставительно произнес Джеймс, бросая другу чистый носовой платок. При этом он почувствовал острую боль в ладони – боль от кровоточившего пореза, оставленного его собственным ножом. Он сжал руку в кулак, чтобы друзья ничего не заметили.

– А вот я не думаю, что он одет, как статист, – возразил Томас, который занимался сейчас тем, что чистил Кристофера.

– Благодарю, – слегка поклонился Мэтью.

– Я думаю, что он одет как главный герой³. – Томас ухмыльнулся. У него было самое доброе лицо из всех людей, знакомых Джеймсу; карие глаза смотрели на мир мягко и дружелюбно. Но это вовсе не означало, что он не испытывал удовольствия, время от времени подкалывая своих приятелей.

Мэтью с помощью платка Джеймса пытался высушить свои кудри цвета старинного золота.

– Мы уже целый год не встречали демонов во время патрулирования, поэтому сегодня я никак не мог предположить, что мой жилет не доживет до утра. Кроме того, ни на ком из вас я не вижу брони.

Действительно, обычно Сумеречные охотники сражались в броне, гибких доспехах из прочного черного материала, похожего на кожу и защищавшего обладателя от ихора демонов, их клинков и тому подобного. Однако в последнее время из-за отсутствия демонической активности на улицах друзья несколько расслабились и уже не так строго соблюдали правила.

– Хватит скрести меня, Томас, – воскликнул Кристофер, размахивая руками, словно ветряная мельница. – Вернемся в «Дьявол» и там уже приведем себя в порядок.

Остальные одобрительно забормотали. Пока Охотники, с трудом отклеивая подошвы от грязной мостовой, выбирались из переулка и возвращались на главную улицу, Джеймс размышлял о том, что Мэтью прав. Отец Джеймса, Уилл, часто рассказывал ему, как они патрулировали город со своим *парабатаем*, Джемом Карстерсом – теперь Джеймс звал его дядей Джемом. В те времена старшему поколению Охотников приходилось драться с демонами практически каждую ночь.

Джеймс и другие молодые Сумеречные охотники по-прежнему прилежно выполняли свой долг и охраняли улицы Лондона от демонов, которые могли причинить вред простым людям, однако за последние несколько лет им буквально пару раз приходилось сталкиваться с выходцами из Ада. Это было хорошо – разумеется, это было хорошо – и все же. Определенно, это было очень и очень странно. В остальном мире демоническая активность сохранялась на прежнем уровне, так чем же Лондон отличался от прочих городов?

По улицам, несмотря на поздний час, сновали обычные горожане. Никто даже взглядом не удостоил группу мокрых и грязных Сумеречных охотников, пока они пробирались через толпу, запрудившую Флит-стрит. Особые чары, «гламор», создаваемые рунами, делали Охотников невидимыми для тех, кто не был наделен Зрением.

Джеймс всегда испытывал странное чувство, когда его окружало множество людей, не видевших его в упор. На Флит-стрит располагались офисы ведущих газет и здания лондонских судов, а также множество ярко освещенных пабов; типографские рабочие, барристеры и судебные клерки, работавшие допоздна, заходили сюда, чтобы выпить перед возвращением домой. Поблизости находился Стрэнд. Из концертных залов и театров как раз выходили зрители; группы хорошо одетых молодых людей со смехом и шутками ловили последние omnibuses.

Полисмены тоже вышли на свою «охоту». Невезучие обитатели Лондона, не сумевшие найти себе ночлег, собирались в кучки у подвальных окошек, из которых на улицу шел теплый воздух – даже в августе ночи в городе часто бывали сырыми и холодными. Когда Охотники проходили мимо группы бездомных, один поднял голову, и Джеймс разглядел мертвенно-бледную кожу и горящие глаза вампира.

Он отвел взгляд. Дела обитателей Нижнего Мира его не касались, если те не нарушали Закон Конклава. Кроме того, он устал, несмотря на то, что на кожу его были нанесены Метки, придававшие энергии: он всегда чувствовал себя изможденным, вернувшись из иного мира,

³ Главные герои комедии, Алджернон Монкриф и Джек Уординг – себялюбивые, легкомысленные и безответственные молодые люди.

мира серого света и неопределенных теней. Подобное происходило с ним на протяжении многих лет, и он знал причину: он совершал эти путешествия потому, что был сыном чародейки.

Чародеи, в свою очередь, являлись отпрысками людей и демонов. Они были способны использовать магию, но не могли носить руны и предметы из *адамаса* – прозрачного, как хрусталь, металла, из которого изготавливали стила и ангельские клинки. Маги, или чародеи, представляли собой одну из четырех рас Нижнего Мира, помимо вампиров, оборотней и фей. Мать Джеймса, Тесса Эрондейл, происходила из народа магов, но бабка Джеймса была не простой женщиной, а Сумеречным охотником. Сама Тесса некогда обладала способностью изменять внешность и принимать любой желаемый облик, облик существа живого или мертвого – таким даром не владел никто из магов. Она отличалась от остальных еще кое-чем. Чародеи не могли иметь детей, но Тесса являлась исключением. Все задавались вопросом, что это может означать для Джеймса и его сестры Люси, первых известных в этом мире внуков демона и человеческого существа.

Долгие годы казалось, что детям ничто не угрожает. Джеймс и Люси носили Метки и обладали способностями, присущими остальным Сумеречным охотникам. Оба могли видеть призраков – например, Джессамину, болтливую обительницу Лондонского Института – но и это не являлось чем-то необычным в семье Эрондейлов. И все с облегчением решили, что оба ребенка будут нормальными – настолько, насколько это слово может быть применимо к нефилимам. Даже Конклав, орган власти, управляющий сообществом Сумеречных охотников, перестал интересоваться ими.

А потом, когда Джеймсу исполнилось тринадцать, он впервые совершил путешествие в мир мрака. Только что он стоял на зеленой траве, а мгновение спустя его уже окружала выжженная равнина, и над головой простиралось багровое небо. Искривленные, изуродованные огнем деревья тянули вверх свои корявые ветви, похожие на когтистые лапы чудовищ. Джеймс видел такие пейзажи на гравюрах в старинных книгах. Он знал, что перед ним: это был мир демонов. Иное измерение, адское измерение.

Через несколько секунд его вышвырнуло обратно на землю, но с того дня мальчик уже не был прежним. Несколько лет Джеймса точил тайный страх; он боялся в любой момент очутиться на той черной равнине, засыпанной пеплом. Как будто невидимая, но прочная нить связывала его с миром демонов, и он все ждал, что некто натянет эту нить, вырвет его из привычного окружения и утащит в царство огня и пепла.

Когда Джеймс повзрослел, то с помощью дяди Джема сумел, как ему казалось, контролировать свою странную способность. Но сегодняшнее «путешествие», несмотря на то, что оно продолжалось всего несколько секунд, потрясло его до глубины души, и он испытал огромное облегчение, добравшись, наконец, до таверны «Дьявол».

«Дьявол» занимал дом номер 2 по Флит-стрит, рядом с приличного вида типографией. Однако, в отличие от типографии, кабак был «заколдован» таким образом, чтобы простые смертные не могли его видеть и не слышали хриплых голосов подвыпивших посетителей, доносившихся из распахнутых дверей и окон. Это было фахверковое сооружение в стиле Тюдоров; древние деревянные балки давно обветшали и были изъедены древоточцами, стены удерживались в вертикальном положении лишь заклинаниями чародеев. Хозяин, оборотень по имени Эрни, стоял за стойкой и цедил пиво в кружки; посетители представляли собой смешанную толпу фей, вампиров, ликантропов и магов.

Обычно в таких местах Сумеречных охотников встречали довольно прохладно, но всегдаги «Дьявола» привыкли к молодым людям. Они приветствовали Джеймса, Кристофера, Мэтью и Томаса ревом и шуточками. Джеймс остался в зале, чтобы забрать напитки у барменши Полли, а остальные с топотом поднялись наверх, в свои комнаты, оставляя на ступеньках следы демонического ихора.

Полли была из оборотней. Она взяла мальчишек под свое покровительство, когда Джеймс три года назад снял здесь комнаты в мансарде; ему нужно было личное пространство, где он и его друзья могли бы время от времени укрываться от бдительного ока родителей. Именно Полли начала называть их «Веселыми Разбойниками», в честь Робин Гуда и его людей. Джеймс подозревал, что его за глаза прозвали Робин из Локсли, а Мэтью – Уиллом Скарлеттом. Томасу определенно отводилась роль Крошки Джона.

Полли хмыкнула.

– Я вас едва узнала, когда вы четверо ввалились в зал, с ног до головы обмазанные невесть чем.

– Ихор, – пояснил Джеймс, принимая бутылку рейнвейна. – Это кровь демонов.

Полли наморщила нос, достала из-за стойки бара несколько застиранных посудных полотенец и повесила ему на плечо. Потом протянула еще одну тряпку, которую он прижал к порезу на ладони. Рана перестала кровоточить, но в руке пульсировала боль.

– Чтоб мне провалиться.

– В Лондоне уже сто лет не видели демона, – сказал Джеймс. – Наверное, мы немного растеряли боевые навыки и уже не так проворны, как прежде.

– Думаю, они все слишком перепугались, вот и не высовываются, – дружелюбно произнесла Полли и отвернулась, чтобы налить стакан джина Пиклзу, местному водяному.

– Перепугались? – повторил Джеймс и застыл на месте. – Чего перепугались?

Полли вздрогнула.

– О, ничего, ничего, это я просто так сказала, – торопливо пробормотала она и поспешила к противоположному концу стойки. Джеймс нахмурился и направился к лестнице. Повадки обитателей Нижнего Мира иногда ставили его в тупик.

Два пролета скрипучих ступеней вели к деревянной двери, на которой много лет назад было вырезано изречение: «Важно не то, как человек умирает, а то, как он живет. С. Дж.»⁴.

Джеймс открыл дверь плечом и обнаружил Мэтью и Томаса, валяжно рассевшихся за круглым столом посередине комнаты. Стены комнаты были отделаны деревянными панелями; окна с неровными, потемневшими от времени стеклами выходили на Флит-стрит, освещенную мигавшими фонарями. Напротив, на другой стороне улицы, на фоне серого ночного неба смутно вырисовывалось здание Королевского суда Лондона.

Молодые люди давно привыкли к этой комнате, и она казалась им уютным «гнездышком», несмотря на изъеденные насекомыми и мышами панели и старую мебель с барахолки. В камине трещали поленья. На каминной полке красовался бюст Аполлона с давно отбитым носом. Книжные шкафы ломились от оккультных сочинений, написанных магами из простых людей: в библиотеку Института не допускалась подобная литература, но Джеймс собирал книги, посвященные колдовству. Его завораживала мысль о простых магах. Он испытывал невольное уважение к людям, которые не были рождены для жизни в мире чар и теней, но стремились в этот мир так страстно, что научились взламывать надежно запертые двери.

Томас и Мэтью уже отмылись от ихора, переоделись в неглаженую, но чистую одежду, и волосы их – рыжевато-каштановые у Томаса и золотистые у Мэтью – были еще влажными.

– Джеймс! – радостно воскликнул Мэтью, увидев друга. Глаза его подозрительно блеснули, и Джеймс заметил на столе наполовину пустую бутылку бренди. – Неужто выпивка наконец-то прибыла?

Джеймс поставил вино на стол, и в этот момент Кристофер появился на пороге небольшой спальни, находившейся в дальнем конце помещения. Спальня уже была устроена здесь, когда «Веселые Разбойники» сняли комнаты, но ею пользовались только для того, чтобы мыться, хранить запасную одежду и оружие.

⁴ Цитата принадлежит Сэмюэлу Джонсону (1709–1784), английскому литературоведу, критику, лексикографу и поэту.

- Джеймс, – с довольным видом произнес Кристофер. – А я думал, ты пошел домой.
- С какой стати мне идти домой?

Джеймс уселся рядом с Мэтью и бросил на стол посудные полотенца Полли.

– Понятия не имею, – все так же радостно отозвался Кристофер, отодвигая стул. – Но ведь такое могло случиться, верно? Люди постоянно совершают странные, необъяснимые поступки. У нас однажды была кухарка, и вот как-то утром она отправилась за покупками и исчезла. Ее нашли две недели спустя в Риджентс-парке. Она нанялась служить в зоосад.

Томас приподнял брови. Ни Джеймс, ни остальные до сих пор толком не знали, стоит ли верить историям Кристофера. Не то чтобы он был отъявленным лжецом, но когда дело не касалось его мензурок и пробирок, он обращал мало внимания на происходящее вокруг него.

Кристофер был сыном Сесили Эрондейл, тети Джеймса, и Габриэля Лайтвуда. От родителей он унаследовал худощавое телосложение, темные каштановые волосы и глаза, цвет которых можно было описать, пожалуй, только как «сиреневый».

«И все это досталось мальчишке и пропадает понапрасну!» – часто говорила Сесили со вздохом мученицы. Кристофер, по всем признакам, должен был пользоваться популярностью у девушек, но увы: большую часть его лица скрывали очки с толстыми линзами, а кожа под ногтями была черной от намертво въевшегося пороха. Большинство Сумеречных охотников относились к огнестрельному оружию смертных с подозрением или вообще без всякого интереса, потому что руны, наложенные на металл или пули, не давали пороху воспламениться, а оружие без рун не действовало против демонов. Тем не менее, Кристофер был одержим идеей приспособления огнестрельного оружия и всяческих зажигательных смесей для нужд нефилимов. Джеймс вынужден был признаться себе в том, что мысль о пушке на крыше Института представляется ему не такой уж абсурдной.

– Твоя ладонь, – внезапно произнес Мэтью, наклонился вперед и пристально уставился на Джеймса зелеными глазами. – Что случилось?

– Просто порез, – ответил тот, разжимая пальцы. Рана пересекала ладонь по диагонали. Когда Мэтью взял пострадавшую руку, серебряный браслет, который Джеймс всегда носил на правом запястье, звякнул о бутылку с вином.

– Ты должен был мне сказать, – нахмурился Мэтью и сунул руку в карман жилета, чтобы достать стило. – Я бы в два счета разобрался с твоим порезом еще в том переулке.

– Я забыл, – буркнул Джеймс.

Томас, который водил кончиком пальца по краю бокала вместо того, чтобы пить, произнес:

– Что-нибудь случилось?

Томас был слишком проникновенен, и иногда это раздражало.

– Все произошло очень быстро, – неохотно отозвался Джеймс.

– Многие «очень быстрые» вещи также являются очень плохими, – заметил Мэтью, прикладывая острие стила к ладони Джеймса. – Например, нож гильотины падает очень быстро. Взрывы в лаборатории Кристофера также происходят исключительно быстро.

– Как видите, это была не гильотина и не взрыв, – усмехнулся Джеймс. – Я... я перенесся в царство теней.

Мэтью резко поднял голову, но рука его не дрогнула, он продолжал аккуратно выводить на коже Джеймса *иратце*, исцеляющую руну. Джеймс почувствовал, что боль начинает утихать.

– А я думал, что с этим уже покончено, – пробормотал Мэтью. – Я думал, Джем помог тебе.

– Он действительно мне помог. С последнего раза прошел целый год. – Джеймс покачал головой. – Наверное, глупо было надеяться на то, что я смогу избавиться от этого навсегда.

– Но ведь это обычно происходит с тобой, когда ты чем-то встревожен или расстроен, – заметил Томас. – Может, это из-за нападения демона?

– Нет, – быстро ответил Джеймс. – Нет, нет... но я представления не имею, что послужило толчком.

Джеймс почти с радостью ждал этой схватки. Все лето он пребывал в раздраженном, мрачном состоянии духа – впервые больше чем за десять лет он не поехал с семьей в Идрис, на каникулы.

Идрис располагался в центральной Европе. Страна была со всех сторон окружена невидимой «стеной» из защитных чар, скрывавших ее от взглядов простых людей и их примитивных изобретений: прекрасная страна без железных дорог, без заводов, без смога и дыма от печей, в которых жгли каменный уголь. Джеймс знал, почему в этом году его семья вынуждена была остаться в Лондоне, но у него имелись собственные причины желать возвращения в Идрис. Лишь немногие занятия, и среди них патрулирование улиц, могли отвлечь его от неотступных мыслей.

– Демоны не в состоянии встревожить нашего отважного друга, – возразил Мэтью, заканчивая изображать исцеляющую руну. Он наклонился к Джеймсу так близко, что тот почувствовал знакомый аромат мыла, смешанный с винными парами. – Должно было произойти что-то еще.

– Значит, тебе следует поговорить со своим дядей, Джейми, – посоветовал Томас.

Джеймс отрицательно покачал головой. Ему не хотелось беспокоить дядю Джема из-за эпизода, который сейчас казался сушей чепухой.

– Да ничего там не произошло. Просто появление демона застало меня врасплох, и я случайно схватился за клинок вместо рукояти. Наверняка причина в этом.

– А ты превратился в тень? – расспрашивал Мэтью, убирая стило. Иногда в случаях, когда Джеймса «затягивало» в серый мир, друзья потом рассказывали, что очертания его фигуры становились расплывчатыми. Время от времени он полностью превращался в черную тень – тень, имевшую облик Джеймса, но прозрачную и бесплотную.

Несколько раз – буквально два или три – ему удавалось в виде тени пройти сквозь стену или дверь. Но он никогда не говорил о том, что ему пришлось испытать при этом.

Кристофер поднял голову от своей записной книжки.

– Кстати, раз уж речь зашла о демонах...

– Мы говорили вовсе не о демонах, – заметил Мэтью.

– ...как ты сказал, он называется? – спросил Кристофер, обгрызая карандаш. Он часто записывал подробности их экспедиций и схваток с адскими тварями – утверждал, что это помогает ему в научных исследованиях. – Я имею в виду того, который взорвался.

– А что, разве там был еще один, который *не* взорвался? – хмыкнул Джеймс.

Томас, обладавший исключительной памятью на мелкие детали, разъяснил:

– Это был деумас, Кристофер. Странно, что мы его встретили; они редко появляются в больших городах.

– Я сохранил немного его ихора, – сообщил Кристофер, сунул руку в один из своих многочисленных карманов и извлек пробирку с зеленоватой субстанцией, закупоренную пробкой. – Предупреждаю заранее, чтобы никто из вас не вздумал это выпить.

– Вот чокнутый! И как тебе только в голову такое могло прийти! Мы не собирались делать ничего подобного! – возмутился Томас.

Мэтью даже содрогнулся.

– Довольно уже разглагольствовать об ихоре. Давайте еще раз выпьем за благополучное возвращение Томаса домой!

Томас начал возражать. Джеймс поднял бокал и чокнулся с Мэтью. Кристофер собрался уже чокнуться с Джеймсом своей пробиркой, но Мэтью, бормоча проклятья, отнял злосчастный ихор и протянул естествоиспытателю бокал вина.

Томас, несмотря на свои возражения, выглядел довольным. Большинство Сумеречных охотников, достигнув восемнадцати лет, отправлялись в своего рода турне – оставляли свой Институт и посещали другие, расположенные за границей. Томас всего несколько недель назад вернулся из Мадрида, где провел девять месяцев. Целью путешествия было изучение чужих обычаев и расширение собственных горизонтов; Томас определенно расширился, но главным образом в физическом смысле.

Несмотря на то, что в их компании он был старшим, до этой поездки он был самым тщедушным. Когда Джеймс, Мэтью и Кристофер приехали на пристань, чтобы встретить корабль Томаса, возвращавшегося из Испании, они довольно долго шарили взглядами в толпе, прежде чем узнать своего друга в мускулистом молодом мужчине, спускавшемся по трапу. Сейчас Томас был самым высоким и загорелым, словно вырос не в Лондоне, а на ферме. Он мог орудовать двуручным мечом, как перышком, и привез из Испании новое оружие, *болас*, несколько прочных веревок, на концах которых были укреплены грузила. Он вращал этой штукой над головой. Мэтью часто говорил, что у него возникает чувство, будто он дружит с добродушным великаном.

– Когда вы покончите с этой бутылкой, я расскажу вам одну новость, – объявил Томас, отодвигаясь от стола. – Помните тот старый особняк в Чизвике, который когда-то принадлежал моему деду? Его еще называли Лайтвуд-хаус? Несколько лет назад Конклав отдал его моей тетке Татьяне, но она никогда там не жила – предпочла остаться в Идрисе с моей кухней, э-э...

– Гертрудой, – подсказал Кристофер.

– Грейс, – поправил его Джеймс. – Ее зовут Грейс.

Кристоферу она тоже приходилась кухней, но Джеймс знал, что ни тот, ни другой никогда ее не видели.

– Именно, Грейс, – согласился Томас. – Тетя Татьяна всегда вела абсолютно уединенную жизнь в Идрисе – никаких гостей и тому подобного, – но, насколько я понял, она решила переехать обратно в Лондон, так что мои родители разволновались не на шутку.

Джеймсу показалось, что сердце его сбилось с ритма, потом застучало глухо, медленно.

– Грейс, – заговорил он и вдруг увидел, что Мэтью бросил на него быстрый взгляд исподтишка. – Грейс – она переезжает в Лондон?

– Похоже, Татьяна хочет ввести ее в общество. – На лице Томаса отразилось недоумение. – Ты, наверное, познакомился с ней там, в Идрисе? По-моему, ваш дом находится по соседству с Блэкторн-Мэнором?

Джеймс механически кивнул. Он вдруг ощутил тяжесть браслета на правой руке, хотя носил его много лет и настолько к нему привык, что уже не замечал.

– Обычно я вижу ее каждое лето, – сказал он. – Если не считать нынешнего, конечно.

«Если не считать нынешнего». Он не нашел в себе сил возразить родителям, когда они сказали, что семья Эрондейл проведет это лето в Лондоне. Не смог заговорить об истинной причине, побуждавшей его вернуться в Идрис. В конце концов, насколько им было известно, он едва знал Грейс. Он не мог объяснить, не мог заговорить о тошнотворном чувстве, об ужасе, который охватывал его при мысли о том, что он увидит ее только через год.

Этот секрет Джеймс хранил с тринадцати лет. Стоило ему закрыть глаза, и он видел перед собой высокие ворота Блэкторн-Мэнора, видел собственные руки – руки без шрамов, руки ребенка, которые прилежно резали колючие плети вьющихся растений. Он видел Длинный Зал особняка, занавески, которые развеивал ночной ветер, и слышал музыку. Он видел Грейс в платье цвета слоновой кости.

Мэтью задумчиво наблюдал за ним, но озорные огоньки не плясали в его глазах. Мэтью, и только ему из всех друзей Джеймса, была известна история знакомства Джеймса и Грейс Блэкторн.

– Положительно, Лондон подвергся нашествию дебютанток, – заметил Мэтью. – Скоро приезжает семейство Карстерсов, слышали?

Джеймс кивнул.

– Люси ночами буквально не спит, не может дождаться, когда увидит Корделию.

Мэтью налил себе вина.

– Вполне их понимаю; должно быть, им чертовски надоела деревенская жизнь в Девоне – как там называется их поместье? Сайренворт? Если я не ошибаюсь, они приезжают через пару дней...

Томас опрокинул свой бокал. А заодно по скатерти покатился бокал Джеймса и пробирка Кристофера. Томас еще не привык к тому, что занимает в пространстве гораздо больше места, чем прежде, и иногда двигался очень неуклюже.

– *Вся* семья Карстерсов приедет, ты сказал? – пробормотал Томас.

– Кроме Элиаса Карстера, – пояснил Мэтью. Элиас был отцом Корделии. – Но Корделия, естественно, будет, а вместе с ней... – Он многозначительно приподнял брови.

– О, дьявольщина, – воскликнул Кристофер. – Алистер Карстерс. – У него сделалось такое лицо, словно его мутило даже при звуке этого имени. – Я правильно вспомнил? Это тот самый отвратительный тип?

– «Отвратительный тип» – это еще мягко сказано, – заметил Джеймс. Томас полотенцем вытирал со стола лужу вина, а Джеймс озабоченно следил за ним. В школе Томас был застенчивым, тихим мальчиком, а Алистер – задирой и хулиганом. – Мы вполне можем избежать общения с Алистером, Том. У нас нет никаких причин проводить время вместе, и я с трудом могу представить, чтобы он, в свою очередь, жаждал нашего общества.

Томас хотел что-то сказать, но запнулся, брызгая слюной. Причиной тому послужила вовсе не речь Джеймса. Содержимое пробирки Кристофера, вылившееся на скатерть, приобрело красно-коричневый цвет и начало разедать столешницу. Все вскочили с мест и схватились за полотенца Полли. Томас поспешно выплеснул на стол кувшин воды, но при этом облил Кристофера так, что у того одежда промокла насквозь. Мэтью согнулся пополам от хохота.

– Слушайте, ну ничего себе, – пробубнил Кристофер, убирая с лица влажные волосы. – Это действительно сработало, Том. Кислота нейтрализована.

Томас тряхнул головой.

– Кому-то следовало бы нейтрализовать тебя, придурок...

У Мэтью началась самая настоящая истерика.

Несмотря на весь этот хаос, окружавший его, Джеймс невольно унесся мыслями далеко-далеко. Столько лет, в сотнях писем, которыми они тайно обменивались, Джеймс и Грейс клялись друг другу в том, что однажды они будут вместе; что придет день, они станут взрослыми, и тогда поженятся, пусть даже против воли старших, и будут жить вместе в Лондоне. Это всегда было их мечтой.

Так почему же она не сообщила ему о своем приезде?

– Ой, смотрите! Альберт-холл! – воскликнула Корделия, прижимаясь носом к окошку экипажа. Был чудесный день, солнце заливало Лондон ослепительными лучами, и белые аристократические особняки Южного Кенсингтона буквально сияли, словно ряды фигур из слоновой кости в дорогом комплекте шахмат. – В Лондоне действительно чудесная архитектура.

– Как тонко подмечено, – издевательски протянул ее старший брат Алистер. Забившись в угол кареты, он делал вид, будто углублен в чтение какой-то книги по математике. Всем своим видом он стремился показать, что его нельзя отвлечь такой ерундой, как архитектура. – Уверен, никто до тебя не высказывал вслух мнения о лондонских зданиях.

Корделия сердито уставилась на него, но он даже не соизволил поднять взгляд от книги. Разве он не понимает, что она всего лишь пытается поднять им настроение? Их мать, Сона,

сидела с усталым видом, безвольно привалившись к стенке кареты; глаза ее были обведены синими кругами, и ее смуглая кожа, обычно сияющая, приобрела болезненный желтоватый цвет. Состояние матери беспокоило Корделию уже несколько недель, с того самого дня, как новости из Идриса, новости об отце, достигли Девона.

– Дело в том, Алистер, что на этот раз мы приехали сюда не в гости. Мы собираемся жить здесь постоянно. Познакомимся с новыми людьми, будем принимать гостей; вовсе нет нужды сидеть взаперти в Институте – хотя мне хотелось бы, чтобы Люси постоянно была рядом...

– А заодно и Джеймс, – вставил Алистер, не отрываясь от своего учебника.

Корделия заскрежетала зубами.

– Дети. – Мать Корделии взглянула на молодых людей с упреком. Алистер скорчил недовольную гримасу – через месяц ему должно было исполниться девятнадцать, и он, по крайней мере, в собственных глазах, давно уже не был ребенком. – У нас есть серьезные дела. Как вам прекрасно известно, мы приехали в Лондон вовсе не ради развлечений. Мы здесь представляем нашу семью.

Корделия взглянула на брата уже не столь враждебно. Она понимала, что он тоже тревожится насчет Соны, хотя никогда не признавался в этом вслух. Она уже миллион раз задавала себе вопрос: что конкретно известно ему о положении, в котором находится отец? Она также понимала, что Алистер знает больше ее самой, но ни за что не станет говорить с ней об этом.

Сердце ее забило чаще от радостного волнения, когда экипаж остановился на площади Корнуолл-Гарденс, у дома 102 – одного из величественных белых викторианских особняков. Черный номер был написан простыми цифрами на самой правой колонне. На галерее, на верхних ступенях лестницы, стояли несколько человек. Корделия сразу же узнала Люси Эрондейл, хотя девушка стала немного выше ростом со дня их последней встречи. Золотисто-каштановые волосы были убраны под шляпку, а бледно-голубой жакет и юбка прекрасно сочетались с цветом ее глаз.

Люси сопровождали двое. Корделия узнала ее мать, Тессу Эрондейл, знаменитую – во всяком случае, среди Сумеречных охотников – супругу Уилла Эрондейла, главы Лондонского Института. Она выглядела лишь немногим старше дочери. Тесса была чародейкой, умела изменять внешность и обладала еще одним даром: бессмертием и вечной молодостью.

Рядом с Тессой стоял Джеймс.

Корделия вспомнила, как однажды, когда она была еще маленькой девочкой, ей захотелось погладить лебедя, жившего в пруду в их поместье. Злобная птица почему-то бросилась на нее, врезалась ей прямо в живот и сбила с ног. Несколько минут Корделия лежала на траве, хватая ртом воздух и пытаясь отдышаться; тогда она испугалась, что никогда больше не сможет сделать ни одного вдоха.

Она понимала, что история звучит не слишком-то романтично. Вряд ли она решилась бы признаться кому-нибудь в том, что всякий раз при виде Джеймса Эрондейла испытывает чувство, будто ее клюнул рассерженный лебедь, но это было правдой.

Он был таким красивым, таким красивым – глядя на него, она забывала о том, что нужно дышать. Непокорные волнистые черные волосы казались Корделии мягкими на ощупь; длинные темные ресницы отбрасывали тень на глаза цвета меда или янтаря. Ему было семнадцать; неуклюжий длинноногий подросток исчез, и перед Корделией стоял стройный, изящный юноша с совершенной фигурой и лицом, невыносимо прекрасный, словно гениальное произведение искусства.

– Уф! – Она неловко спрыгнула на мостовую. Каким-то образом ей удалось справиться с дверцей кареты, и теперь она стояла на тротуаре и слегка покачивалась, пытаясь обрести равновесие. Ноги, казалось, разучились ходить после долгих часов, проведенных в дороге.

Джеймс мгновенно очутился рядом с ней, подхватил ее под руку, не дал упасть.

– Маргаритка? – воскликнул он. – С тобой все в порядке?

Такое прозвище когда-то дал ей он сам. Он не забыл.

– Просто я немного неуклюжая. – Она уныло огляделась по сторонам. – Я надеялась, что мое появление будет более эффектным.

– Не стоит волноваться, забудь об этом. – Он улыбнулся, и сердце ее дрогнуло. – Мостовые Южного Кенсингтона – коварная штука. Мне и самому не раз приходилось вступать с ними в единоборство.

«Придумай какой-нибудь достойный ответ, – сказала она себе. – Скажи что-нибудь остроумное».

Но Джеймс уже отвернулся и наклонил голову, приветствуя Алистера. Корделия знала, что в школе Джеймс и Алистер недолюбливали друг друга, но ее мать пребывала в полном неведении относительно их взаимоотношений. Сона считала, что Алистера все обожают.

– Вижу, ты приехал, Алистер, – странным невыразительным голосом произнес Джеймс. – И выглядишь ты...

Он с неприкрытым изумлением разглядывал желтые волосы Алистера, которые в ярком солнечном свете казались белыми. Корделия, затаив дыхание, ждала продолжения и очень надеялась, что Джеймс бросит нечто вроде «ты похож на репу», но он не сказал ничего подобного.

– Хорошо выглядишь, – закончил Джеймс.

Молодые люди некоторое время смотрели друг на друга в молчании, а в это время Люси сбежала по ступенькам и бросилась на шею Корделии.

– Я так рада, так рада тебя видеть, очень-очень! – восклицала она в присущей ей восторженной манере. У Люси любая вещь, человек или событие всегда были «очень-очень», и неважно, какой эпитет следовал дальше – «красивый», «захватывающий» или «ужасный». – Корделия, дорогая моя, ты даже представить себе не можешь, как нам будет весело...

– Люси, Корделия и ее семья приехали в Лондон для того, чтобы вы с Корделией могли тренироваться вместе, – ласковым тоном произнесла Тесса. – Вам предстоит много работать, это большая ответственность.

Корделия опустила взгляд и уставилась на свои туфли. Тесса была так добра, что повторила историю о том, что Карстерсы в спешке переехали в Лондон ради Корделии, из-за того, что Корделии и Люси срочно нужно стать названными сестрами, *парабатай*, но это было неправдой.

– О, миссис Эрондейл, неужели вы забыли себя в шестнадцать лет, – вмешалась Сона. – Юные девушки обожают танцы и наряды. Насчет себя могу сказать, что в их возрасте я только об этом и думала, да и вы наверняка тоже.

Корделия знала, что слова матери насчет ее собственной молодости совершенно не соответствовали истине, но, естественно, промолчала. Тесса приподняла брови.

– Действительно, припоминаю, что однажды я угодила на веселое сборище вампиров. И еще была одна вечеринка в доме Бенедикта Лайтвуда – разумеется, еще до того, как он подцепил демоническую корь и превратился в червя...

– Матушка! – воскликнула скандализованная Люси.

– А что такого, он же действительно превратился в червя, – заметил Джеймс. – Точнее, в гигантскую смертоносную змею. Должен сказать, что этот эпизод был одним из самых интересных на уроках истории.

В этот момент прибыли фургоны с имуществом Карстерсов, и Тесса была избавлена от необходимости продолжать не слишком пристойный разговор. С одной повозки прыгнули несколько дюжих грузчиков и начали убирать холст, прикрывавший надежно привязанную мебель.

Один из рабочих помог Райзе, горничной и кухарке Соны, выбраться из фургона. Райза работала в семье Джаханшах еще с тех пор, как Сона была юной девушкой, и была ее личной служанкой. Она была простой смертной женщиной, но обладала даром Зрения, поэтому явля-

лась ценной спутницей для Сумеречного охотника. Райза говорила только на фарси. Корделия подумала: интересно, пытались ли люди, ехавшие с ней в фургоне, завести с ней разговор? Райза отлично понимала английский язык, но предпочитала помалкивать.

– Пожалуйста, поблагодарите от моего имени Сесили Лайтвуд за то, что она одолжила мне повозки и людей, – говорила мать Корделии, обращаясь к Тессе.

– О, кстати. Они будут приходить по вторникам и четвергам, чтобы выполнять черную работу, до тех пор, пока вы не подыщете себе подходящую прислугу, – сообщила Тесса.

«Черной работой» называлось все, что не входило в обязанности Райзы, которая готовила еду, ходила за покупками, помогала Соне и Корделии одеваться, – например, мытье полов или уход за лошадьми. Разговоры о том, что Карстерсы смогут в скором времени нанять собственных слуг, были лишь очередным проявлением вежливости, и Корделия это понимала. Когда они покидали Девон, Сона рассчитала всю прислугу, кроме Райзы – они пытались экономить, пока Элиас Карстерс находился в заключении в ожидании суда.

Внимание Корделии привлек громоздкий предмет на одной из повозок.

– Мама! – воскликнула она. – Ты взяла с собой фортепиано?

Мать пожала плечами.

– Я люблю музыку. – Она обернулась к грузчикам и сделала повелительный жест. – Корделия, здесь сейчас будет шумно и пыльно. Может быть, вам с Люси пройтись, осмотреть окрестности? А ты, Алистер, останься, помоги мне руководить людьми.

Корделия пришла в восторг при мысли о том, что она получит возможность пообщаться с Люси наедине. Тем временем на лице Алистера появилось странное выражение: казалось, его охватила одновременно досада оттого, что он вынужден остаться дома с матерью, и самодовольство оттого, что ему доверили роль главы семьи.

Тессу, казалось, позабавило происходящее.

– Джеймс, пойдись с девочками. Может, вам отправиться в Кенсингтонские сады? Это недалеко отсюда, погода сегодня отличная.

– Да, Кенсингтонские сады действительно вполне подходят, – мрачно произнес Джеймс.

Люси подняла глаза к небу и взяла Корделию за руку.

– Тогда идем, – сказала она и увлекла подругу вниз по ступеням, на тротуар.

Джеймс на своих длинных ногах без труда догнал их.

– Нет никакой нужды нестись как угорелые, Люси, – заметил он. – Матушка вовсе не собирается удерживать тебя в доме и требовать, чтобы ты тащила фортепиано на второй этаж.

Корделия бросила на него взгляд из-под опущенных ресниц. Ветер шевелил его волосы. Даже волосы ее матери не были совершенно черными – они отливали медью и золотом. Но волосы Джеймса были цвета воронова крыла.

Он легкомысленно улыбнулся ей с таким видом, словно и не заметил, как она совершенно неприличным образом разглядывала его. Хотя, с другой стороны, он, без сомнения, привык к тому, что его бесцеремонно разглядывают другие Сумеречные охотники. Не только из-за его привлекательной внешности, но и по некоторым другим причинам.

Люси стиснула ее пальцы.

– Ты приехала, и я так счастлива, – объявила она. – На самом деле я никогда до конца не верила в то, что мы будем жить в одном доме.

– Почему? – удивился Джеймс. – Закон требует, чтобы вы тренировались некоторое время, прежде чем вы станете *парабатай*, а кроме того, отец просто обожает Маргаритку. Ведь именно он здесь устанавливает правила...

– Ваш отец обожает всех Карстерсов, – возразила Корделия. – Не уверена, что это как-то связано с моими личными достоинствами. Наверное, ему даже Алистер может понравиться.

– Мне кажется, он уже убедил себя в том, что в характере Алистера имеются некие неизведанные глубины, – сказал Джеймс.

– Как и вzybучих песках, – усмехнулась Корделия.

Джеймс рассмеялся.

– Довольно, братец, – вмешалась Люси и хлопнула Джеймса по плечу затянутой в перчатку рукой. – Маргаритка – моя подруга, и ты не даешь нам поболтать. Сделай одолжение, отправляйся куда-нибудь в другое место.

Они шли по улице Квинс Гейт в сторону Кенсингтон-роуд; вокруг сновали люди, стучали копытами лошади, скрипели омнибусы. Корделия представила себе, как Джеймс скрывается в толпе; наверняка в этом городе он найдет себе занятие поинтереснее, чем сопровождать сестру. А может быть, его похитит какая-нибудь прекрасная богатая наследница, которая влюбится в него с первого взгляда. Такие вещи, как она знала, часто случаются в Лондоне.

– Я буду следовать за вами в десяти шагах, как паж, – предложил Джеймс. – Но мне нельзя терять вас из виду, не то матушка меня убьет; в результате я пропущу завтрашний бал, Мэтью тоже меня убьет, и мне придется умирать дважды.

Корделия улыбнулась и хотела что-то сказать, но Джеймс уже отстал от них, как и обещал. Он легкими шагами шел позади, чтобы дать девушкам возможность поговорить наедине, и Корделии пришлось приложить немало усилий, чтобы скрыть свое разочарование оттого, что ей пришлось повернуться к нему спиной. В конце концов, теперь она жила в Лондоне, и встречи с Джеймсом должны были из редких чудесных случайностей превратиться в часть ее повседневной жизни.

И все-таки Корделия не удержалась и быстро оглянулась; он уже вытащил из кармана книгу и принялся читать ее прямо на ходу, насвистывая что-то вполголоса.

– О каком это бале он сейчас говорил? – спросила она, повернувшись к Люси. Они прошли под черной аркой из кованого железа и очутились в Кенсингтонских садах, под сенью древних деревьев. В парке было полно народу: няньки с колясками, молодые парочки, гуляющие в обнимку по тенистым аллеям. Две девочки плели венки из маргариток, а какой-то мальчик в синем матросском костюмчике бегал по газону с обручем и громко хохотал. Он подбежал к высокому мужчине; тот подхватил ребенка на руки и со смехом подбросил. Корделия на мгновение крепко зажмурила глаза и подумала о собственном отце, о том, как он подбрасывал ее в воздух, когда она была еще маленькой, и как они оба смеялись, и как он потом ловил ее.

– О том, который назначен на завтрашний вечер, – ответила Люси и взяла Корделию под руку. – Мы устраиваем его, чтобы отметить ваш переезд в Лондон. Там будет весь Анклав, будут танцы, и у матушки появится возможность похвастаться заново отделанным балльным залом.

А у меня появится возможность похвастаться тобой.

Корделию охватила дрожь. Она сама не знала, что это – радостное возбуждение, предвкушение или страх. Анклавом официально называлось сообщество Сумеречных охотников, проживавших в Лондоне; в каждом крупном городе был свой Анклав, который подчинялся местному Институту, а также верховным властям, Конклаву и Консулу. Она понимала, что это глупо, но при мысли о встрече с таким количеством людей ее охватила тревога и неопределенное беспокойство. Жизнь, которую она до сегодняшнего дня вела со своей семьей, состояла из постоянных переездов с места на место, если не считать остановок в Сайренворте, в Девоне, и была довольно уединенной.

Но именно в этом, в знакомстве с местным обществом, и состоял ее долг. Они приехали в Лондон именно ради этого. Она подумала о матери.

Это будет вовсе не бал, сказала она себе. Это будет первая схватка в предстоящей войне.

Она понизила голос.

– А все, кто там соберется – все местные, они знают о моем отце?

– Вовсе нет. Лишь немногие слышали подробности, а те, кто слышал, держат язык за зубами. – Люси задумчиво взглянула на подругу. – А ты не хочешь... если ты расскажешь мне о том, что там произошло, клянусь, я ни единой живой душе об этом не заикнусь, даже Джеймсу.

У Корделии заболело сердце – так всегда бывало, когда она вспоминала об отце. Но она знала, что все равно должна рассказать его историю Люси, а потом ей понадобится пересказывать ее другим, чужим людям. Она сможет помочь отцу лишь в том случае, если будет формулировать свои претензии и требования прямо и недвусмысленно.

– Примерно месяц тому назад мой отец отправился в Идрис, – заговорила она. – Цель поездки держали в большой тайне, но теперь я знаю, что вблизи от границ Идриса было обнаружено скопище демонов-кравьядов.

– Правда? – воскликнула Люси. – Это такие отвратительные чудовища, которые едят всех подряд?

Корделия кивнула.

– Они почти целиком уничтожили стаю вервольфов. На самом деле, именно оборотни принесли новость в Аликанте. Консул собрала экспедиционный отряд нефилимов и вызвала моего отца, потому что он специалист по редким видам демонов. Вместе с двумя обитателями Нижнего Мира он разработал план уничтожения кравьядов.

– Звучит здорово, – заметила Люси. – И как это замечательно, сотрудничать с существами из Нижнего Мира.

– Да уж, предполагалось, что все будет замечательно, – вздохнула Корделия и оглянулась: Джеймс шагал следом на довольно большом расстоянии, не отрываясь от своей книги. Вряд ли он услышит их, подумала она. – Все пошло совершенно не так, как было запланировано. Демоны-кравьяд исчезли, а нефилимы нечаянно вторглись на территорию какого-то клана вампиров. То есть, это вампиры считали, что земля принадлежит им. Произошла стычка, серьезная.

Люси побледнела.

– Да поможет нам Ангел. Кого-нибудь из наших убили?

– Несколько нефилимов было ранено, – рассказала Корделия. – А клан вампиров решил, что мы, то есть Сумеречные охотники, объединились с вервольфами ради того, чтобы завоевать их владения. Началась ужасная неразбериха, и дело едва не дошло до нарушения Соглашений.

На лице Люси отразился ужас, и Корделия не могла ее в этом винить. Соглашения представляли собой мирный договор между Сумеречными охотниками и Нижним Миром, который помогал поддерживать порядок. Нарушение Соглашений могло повлечь за собой кровавый хаос.

– Конклав начал расследование, – продолжала Корделия. – Все в установленном порядке. Мы думали, что мой отец будет свидетелем, но вместо этого его арестовали. Именно его обвиняют в провале экспедиции. Но это была вовсе не его вина, он же не мог знать... – Она закрыла глаза. – Это его едва не убило, то, что он не оправдал ожиданий Конклава, не справился с поставленной задачей. Он знал, что чувство вины будет терзать его всю оставшуюся жизнь. Но никто из нас не мог и заподозрить, что они прекратят расследование и просто арестуют его. – Корделия вдруг заметила, что у нее дрожат руки, и сцепила пальцы. – Он прислал мне одно письмо, но после этого – ничего. Они запретили. До начала суда он будет сидеть под домашним арестом в Аликанте.

– *Суда?* – повторила Люси. – И что, судить будут только его? Но ведь в экспедиции участвовали и другие, те, кто ему помогал, разве не так?

– Да, там *были* другие, но моего отца сделают козлом отпущения, свалят всю вину на него. Теперь оказывается, что только он во всем виноват. Мать хотела поехать в Идрис, чтобы увидеться с ним, но он запретил, – добавила Корделия. – Он сказал, что мы должны отпра-

виться в Лондон. Что если его признают виновным, нашу семью покроет несмываемый позор, и что мы должны действовать быстро, чтобы предотвратить это.

– Но это будет в высшей степени несправедливо! – Глаза Люси сверкнули. – Все знают, что у Сумеречных охотников опасная работа. Я уверена, что когда твоего отца допросят, будет решено, что он сделал все возможное ради успеха этой вылазки.

– Может быть, – негромко пробормотала Корделия. – Но им же нужно кого-то посадить в тюрьму; кроме того, он прав, у нас действительно мало друзей среди Сумеречных охотников. Мы все время переезжали, потому что *Баба*⁵ был болен, и никогда подолгу не задерживались на одном месте – Париж, Бомбей, Марокко...

– А мне всегда казалось, что это так... увлекательно.

– Мы просто пытались найти наиболее подходящий для него климат, – объяснила Корделия, – но сейчас мама поняла, что у нее совсем мало союзников. Именно поэтому мы приехали сюда, в Лондон. Она рассчитывает завести влиятельных друзей; в таком случае, если моему отцу будет угрожать тюремное заключение, у нас найдутся заступники.

– Но ведь всегда остается дядя Джем. *Он* твой двоюродный брат, – заметила Люси. – Кроме того, Безмолвных Братьев очень ценят в Конклаве.

Дядей Джемом Люси называла Джеймса Карстера, который был известен большинству нефилимов под именем Брата Захарии. Безмолвные Братья среди нефилимов представляли своего рода касту целителей и хранителей истории; они проводили жизнь в молчании, жили долго и были весьма могущественными. Они обитали в Безмолвном городе, подземном мавзолее, в который можно было попасть через тысячу порталов, расположенных в разных частях планеты.

Самым странным в этих Братях Корделии казалось то, что, подобно своим «коллегам», Железным Сестрам, которые изготавливали из адамаса оружие и стила, – они сами выбирали свой жизненный путь. Когда-то Джем был обычным Сумеречным охотником, *парабатаем* отца Люси, Уилла. Решив стать Безмолвным Братом, он получил новые могущественные Метки, которые изуродовали его, лишили его возможности разговаривать и видеть. Безмолвные Братья не старели в физическом смысле, но, с другой стороны, они не могли иметь детей, жен, собственный дом. Такая жизнь казалась Корделии ужасно, невыносимо одинокой. Разумеется, она видела Брата Захарию – то есть Джема – во время важных встреч или церемоний, но она не знала его так близко, как Джеймс и Люси. Ее отец недолюбливал или побаивался Безмолвных Братьев, и всю жизнь прикладывал немало усилий для того, чтобы помешать Дjemu навещать их семью.

Если бы Элиас придерживался о Братях иного мнения, Джем, возможно, сейчас находился бы на их стороне. Но исправить ничего было нельзя, и Корделия понятия не имела, как к нему обратиться.

– Твоего отца ни за что не признают виновным, – пообещала Люси, стиснув руку Корделии. – Я поговорю с родителями...

– Нет, Люси. – Корделия покачала головой. – Всем известно о близкой дружбе между нашими семьями. Они уверены в том, что твои мать и отец не смогут судить беспристрастно. – Она вздохнула. – Я сама пойду к Консулу. Обращусь к ней лично. Возможно, она не до конца понимает, что остальные просто хотят поскорее замять этот скандал с жителями Нижнего Мира, обвинив моего отца. Всегда легче указать пальцем на кого-то конкретного, чем признаться, что все мы совершаем ошибки.

Люси кивнула.

– Тетя Шарлотта так добра, не могу представить себе, чтобы она отказалась помочь вам.

⁵ На фарси – «отец», «папа».

«Тетей Шарлоттой» Люси называла Шарлотту Фэйрчайлд, первую женщину, избранную Консулом. Она также была матерью *парабатая* Джеймса, Мэтью Фэйрчайлда, и старым другом семьи Эрондейл.

Человек, занимавший пост Консула, обладал огромной властью, и когда Корделия впервые услышала о том, что отца взяли под стражу, она сразу же подумала о Шарлотте. Но Консул не имеет возможности поступать так, как ему (или ей) заблагорассудится, объяснила ей тогда Сона. Внутри Конклава существуют группировки, могущественные фракции, которые постоянно давят на нее, убеждая сделать то или это, и она не рискнет разгневать их. Если они пойдут к Шарлотте, для их семьи будет только хуже, говорила Сона.

Корделия не возражала, но все же считала, что мать ошибается – разве сущность власти состоит не в *этом*, в возможности рискнуть и вызвать гнев людей? Зачем женщине было становиться Консулом, если она даже на этом высоком посту продолжает суетиться и волноваться о том, как бы случайно не расстроить кого-нибудь, как бы всем угодить? Ее мать была слишком осторожна, слишком опаслива. Сона считала, что единственным выходом из сложившейся ситуации был брак Корделии с каким-нибудь влиятельным человеком, который мог бы спасти репутацию их семейства в случае, если Элиас отправится в тюрьму.

Но Корделия не собиралась рассказывать об этом Люси. Она не собиралась вообще никому об этом рассказывать. Она не могла без гнева и ужаса думать об этом: не то, чтобы она была против самой идеи брака, но считала, что выходить замуж следует за того, кого выберешь сама, и только по любви. Она не желала участвовать в сделке, целью которой было обелить имя их семьи – ведь отец не совершил ничего противозаконного! Она намеревалась решить эту проблему, используя свой ум и храбрость; она не позволит продать себя, как рабыню на рынке.

– Я понимаю, сейчас все выглядит просто ужасно, – говорила тем временем Люси, и Корделия сообразила, что пропустила часть ее речи, – но я просто уверена в том, что скоро все закончится, и твой отец вернется к вам совершенно свободным от всяких обвинений. А тем временем ты побудешь в Лондоне, сможешь тренироваться вместе со мной и – ой! – Люси отняла у Корделии руку и принялась рыться в ридикюле. – Чуть не забыла. Я же прихватила для тебя новую главу «Прекрасной Корделии».

Корделия улыбнулась и постаралась временно выбросить из головы собственные неприятности. «Прекрасная Корделия» – так назывался роман, который Люси начала писать еще в двенадцать лет. Целью его было развлечь Корделию и поднять ей настроение во время продолжительного пребывания в Швейцарии. В романе описывались приключения молодой женщины по имени Корделия, изящной, очаровательной и покорявшей всех представителей сильного пола своей неземной красотой, и красивого мужчины, обожавшего ее, лорда Хоука. К сожалению, они были разлучены, когда Корделию похитили пираты, и с того дня девушка пыталась вернуться к лорду; но на пути к возлюбленному ее ждали захватывающие приключения и многочисленные препятствия в виде привлекательных мужчин, которые сразу же влюблялись в героиню и предлагали ей руку и сердце. Претендентов на руку красавицы было так много, что настоящая Корделия давно уже перестала их считать.

В течение четырех лет Люси каждый месяц, без единого пропуска или опоздания, высылала подруге новую главу, и Корделия, свернувшись перед сном в постели, погружалась в мир фантазии, следила за романтическими приключениями своей выдуманной тетки и ненадолго забывала о реальной жизни.

– Чудесно, – ответила она и взяла сверток. – С нетерпением жду продолжения, ужасно интересно, сумеет ли Корделия вырваться из лап злобного Бандитского Короля!

– Ну, на самом деле, оказалось, что Бандитский Король не такой уж и злобный. Понимаешь ли, он младший сын одного герцога, который всегда... извини, – робко пробормотала Люси, заметив сердитый взгляд Корделии. – Я забыла, ведь ты не любишь, когда тебе заранее все рассказывают.

– Правда, – ответила Корделия и слегка стукнула подругу по плечу рукописью, свернутой в трубку. – Но все равно, спасибо тебе, дорогая моя, я прочту главу сразу же, как только появится свободная минутка. – Она оглянулась. – Скажи мне, разве... то есть, мне тоже очень хочется поболтать с тобой наедине, но ведь это было ужасно невежливо, просить твоего брата отойти от нас?

– Нисколько, – заверила ее Люси. – Взгляни на него. Он весь в своей книге и давно о нас забыл.

Это было правдой. Несмотря на то, что Джеймс, казалось, был всецело поглощен чтением, он неизменно уклонялся от встречных прохожих, перешагивал через камни и упавшие ветки, попадавшие на дороге, а один раз даже вполне благополучно разминулся с малышом, катившим обруч, и все это с изяществом и грацией, достойными восхищения. Корделия подумала, что, попробуй она провернуть такой же фокус, ей не избежать столкновения с деревом.

– Тебе так повезло, – прошептала Корделия, не сводя взгляда с Джеймса.

– Это почему же, скажи на милость? – удивилась Люси и уставилась на подругу, распахнув глаза. В отличие от Джеймса с его янтарными глазами, радужные оболочки у Люси были бледно-голубыми, немного бледнее, чем у ее отца.

Корделия резко отвернулась и зашагала вперед.

– О, ну потому... – *«Потому, что ты можешь каждый день проводить время в обществе Джеймса?»* Она сомневалась в том, что Люси сочтет это необыкновенным подарком судьбы; обычно, когда дело касалось братьев, все было совершенно наоборот. – Он такой любящий, преданный брат. Если бы я попросила Алистера идти в десяти шагах позади меня по парку, он поступил бы ровно наоборот: путался бы у нас под ногами только для того, чтобы меня позлить.

– Пф-ф-ф! – воскликнула Люси. – Разумеется, я обожаю Джеймса, но характер у него совершенно испортился в последнее время – с тех пор, как он влюбился.

Люси могла бы с таким же успехом швырнуть в подругу бомбу. Корделии показалось, что мир рушится, все вокруг разлетается на мелкие кусочки.

– С тех пор как он – что?

– Влюбился, – повторила Люси с видом заправской сплетницы. – Он, естественно, ни за что не назовет ее имя, потому что это же Джейми, он никогда нам ничего не рассказывает. Но отец сразу поставил ему диагноз: он говорит, что это, вне всяких сомнений, любовь.

– Ты говоришь таким тоном, словно речь идет о чахотке. – У Корделии голова шла кругом от неожиданного известия. Джеймс влюблен? Но в кого?

– Ну, между любовью и чахоткой есть что-то общее, верно? Он бледнеет и худеет, стал угрюмым и молчаливым и часто неподвижным взглядом смотрит в окно, словно Китс.

– А разве Китс постоянно смотрел в окно? – Иногда ей было нелегко следить за ходом мысли Люси.

Люси продолжала щебетать, нисколько не задетая вопросом о том, как проводил свои дни самый знаменитый английский поэт-романтик.

– Он никому ничего не рассказывает, кроме Мэтью, а Мэтью нем, как могила, когда дело касается Джеймса. Но сегодня утром я случайно услышала их разговор...

– Случайно? – Корделия приподняла бровь.

– Да, я случайно оказалась под столом, – с достоинством ответила Люси. – Я искала там потерянную сережку.

Корделия прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

– И что ты услышала?

– Он определенно влюблен, но Мэтью считает, что он ведет себя глупо. Эта девушка живет не в Лондоне, но она собирается переехать в город и провести здесь довольно долгое время. Мэтью не одобряет выбор Джеймса... – Внезапно Люси смолкла и с силой вцепилась в запястье подруги. – О!

– Ой, Люси, больно...

– Прекрасная молодая леди, которая собирается приехать в Лондон! Какая же я дурочка! И почему я сразу не догадалась, о ком идет речь, это же ясно как день!

– Ты так считаешь? – пробормотала Корделия. Они подошли к знаменитому Долгому озеру; солнечные лучи, плясавшие на воде, слепили ее.

– Он говорил о тебе, – выдохнула Люси. – О, как же это чудесно! Только представь, что будет, когда вы поженитесь! Тогда мы по-настоящему станем сестрами!

– Люси! – Корделия понизила голос до шепота. – У тебя нет никаких оснований считать, что это я.

– Знаешь ли, я сочла бы его просто безумцем, если бы он не влюбился в тебя, – возразила Люси. – Ты просто ужасно красивая, и, как сказал Мэтью, ты только что приехала в Лондон, чтобы поселиться здесь на продолжительное время. Кто же это еще может быть? Анклав не настолько велик. Нет, это наверняка ты, и никто другой.

– Я не знаю...

Глаза Люси сделались круглыми от изумления.

– Значит, дело в том, что он тебе не нравится? Что ж, сейчас нельзя требовать этого от тебя. Я хочу сказать, что ты знаешь его чуть ли не с рождения, так что я понимаю, он не производит на тебя особенного впечатления, но я совершенно уверена в том, что со временем ты сможешь привыкнуть к его лицу. Он не храпит, не отпускает грубых шуток. Правда, он совсем не так уж плох, – рассудительно добавила она. – Ты просто пообещай, что подумаешь об этом, ладно? Потанцуй с ним завтра один раз. Ведь у тебя есть бальное платье, правда? Для того, чтобы сразить его наповал, нужно сногсшибательное платье.

– Да, платье есть, – поспешила заверить ее Корделия, хотя и знала, что наряд отнюдь не «сногсшибательный».

– А когда ты сразишь его наповал своей красотой и изяществом, – продолжала Люси, – он предложит тебе руку и сердце. Потом мы с тобой решим, стоит ли принимать это предложение, и если ты согласишься, то поставь условие: отложить свадьбу на неопределенный срок. Так будет лучше, мы успеем закончить совместные тренировки и станем *парабатай*.

– Люси, перестань, ты сводишь меня с ума! – воскликнула Корделия и бросила озабоченный взгляд через плечо. А вдруг Джеймс нечаянно услышал кое-что из их разговора? Нет, ей так не показалось: он по-прежнему шагал по дорожке, обходя встречающих, и читал свою книгу.

В сердце девушки зародилась предательская надежда, и на миг она позволила себе перенестись в страну фантазий: представила себе обручение с Джеймсом, представила, как ее принимают в семью Люси. Люси, ее сестра уже в глазах закона, несет букет цветов на свадьбе. Их друзья – конечно же, у них множество преданных друзей – восклицают: «О, какая прекрасная пара...»

Внезапно она нахмурилась.

– А почему Мэтью не одобряет меня? – спросила она и закашлялась. – То есть, я хотела сказать, если они действительно говорили обо мне. А я уверена, что это вовсе не так.

Люси беззаботно махнула рукой.

– Он считает, что девушка, о которой идет речь, равнодушна к Джеймсу. Но, как мы уже установили, ты довольно быстро сможешь влюбиться в него, если приложишь немного усилий. Мэтью слишком трясется над Джеймсом, но бояться нечего. Возможно, он и недолюбливает многих людей, но он очень добр к тем, кто ему нравится.

Корделия подумала о Мэтью, *парабатае* Джеймса. Мэтью практически неотлучно находился рядом с Джеймсом еще с тех лет, когда оба они учились в школе, в Идрисе, и время от времени она встречала его в обществе. На первый взгляд это был любезный молодой человек с золотыми волосами, но она подозревала, что если кто-то причинял боль Джеймсу, ласковый пушистый котенок превращался в свирепого льва.

Но она никогда не сможет причинить боль Джеймсу. Она любит его. Она любила его всю свою жизнь.

И завтра у нее появится возможность сказать ему об этом. Она не сомневалась в том, что его любовь придаст ей уверенности, решимости обратиться к Консулу и попросить о снисхождении к отцу. Может быть, Джеймс будет сопровождать ее.

Корделия высоко подняла голову. Да, после завтрашнего бала жизнь ее изменится навсегда.

Недавнее прошлое. Идрис, 1899 год

Каждый год, сколько Джеймс себя помнил, его семья проводила лето в Идрисе, в особняке Эрондейл-Мэнор. Это было величественное здание из золотистого известняка, выстроенное на невысоком холме; склоны холма, на котором был разбит сад, спускались к волшебному Лесу Брослин, высокая стена отделяла поместье от владений семьи Блэкторн.

Джеймс и Люси проводили целые дни за играми на опушке загадочного темного леса, купались и рыбачили в речке, протекавшей поблизости, катались верхом по зеленым полям. Иногда они пытались заглянуть через высокую стену, окружавшую дом Блэкторнов, но ограда сплошь заросла ползучими растениями с длинными, острыми шипами. Шиповник, оцетившийся колючками, обвивал ворота; казалось, что Блэкторн-Мэнор давно покинут обитателями, и дикая природа захватила его. Они знали, что Татьяна Блэкторн живет там, но видели лишь ее экипаж, и то издалека, а двери и окна особняка были наглухо заперты.

Однажды Джеймс спросил у родителей, почему они не общаются с соседкой, ведь, помимо всего прочего, Татьяна приходилась родственницей дядьям Джеймса, Гидеону и Габриэлю Лайтвудам. Тесса дипломатично объяснила, что их семьи в плохих отношениях между собой в тех пор, как отец Татьяны был проклят, и они не сумели спасти его. В тот день погибли отец и муж Татьяны, а ее сын Джесс умер несколько лет спустя. Во всех этих несчастьях Татьяна винила Уилла и своих братьев. «Иногда случается так, что люди не в состоянии справиться со своим горем, они замыкаются в себе, проклинают весь свет, – говорила Тесса, – и им хочется найти объект ненависти, кого угодно, чтобы свалить вину на конкретного человека. Все это очень печально, потому что Уилл и твои дядья обязательно помогли бы ей тогда, если бы могли».

После этого разговора Татьяна перестала занимать Джеймса: он не желал знать женщину, которая ненавидела его отца без всяких на то оснований. А затем, в лето, когда Джеймсу исполнилось тринадцать, из Лондона пришло известие о том, что Эдмунд и Линетт Эрондейл, дедушка и бабушка Джеймса, умерли от инфлюэнцы.

Смерть родителей подкосила Уилла; если бы не это, события, возможно, развернулись бы иначе.

Но он был погружен в свое горе, и произошло то, что произошло.

Вечером того дня, когда они узнали о смерти Линетт и Эдмунда, Уилл сидел на полу в гостиной, Тесса – у него за спиной, в глубоком мягком кресле, а Люси и Джеймс растянулись на коврик у камина. Уилл, привалившись спиной к коленям Тессы, невидящим взглядом смотрел в огонь. Вдруг все услышали, как отворилась входная дверь; Уилл поднял голову, когда в комнату вошел Джем в облачении ордена Безмолвных Братьев. Он подошел к Уиллу, сел рядом и прижал к себе голову друга; и тот стиснул в пальцах складки одеяния Джема и зарыдал. Тесса склонилась над ними, и их горе, взрослое горе, объединило их и словно отдалило от детей. До той минуты Джеймсу никогда не приходило в голову, что его отец способен плакать.

Люси и Джеймс убежали на кухню. Там их и нашла Татьяна Блэкторн, когда пришла попросить Джеймса обрезать шиповник. Дети сидели за столом, а кухарка Бриджет кормила их пудингом.

Татьяна походила на серую ворону и выглядела совершенно неуместно в их чистой, светлой кухне. На ней было поношенное саржевое платье, потертое на швах и рукавах; грязная шляпа, украшенная чучелом птицы с глазами, похожими на бусины, криво сидела на макушке. Волосы у нее были седые, кожа серая, а глаза – тусклого зеленого цвета, словно несчастья и ненависть лишили красок ее тело.

– Мальчик, – произнесла она, глядя на Джеймса. – Ворота моего поместья заросли ползучими растениями, их невозможно открыть. Мне нужен кто-то, кто сможет обрезать плети. Ты сделаешь это?

Может быть, если бы ситуация сложилась иначе, если бы Джеймс не чувствовал себя одиноким, потерянным, беспомощным, не злился на себя за то, что не может помочь отцу, он отказался бы. Наверное, он поинтересовался бы у миссис Блэкторн, почему она просто не попросит обрезать шиповник того, кто делал это долгие годы, или почему ей внезапно понадобилось выполнить эту работу поздно вечером.

Но он не стал расспрашивать незваную гостью. Он поднялся из-за стола и последовал за Татьяной на улицу, навстречу сгущавшимся сумеркам. Солнце садилось, и Джеймсу казалось, что верхушки деревьев Леса Брослин охвачены пламенем, когда он спешил за Татьяной к черным воротам Блэкторн-Мэнора. Ворота были выкованы из железа и значительно пострадали от времени, но на арке, венчавшей их, еще можно было прочесть латинские слова: «LEX MALLA, LEX NULLA».

«Несправедливый закон – это не закон».

Она наклонилась, пошарила среди прошлогодних листьев и выпрямилась, держа в руке огромный нож. Когда-то нож, судя по всему, был острым, но сейчас лезвие полностью покрылось ржавчиной, и нож казался почти черным. На какой-то миг Джеймс решил, что Татьяна Блэкторн привела его сюда, чтобы убить. Он представил, как сейчас она вырежет ему сердце и оставит его здесь, на траве, в луже крови.

Но вместо этого она сунула нож ему в руку.

– Приступай, мальчик, – велела она. – Не торопись.

Ему показалось, что она улыбнулась, но потом он подумал, что ошибся – наверное, это была просто игра света. Она ушла, шурша юбкой по сухой траве, оставив Джеймса у ворот с ржавым ножом, словно безнадежного претендента на руку Спящей Красавицы. Он вздохнул и начал резать плети.

Вернее будет сказать, попытался их резать. Тупое лезвие скользило по жестким стеблям, которые были толстыми, как чугунные прутья ограды. Коварные острые шипы кололи Джеймсу пальцы.

Вскоре руки его, исцарапанные отвратительными растениями, налились свинцом, белая рубашка была забрызгана кровью. Это абсурдно и глупо, сказал он себе. Наверняка это выходило за рамки обязанностей перед соседями. Разумеется, его родители не будут его бранить, если он сейчас отшвырнет нож и уйдет домой. Разумеется...

Внезапно за плотной стеной колючих лиан мелькнули две белые, как лилии, ручки.

– Мальчик из семьи Эрондейл, – прошептал чей-то голос. – Позволь, я помогу тебе.

Он в изумлении уставился на стебли шиповника, упавшие к его ногам. Мгновение спустя за оградой появилось личико девочки, узкое и бледное.

– Мальчик из семьи Эрондейл, – снова обратилась она к Джеймсу. – Ты умеешь говорить?

– Умею. И у меня есть имя, – сказал он. – Я Джеймс.

Лицо ее, ненадолго появившееся в обрамлении лиан, исчезло. Послышался звон, и под воротами возникла пара садовых ножниц, старых, но вполне пригодных для работы. Джеймс наклонился и поднял их.

Выпрямившись, он услышал свое имя: мать звала его.

– Мне нужно идти, – прошептал он. – Спасибо тебе, Грейс. Ведь ты Грейс, верно? Грейс Блэкторн?

Он услышал, как девочка ахнула, затем снова выглянула в проем.

– О, прошу тебя, возвращайся завтра, – сказала Грейс. – Если вернешься завтра вечером, я смогу ускользнуть из дома и приду сюда, к воротам. Мы сможем поговорить, пока ты обрезаешь шиповник. Я уже очень давно не разговаривала ни с кем, кроме мамы.

Она протянула руку сквозь прутья, и он увидел алые царапины там, где шипы задели ее нежную кожу. Джеймс поднял руку, и на мгновение пальцы их соприкоснулись.

– Обещаю, – услышал он собственный голос. – Я вернусь.

2. Пепел розы

*Смерть разожмет все руки,
Все охладит сердца,
Но нет ни вечной муки,
Ни райского венца;
Без гнева, без участия
Листву сорвет ненастье,
Не может быть у счастья
Счастливого конца.*

Алджернон Чарльз Суинберн, «Сад Прозерпины»⁶

– Мэтью, – повторил Джеймс. – Мэтью, я знаю, что ты там. Вылезай, иначе, клянусь Ангелом, я наколю тебя на кинжал, как лягушку.

Джеймс лежал на животе на бильярдном столе в комнате отдыха Института и сердито смотрел вниз.

Бал начался полчаса назад, но никто не мог отыскать Мэтью. Только Джеймс догадался о том, где скрывается его *парабат*⁷: это была одна из его любимых комнат в доме, уютная, со вкусом отделанная под руководством Тессы. Ниже рейки, которая тянулась примерно на уровне пояса, стены были оклеены обоями в серую и черную полоску, а выше – выкрашены серой краской. Комнату украшали портреты и генеалогические схемы в рамках, мебель – диваны, кресла с подголовниками – была далеко не новой, но удобной. На специальной коробке для хранения сигар фирмы «Данхилл» красовались изящные полированные шахматы, напоминавшие шкатулку с драгоценностями. И еще в комнате стоял массивный бильярдный стол, под которым сейчас прятался Мэтью.

Послышался приглушенный стук и шорох, и из-под стола появилась светловолосая голова. Хлопая зелеными глазами, Мэтью уставился на Джеймса.

– Джейми, Джейми, – страдальческим тоном произнес он. – Ну почему обязательно гоняться за лучшим другом по всему дому? Я мирно спал, никого не трогал.

– Значит, просыпайся. Ты нужен в бальном зале, кавалеров для танцев не хватает, – сообщил Джеймс. – Там просто целая толпа девчонок.

– К дьяволу бальный зал, – буркнул Мэтью, выползая из-под стола. Он был облачен в великолепный светло-серый костюм с голубоватым отливом, в петлице торчала бледно-зеленая гвоздика. В руке он сжимал хрустальный графин.

– К дьяволу танцы. Я намереваюсь остаться там, где я есть, и напиться как следует. – Он посмотрел на графин, потом поднял на Джеймса взгляд, полный надежды. – Можешь ко мне присоединиться, если хочешь.

– Это портвейн моего отца, – заметил Джеймс. Он знал, что вино очень сладкое, но очень крепкое. – Завтра утром тебе будет худо.

– *Carpe decanter*⁷, – пробормотал Мэтью. – Ничего не будет, это хороший портвейн. Знаешь, я всегда восхищался твоим отцом. Собирался в один прекрасный день стать таким, как он. Но вот однажды я познакомился с магом, у которого было три руки. Он мог одной рукой

⁶ Перевод М. Донского.

⁷ Буквально «наслаждайся графином». Мэтью перефразирует латинское крылатое выражение «carpe diem» («лови день», «наслаждайся моментом»).

драться на дуэли, второй – тасовать колоду карт, а третьей – расшнуровывать корсет дамы, и все это одновременно. Теперь я мечтаю быть похожим на *этого* парня.

– Ты *уже* напился, – неодобрительно произнес Джеймс и протянул вниз руку, чтобы отобрать у друга выпивку. Однако Мэтью, несмотря на хмель, не утратил ловкости: он мгновенно убрал графин, вцепился в запястье Джеймса и сдернул приятеля со стола. Секунду спустя они покатались по ковру, словно дерущиеся щенки; Мэтью захлебывался от истерического хохота, а Джеймс пытался вырвать у него сосуд с вином.

– Слезь... с... меня! – прохрипел Мэтью и отпустил противника. Джеймс повалился на спину; при этом из графина вылетела пробка, и портвейн залил его одежду.

– Только посмотри, что ты наделал! – сердито воскликнул он, вытащив из кармана платок и пытаясь промокнуть алое пятно, расплзавшееся по его белоснежной рубашке. – От меня воняет, как от пивовара, а выгляжу я, как мясник.

– Вздор, – фыркнул Мэтью. – В любом случае, девчонкам нет никакого дела до того, во что ты одет. Они слишком заняты, чтобы обращать внимание на тряпки: пялятся в твои бездонные золотые очи. – Он уставился в лицо Джеймсу, выпучив глаза до такой степени, что лицо у него сделалось, как у безумца. Потом собрал глаза в кучку.

Джеймс нахмурился. Действительно, глаза у него были огромные, с пушистыми черными ресницами, прозрачные и золотистые, словно некрепкий чай; но над ним столько издевались в школе из-за этих необычных глаз, что до сих пор разговоры о них вызывали у него лишь раздражение.

Мэтью поднял руки и растопырил пальцы.

– Мир! – заискивающим тоном произнес он. – Больше не ссоримся. Можешь вылить остатки портвейна мне на голову.

Джеймс невольно улыбнулся. На Мэтью невозможно было долго сердиться. На него практически невозможно было даже *рассердиться*.

– Пойдем со мной в бальный зал, пополним ряды кавалеров, и тогда я с тобой помирюсь.

Мэтью покорно поднялся – сколько бы он ни выпил, он всегда уверенно держался на ногах. Он протянул Джеймсу руку, которая нисколько не тряслась, без малейшего усилия помог другу подняться и поправил лацканы его смокинга, чтобы прикрыть винное пятно.

– Не желаешь принять немного портвейна внутрь, или предпочитаешь носить его *на* себе? – И он протянул Джеймсу пресловутый графин.

Джеймс отрицательно покачал головой. Нервы у него были натянуты, и вино могло бы помочь ему расслабиться, но оно замедляло реакцию. Ему хотелось сохранить ясность мысли – на всякий случай. Он знал, что сегодня *она* может и не прийти. Но, с другой стороны, она могла и появиться. Прошло шесть месяцев с того дня, как он получил ее последнее письмо, но ведь сейчас она была в Лондоне. Нужно быть готовым ко всему, думал Джеймс.

Мэтью грустно вздохнул и поставил графин на каминную полку.

– Знаешь, как говорят, – произнес он, когда они с Джеймсом вышли из комнаты и зашагали по лабиринту коридоров к бальному залу, – пей, и уснешь; спи, и не будешь грешить; не греши, и спасешься; следовательно: пей, и спасешься.

– Мэтью, ты способен грешить даже во сне, – произнес чей-то томный, вялый голос.

– Анна, – пролепетал Мэтью, вцепившись в плечо Джеймса. – Неужели тебя послали привести нас?

В коридоре, небрежно привалившись к стене, стояла кузина Джеймса Анна Лайтвуд в шикарном наряде, состоявшем из облегающих брюк и рубашки в тонкую полоску. У нее были голубые глаза Эрндейлов, взгляд которых всегда вызывал у Джеймса неопределенное беспокойство, потому что ему казалось, что на него смотрит сам отец.

– Если под словом «привести» ты подразумеваешь «приволочь обратно в бальный зал любым способом», то да, – ответила Анна. – Девушкам нужно с кем-то танцевать, нужно, чтобы

кто-то повторял им, как замечательно они выглядят, и я не могу справиться со всем этим в одиночку.

В этот момент музыканты заиграли новую мелодию – веселый вальс.

– Чтоб мне провалиться, только не вальс, – в отчаянии простонал Мэтью. – Я ненавижу вальс.

Он осторожно начал пятиться, но Анна схватила его за рукав.

– Ну уж нет, не уйдешь, – рявкнула она и твердой рукой подтолкнула обоих в сторону танцевального зала.

– Хватит уже таращиться на себя в зеркало, – усталым тоном произнес Алистер. – Ну почему женщинам необходимо *постоянно* себя разглядывать? И почему у тебя такое недовольное лицо?

Корделия злобно уставилась в высокое зеркало на отражение брата. Они ждали начала праздника за дверьми большого бального зала Института. Алистер выглядел безупречно в черном вечернем костюме и белой сорочке; напомаженные светлые волосы были аккуратно зачесаны за уши, на руках – лайковые перчатки.

«Потому что *мне* наряды подбирает матушка, а *тебе* она позволяет одеваться по собственному вкусу», – подумала девушка, но не произнесла этих слов вслух, потому что мать стояла рядом. Сона была твердо намерена одевать Корделию по последней моде, пусть даже эта «последняя мода» совершенно не подходила ее дочери. На сегодняшний вечер она выбрала для Корделии платье бледно-лилового цвета, отделанное сверкающим стеклярусом. Медно-рыжие волосы девушки были подобраны вверх и уложены в виде мелких кудряшек, а чудовищный длинный корсет в виде буквы S стискивал тело и буквально не давал возможности дышать.

Корделия считала, что выглядит просто ужасно. Пастельные тона были последним писком моды, картинками с такими платьями были забиты модные журналы, но журналы подражывали, что девушка должна быть светловолосой, бледной, с крошечной грудью. Корделия определенно не подходила под это описание. Бледные тона совершенно не шли к цвету ее лица, и даже корсет не мог сплющить ее бюст. Темно-рыжие волосы не были ни редкими, ни послушными: они были длинными и густыми, как у матери, и в распушенном виде достигали талии. Прическа с мелкими локонами смотрелась нелепо.

– Потому, что я вынуждена носить корсет, Алистер, – отрезала она. – Я хотела взглянуть, не стала ли я фиолетовой от натуги.

– А что здесь плохого? Фиолетовый будет отлично сочетаться с цветом твоего платья, – заметил Алистер. Корделия вспомнила отца и горько пожалела о том, что его нет здесь: он всегда говорил ей, что она прекрасна.

– Дети, – с укором в голосе произнесла мать.

У Корделии возникло ощущение, что Сона будет называть их «детьми» даже тогда, когда они оба состарятся, поседуют и будут переругиваться, сидя в креслах на колесиках.

– Корделия, корсет не только создает женственный силуэт, но и демонстрирует хорошее воспитание и тонкий вкус дамы. Алистер, оставь сестру в покое. Сегодняшний вечер очень важен для всех нас, и мы должны постараться произвести хорошее впечатление.

Корделия поняла, что матери неловко оттого, что она была здесь единственной женщиной в покрывале; кроме того, ее волновал тот факт, что она не знает почти никого из влиятельных гостей. В Тегеранском Институте она сразу сориентировалась бы и поняла, кто есть кто.

Завтра все будет иначе, повторила про себя Корделия. Не имеет никакого значения, какого цвета ее платье и как оно на ней сидит; важно только то, сумеет ли она очаровать влиятельных и могущественных Сумеречных охотников, которые могут представить ее Консулу и замолвить за нее словечко. Она заставит Шарлотту понять – она всех их заставит понять, что

ее отец, может быть, и плохой стратег, но не преступник и не заслуживает тюремного заключения. Она заставит их понять, что семье Карстерс нечего скрывать.

Она сделает так, что ее мать снова будет улыбаться.

Двери бального зала распахнулись, и на пороге появилась Тесса Эрондейл в наряде из розового шифона; прическу ее украшали крошечные розы. Корделия сомневалась в том, что *ей* нужен корсет. Она и без того выглядела хрупкой и воздушной, как фея. Глядя на эту женщину, трудно было поверить в то, что она сокрушила армию металлических монстров.

– Благодарю, что согласились подождать, – произнесла хозяйка. – Я хотела, чтобы вы появились втроем, так будет удобнее представлять вас гостям. Все просто сгорают от желания познакомиться с вами. Идемте же!

Она провела их в зал. Корделия смутно помнила, что когда-то она играла с Люси в этой огромной заброшенной комнате. Но сейчас зал был полон света и музыки.

Исчезли тяжелые парчовые драпировки, слуги убрали темные пыльные портьеры. Все было легкое и воздушное; вдоль стен были расставлены светлые деревянные скамьи, а на скамьях были разложены подушки в золотую и белую полоску. Над занавесями тянулся фриз, расписанный золотыми деревьями и птицами – присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть, что это цапли. Стены были украшены всевозможным декоративным оружием: здесь были мечи в ножнах, усыпанных драгоценными камнями, луки, вырезанные из слоновой кости и нефрита, кинжалы с рукоятками в виде солнца с лучами или ангельских крыльев.

Почти всю мебель вынесли, чтобы дать место танцующим, но у стены стоял буфет с бокалами и графинами холодного лимонада. В разных частях зала были расставлены столы, покрытые белыми скатертями. Замужние дамы постарше и молодые девушки, которых не пригласили на танец, собрались у стены и делились друг с другом последними сплетнями.

Корделия машинально принялась искать в толпе Люси и Джеймса. Люси она заметила сразу же – та танцевала с рыжеватым молодым человеком; но напрасно Корделия высматривала растрепанные черные кудри Джеймса. Его нигде не было.

Но у нее не оставалось времени расстраиваться. Тесса была опытной хозяйкой. Корделию и ее семью переводили от одной группы к другой, представляли незнакомцам, их достоинства и всяческие ценные качества перечислялись во всех подробностях. Ее представили темноволосой девушке, которая была на несколько лет старше и, судя по всему, чувствовала себя совершенно свободно в бледно-зеленом платье с кружевной отделкой.

– Барбара Лайтвуд, – произнесла Тесса, и Корделия насторожилась, когда они делали друг другу реверанс. Лайтвуды приходились близкой родней Джеймсу и Люси и сами по себе были могущественным семейством.

Мать сразу же завела беседу с родителями Барбары, Гидеоном и Софи Лайтвуд. Корделия пристально рассматривала Барбару и размышляла. Заинтересует ли эту девушку история ее отца? Скорее всего, нет. Новая знакомая рассеянно смотрела в сторону танцующих, и на губах ее играла высокомерная улыбка.

– А кто этот молодой человек с Люси? – спросила Корделия, и ее собеседница излишне громко рассмеялась.

– Мой братец Томас, – ответила Барбара. – И, как это ни удивительно, он сегодня не спотыкается о собственные ноги!

Корделия внимательнее взглянула на юношу с песочными волосами, который что-то со смехом рассказывал Люси. Томас был очень высоким и широкоплечим, он казался настоящим великаном рядом с миниатюрной девушкой. Неужели он нравится Люси? Время от времени она упоминала его имя в письмах, но лишь как одного из друзей своего брата.

Алистер, который стоял в стороне со скучающим видом – Корделия даже забыла о его присутствии, – внезапно просиял.

– Чарльз! – радостно воскликнул он и пригладил жилет. – Прошу меня извинить, я должен кое с кем поздороваться. Мы сто лет не виделись.

И он исчез в толпе, не дожидаясь разрешения матери. Сона тяжело вздохнула.

– Мальчишки, – произнесла она. – Сколько с ними хлопот.

Софи улыбнулась дочери, и Корделия в первый раз заметила длинный шрам от ножевой раны у нее на щеке. В манере Софи держаться, живой, энергичной, в том, как она двигалась и говорила, было что-то особенное, и люди не обращали внимания на шрам, который любую другую женщину сделал бы уродливой.

– С девочками тоже нелегко приходится, – заметила она. – Видели бы вы Барбару и ее сестру Евгению, когда они были детьми. Это был совершеннейший кошмар!

Барбара рассмеялась. Корделия почувствовала, что завидует ей, тому, как легко, почти на равных, она общается с матерью. Минуту спустя к ним приблизился темноволосый парень и пригласил Барбару танцевать; партнер увлек ее прочь, а Тесса повела Сону и Корделию к следующему столику. Там сидел дядя Люси, Габриэль Лайтвуд, в обществе прекрасной женщины с длинными темными кудрями и синими глазами – это была его супруга, Сесили. Уилл Эрондейл стоял, прислонившись к столу, скрестив руки на груди, и улыбался.

Взгляд Уилла упал на приближавшихся дам, и выражение его лица смягчилось, когда он узнал Тессу и следовавшую за ней Корделию. Корделии показалось, что она видит в нем Джеймса таким, каким он будет, когда станет старше.

– Корделия Карстерс, – произнес он, обмениваясь любезностями с ее матерью. – Как мило, что ты пришла.

Корделия просияла. Если Уилл считает, что она милая, то, может быть, его сын придерживается того же мнения. А может быть, Уилл сказал так лишь потому, что любил всех Карстерсов без исключения; возможно, он даже считал Алистера красавцем и совершенством во всех отношениях.

– Говорят, вы приехали в Лондон, чтобы стать названной сестрой нашей Люси, – заговорила Сесили. Она выглядела не старше Тессы, что было удивительно, поскольку она не являлась ни чародейкой, ни бессмертной. – Я очень рада – давно уже пора нашим девушкам обзаводиться названными сестрами. Слишком долго звание *парабат* было монополизировано мужчинами.

– Но ведь первыми *парабатами* были мужчины, – напомнил ей Уилл довольно занудным тоном; и Корделия подумала: неужели Сесили когда-то находила брата невыносимым, точно так же, как она сама сейчас терпеть не может Алистера.

– Времена меняются, Уилл, – улыбнулась Сесили. – Наступил новый век, а с ним и новая эпоха, современная эпоха. У нас теперь есть электрический свет, автомобили...

– Это у простых смертных есть электрический свет, – возразил Уилл. – А у нас – волшебный.

– Автомобили – это просто вздор, прихоть, преходящее увлечение, – вставил Габриэль Лайтвуд. – Скоро о них забудут.

Корделия прикусила губу. Она рассчитывала провести сегодняшний вечер совершенно иначе. Она собиралась очаровать присутствующих, чтобы оказывать на них влияние, подчинить своей воле, а вместо этого оказалась в роли ребенка, молча выслушивающего взрослые разговоры об автомобилях. И она испытала огромное облегчение, увидев, что Люси оставила Томаса на танцплощадке и устремилась к ней. Подруги обнялись, и Корделия принялась восхищаться нарядным платьем Люси из голубого кружева, в то время как Люси в ужасе уставилась на лиловый кошмар, в который была затянута Корделия.

– Можно, я возьму Корделию с собой и познакомлю ее с другими девушками? – обратилась Люси к Соне со своей самой обаятельной улыбкой.

– Конечно. – На лице Соны отразилось удовлетворение. В конце концов, разве не ради этого она привезла сюда Корделию? Для того, чтобы завести знакомства с сыновьями и дочерьми влиятельных Сумеречных охотников. Но на самом деле Корделия понимала, что *сыновья* для ее матери сейчас гораздо важнее дочерей.

Люси взяла Корделию за руку и повела к столу с закусками и напитками, возле которого собралась стайка девушек в разноцветных платьях. Последовали представления, и из целой лавины имен, обрушившейся на нее, Корделия уловила лишь несколько: Кэтрин Таунсенд, Розамунда Уэнтворт и Ариадна Бриджсток; последняя, судя по фамилии, приходилась родственницей Инквизитору. Это была высокая, миловидная девушка, несколькими годами старше остальных, со смуглой кожей. Она была даже более смуглой, чем Корделия.

– Какое очаровательное платье, – дружелюбно обратилась Ариадна к Корделии. Сама она была одета в винно-красный шелковый наряд, который ей очень шел. – Если я не ошибаюсь, такой цвет называется «пепел розы». Исключительно популярно в Париже.

– О да, – с готовностью подхватила Корделия. За свою короткую жизнь она практически не общалась с ровесницами, если не считать Люси, и толком не знала, как произвести на девиц впечатление, что сказать, чтобы показаться обаятельной и милой. Наступил очень важный момент, но она не могла как следует собраться с мыслями и выпалила первое, что пришло в голову. – Вообще-то, это платье я как раз купила в Париже. На рю де ла Пэ. Его сшила сама Жанна Пакен⁸.

Во взгляде Люси промелькнуло озабоченное выражение. Розамунда поджала губы.

– Как вам повезло, – холодно процедила она. – А мы застряли здесь, в убогом лондонском Анклаве, и крайне редко выезжаем за границу. Должно быть, наше общество представляется вам *очень* скучным.

– О, – пролепетала Корделия, осознав свою оплошность. – Нет, что вы, нисколько...

– Моя матушка всегда говорила, что Сумеречным охотникам не пристало интересоваться тряпками, – заметила Кэтрин. – Она считает, что нам нельзя опускаться до уровня простых людишек.

– И поскольку ты чуть ли не ежедневно восхищаешься нарядами Мэтью, – язвительно вставила Ариадна, – я делаю вывод, что требования вести аскетический образ жизни распространяются только на девушек?

– Ариадна, ну что ты, право... – начала Розамунда и рассмеялась. – Кстати, а вот и он, легкий на помине. Вы только *взгляните* на это.

Она смотрела в противоположную часть бального зала – на пороге как раз возникли двое молодых людей. Корделия, как всегда, прежде всего заметила Джеймса. Он был высоким, прекрасным, он улыбался, и блестящие локоны то и дело спадали ему на лоб: его можно было сравнить лишь с гравюрой гениального художника.

Она услышала раздосадованное восклицание Люси и перешептывания девушек, уловила имя Джеймса и другое знакомое имя: Мэтью Фэйрчайлд.

Конечно же. *Парабатай* Джеймса. Корделия уже много лет не видела его, но в памяти ее остался образ тощего светловолосого мальчишки. Теперь волосы потемнели и приобрели цвет бронзы, а сам Мэтью превратился в хорошо сложенного молодого человека с лицом падшего ангела.

– Они оба такие красавчики, – произнесла Кэтрин – как показалось Корделии, с болью в голосе. – Ты так не считаешь, Ариадна?

– О... ну да, – рассеянно ответила Ариадна. – Наверное.

⁸ Жанна Пакен (1869–1936) – модельер, владелица известного парижского дома моды.

– Ей все безразличны, кроме Чарльза, – усмехнулась Розамунда. Ариадна покраснела, а девушки захихикали. Все, кроме Люси, которая в притворном негодовании подняла глаза к потолку.

– Это всего лишь *мальчишки*, – фыркнула она.

– Джеймс – твой брат, – заметила Кэтрин. – Ты не можешь судить объективно, Люси. Он просто *очарователен*.

Корделию охватило беспокойство. Судя по всему, не только она здесь интересовалась Джеймсом. Друзья остановились, чтобы поболтать с Барбарой и ее кавалером; они смеялись над чем-то, и Джеймс улыбался, положив руку на плечо Мэтью. Он был просто идеальным, в его внешности нельзя было найти ни малейшего недостатка; всякий раз, когда Корделия смотрела на него, ей казалось, будто ее сердце пронзала отравленная стрела. Конечно же, на него засматривались и другие девушки. Наверняка здесь, в Лондоне, Джеймс мог выбрать себе любую.

– Мэтью тоже ничего, – рассуждала Розамунда. – Но он совершенно *беспутный*.

– Действительно, – добавила Кэтрин, сверкнув глазами. – Вам следует остерегаться его, мисс Карстерс. У него дурная репутация.

Люси порозовела от гнева.

– Давайте угадаем, кого Джеймс первой пригласит на танец, – заговорила какая-то блондинка в розовом платье. – Я уверена, что тебя, Розамунда; сегодня ты выглядишь просто потрясающе. Кто может устоять перед тобой?

– Ах да, самый важный вопрос: кого мой братец осчастливит своим вниманием? – протянула Люси. – Помню, когда ему было шесть лет, его вырвало в его собственный ботинок.

Девушки сделали вид, что не расслышали последнюю фразу, и в это время как раз заиграла музыка. Какой-то юноша, кажется, брат Розамунды, пригласил блондинку в розовом; Чарльз покинул Алистера, поспешил к Ариадне и увлек ее в толпу танцующих. Уилл и Тесса уже танцевали, так же, как и другие супружеские пары, дяди и тети Люси.

Мэтью Фэйрчайлд подошел к столу, около которого застыла Корделия, и неожиданно оказался в непосредственной близости от нее. Она теперь видела, что глаза у него не черные и не карие, как ей показалось сначала, а темно-зеленые, словно лесной мох. Он склонился перед Люси.

– Ты позволишь?

Люси бросила на сплетниц взгляд, который Корделия истолковала без труда, словно прочитав мысли подруги. Взгляд этот говорил, что *Люси* вовсе не волнует репутация Мэтью. Высоко подняв голову, Люси с достоинством направилась в сторону площадки для танцев под руку с младшим сыном Консула.

Весьма похвально с ее стороны, подумала Корделия, однако в итоге сама она, увы, осталась в полном одиночестве среди девушек, которым, судя по всему, не очень понравилась. Она расслышала их шепот: они считали, что она ужасно самодовольная, и еще ей показалось, что она уловила имя своего отца и слово «суд»...

Корделия застыла. Да, она совершила ошибку, упомянув Париж; но она знала, что если сейчас проявит слабость, то окончательно загубит дело. Она устремила неподвижный взгляд на танцующие пары, скривив губы в искусственной улыбке. В какой-то момент она заметила брата – тот разговаривал с Томасом Лайтвудом. Молодые люди в небрежных позах развалились на скамье, и вид у них был такой, словно они обменивались какими-то конфиденциальными сведениями. Даже у Алистера лучше получалось втереться в доверие к влиятельным лицам, чем у нее.

Неподалеку от скамьи, на которой сидели Алистер и Томас, стояла, прислонившись плечом к стене, молодая женщина, одетая по последней моде – *мужской* моде. Она была высокой и, пожалуй, излишне худощавой; волосы у нее были очень темные, практически черные, как

у Уилла и Джеймса. Но они были коротко подстрижены, зачесаны назад и напомажены, а кончики волос были аккуратно завиты. У нее были изящные кисти с длинными пальцами, покрытые пятнами табака и чернил; ими можно было любоваться бесконечно, как руками греческой статуи. Она курила сигару-черуту, и дым окутывал ее необычное лицо с высокими скулами и резкими чертами.

Это Анна, сообщила Корделия. Анна Лайтвуд, кухня Люси. Она показалась молодой девушке самой неприступной и высокомерной из всех гостей.

– О боже, – воскликнула Кэтрин, когда музыка стала громче. – Это вальс.

Корделия устала в пол. Она умела танцевать: мать наняла дорогого учителя, который посвятил ее в тонкости кадрили и лансье, величественного менуэта и котильона. Но вальс был другим, это был танец соблазнения, ведь во время вальса партнеры находятся совсем близко, прикасаются друг к другу. Прежде чем приобрести большую популярность в обществе, вальс считался не слишком пристойным, скандальным танцем. Корделию не учили вальсу.

Ей так хотелось сейчас закружиться по залу в объятиях Джеймса. Но она подумала, что он, скорее всего, вообще не расположен танцевать; наверное, ему хочется пообщаться с друзьями, как и любому молодому человеку. До нее снова донеслось хихиканье и ехидный шепоток, а потом Кэтрин довольно отчетливо произнесла:

– Неужели это та самая девица, отец которой...

– Маргаритка? Не хочешь потанцевать?

Только один юноша на свете называл ее так. Она подняла голову, не веря своим ушам, и увидела прямо перед собой его, Джеймса.

Его блестящие волосы были в беспорядке, как обычно, но это лишь придавало ему обаяния; непослушный локон упал на лоб, а густые темные ресницы отбрасывали тень на бледно-золотистые глаза. Лицо его, казалось, вышло из-под резца скульптора.

Среди девчонок-сплетниц воцарилось потрясенное молчание. Корделия почувствовала себя легкой, как перышко, которое с минуты на минуту может унести ветер.

– Я не танцую, – пробормотала она, запинаясь, сама не понимая, что говорит. – То есть, я не умею танцевать вальс.

– Тогда я научу тебя, – предложил Джеймс, и мгновение спустя они уже очутились среди танцующих.

– Как мне повезло, что ты оказалась свободна, – весело говорил Джеймс, когда они искали себе место. – Я боялся, что мне придется приглашать Кэтрин, а она только и может говорить о том, какую скандальную жизнь ведет Мэтью.

– Очень рада оказать тебе услугу, – ответила слегка запыхавшаяся Корделия. – Но я действительно не умею танцевать вальс.

– Я тоже не умею. – Он ухмыльнулся и обернулся к ней. Он был совсем близко, он *дотронулся* до нее, касался пальцами ее руки, чуть ниже локтя. – Точнее, умею, но очень плохо. Договоримся для начала не наступать друг другу на ноги?

– Можно попробовать, – пролепетала Корделия и негромко пискнула, когда он привлек ее к себе. На мгновение у нее даже закружилась голова. Это был Джеймс, *ее* Джеймс, и он прижимал ее к себе, рука его касалась ее спины. Он взял ее ладонь и уверенным жестом положил себе на плечо.

А потом он увлек девушку за собой, и ей оставалось лишь изо всех сил стараться не отставать от него. Из полученных уроков танцев она усвоила, что следует позволять партнеру вести себя, откликаться на все его движения. Джеймс хорошо танцевал – зная его природную грацию, Корделия не находила в этом ничего удивительного, – и ей было с ним легко.

– Неплохо, – произнес он. Он попытался сдуть локон, падавший на глаза, но безуспешно, и за первым локоном последовало еще несколько волнистых прядей. Он с унылым видом улыб-

нул, пока Корделия боролась с собой, чтобы не протянуть руку и не поправить ему причёску. – И все-таки это несколько унижительно, когда твои родители танцуют лучше тебя.

– Хм-м, – пробормотала Корделия. – Говори за себя. – Она заметила совсем рядом Люси и Мэтью. Люси смеялась. – Тебе не кажется, что Кэтрин влюблена в Мэтью? – поинтересовалась она. – А может быть, он, в свою очередь, тайно мечтает о ней, но тщательно это скрывает?

– Это было бы весьма интересно. Могу тебя заверить, в лондонском Анклаве уже много лет не происходило ничего интересного.

Разумеется, танцевать с Джеймсом было уже само по себе счастьем, но тут Корделии пришлось в голову, что нужно воспользоваться представившимся случаем в своих целях.

– А я как раз думала о том, сколько же народу в Анклаве, и как мало я о них знаю. Конечно, если не считать тебя и Люси...

– Хочешь, я проведу для тебя небольшую экскурсию? – предложил Джеймс после особенно сложной фигуры танца. – Как ты считаешь, если я назову тебе некоторые имена и вкратце опишу их обладателей, ты почувствуешь себя более свободно?

Корделия улыбнулась.

– Спасибо. Может быть, это поможет.

– Смотри туда, – начал он и кивнул на танцующих Ариадну и Чарльза. Винно-красный шелк, казалось, сиял в свете множества свечей. – Чарльз ты уже знаешь, а с ним Ариадна Бриджсток, его невеста.

– Я не знала, что они помолвлены!

Джеймс слегка прищурился.

– Знаешь, Чарльз практически уверен в том, что займет пост Консула, когда его мать уйдет после окончания третьего срока. Отец Ариадны – Инквизитор, для Чарльза этот союз очень выгоден с политической точки зрения... хотя, мне кажется, он ее любит.

Судя по голосу Джеймса, он не очень-то верил собственным словам, но, по мнению Корделии, Чарльз смотрел на свою невесту с обожанием. Ей оставалось лишь надеяться на то, что Джеймс не превратился в циника. Тот возлюбленный, которого она помнила, был кем угодно, только не циником.

– А это, должно быть, кузина Люси, – сказала она. Эта женщина, которую подруга Корделии многократно описывала в своих посланиях, могла быть только Анной Лайтвуд: прекрасной, бесстрашной, всегда одетой в лучшие костюмы, которые могли предложить портные с Джермин-стрит. Она смеялась, разговаривая со своим отцом, Габриэлем. Они остановились около дверей, ведущих в соседнюю гостиную.

– Действительно, Анна, – согласился Джеймс. – А вон там ее брат, Кристофер, он танцует с Розамундой Уэнтворт.

Корделия окинула пристальным взглядом тощего парня в очках – она уже видела его на фотографиях. Кристофер, насколько она понимала, был одним из ближайших друзей Джеймса, помимо Мэтью и Томаса. Он танцевал с унылым и мрачным видом, не глядя на свою партнершу, и Розамунда даже покраснела от ярости.

– Увы, Кристофер более уютно чувствует себя наедине со своими колбами и пробирками, нежели в обществе дам, – продолжал Джеймс. – Остается лишь надеяться на то, что он не уронит бедную Розамунду на столик с сэндвичами.

– Он влюблен в нее?

– Господи, вовсе нет, они едва знакомы, – рассмеялся Джеймс. – Кроме Чарльза и Ариадны, здесь только одна пара – Барбара Лайтвуд и Оливер Хейуорд. Ах да, еще Анна постоянно разбивает кому-нибудь сердце. А кроме них, мне ничего не известно о романах, назревающих в нашем тесном кружке. Хотя ваше с Алистером появление, Маргаритка, может внести оживление в лондонское общество.

– Я не думала, что ты еще помнишь это старое прозвище.

– Какое, *Маргаритка*? – Когда они танцевали, она чувствовала тепло тела Джеймса, и от этого у нее по коже бежали мурашки. – Конечно же, я помню. Ведь это я дал его тебе. Надеюсь, ты не собираешься от него отказываться.

– Что ты, нет. Оно мне нравится. – Корделия заставила себя взглянуть прямо в глаза возлюбленному. Боже, они были так близко, что ее пробирала дрожь. Эти глаза цвета золотистого сиропа, цвета меда, составлявшие резкий контраст с черными зрачками. Она слышала, как люди перешептывались между собой, слышала всякие глупые разговоры; некоторые находили его глаза странными и необычными для Сумеречного охотника, считали это знаком того, что Джеймс – в некотором роде чужой среди них. Ей же казалось, что они прекрасны, эти глаза цвета пламени и золота; именно такой цвет, как она представляла себе, имеет пылающая сердцевина солнца. – С другой стороны, я иногда думаю, что оно мне не совсем к лицу. Маргаритка – это такая хорошенькая маленькая девчушка с ленточками в волосах.

– Ну что ж, – промолвил он. – По крайней мере, один из этих эпитетов тебе подходит.

И он улыбнулся. Это была милая, ласковая улыбка, Джеймс всегда так улыбался ей, но в этой улыбке было сейчас что-то еще, намек на нечто большее – что же он имел в виду, то, что она хорошенькая, или что она маленькая девочка? Или он просто хотел сказать, что она девушка, а не юноша? Что же *на самом деле* он имел в виду? О Небо, подумала Корделия, флирт – это такое сложное дело!

Стоп, погодите, неужели Джеймс Эрондейл *флиртует* с ней?

– Завтра мы устраиваем пикник в небольшой компании в Риджентс-парке, – произнес он, и Корделия напряглась. Неужели он собирается пригласить ее куда-то? Она предпочла бы прогулку вдвоем верхом или в карете, или пешую прогулку в парке, но она согласна была и на пикник в большой компании. По правде говоря, она согласилась бы сейчас даже на визит в Аид. – Говорю на случай, если Люси еще не упоминала об этом...

Внезапно он смолк и пристально взглянул куда-то мимо нее, в сторону дверей балного зала. Проследив за его взглядом, Корделия увидела высокую женщину, тощую, как огородное пугало, в черном платье, какие носили простые люди в знак траура. Седые волосы были уложены в прическу, вышедшую из моды лет двадцать назад. К женщине спешила Тесса с несколько озабоченным выражением лица. Уилл следовал за женой.

Когда Тесса приблизилась к госте, та отступила, и оказалось, что за спиной у нее стояла юная девушка. Девушка была одета в платье цвета слоновой кости, и светлые кудри, почти белые, но отливавшие золотом, падали ей на плечи. Незнакомка грациозно присела в реверансе перед Тессой и Уиллом, и в этот миг Джеймс отпустил руки Корделии.

Они больше не танцевали. Джеймс без единого слова отвернулся от Корделии и быстро направился в противоположный конец зала, к новоприбывшим. Она так и стояла, не шевелясь, не зная, что делать, скованная неловкостью и смущением, в то время как Джеймс склонился над рукой прекрасной блондинки. Среди танцующих поднялся ропот. Люси прекратила танцевать и отстранилась от Мэтью; на лице ее отразилось крайнее изумление. Алистер и Томас уставились на Корделию с ошеломленными лицами.

Корделия вдруг сообразила, что мать может в любой момент заметить, как она топчется среди танцующих пар совершенно одна, брошенная своим партнером, и устремится к ней на помощь, и тогда она, Корделия, умрет. Она умрет от унижения. Корделия взглядом обшарила помещение в поисках ближайшей двери, собираясь обратиться в бегство, когда чьи-то пальцы обхватили ее запястье. Кто-то жестом опытного танцора привлек к себе, взял ее руку, и мгновение спустя она снова закружилась в танце, механически следуя за своим кавалером.

– Вот так будет лучше, – заметил Мэтью Фэйрчайлд. Светлые волосы, пранный восточный одеколон, любезная улыбка. Прикосновения его были осторожными, деликатными. – Только сделайте над собой усилие, улыбнитесь, и никто ничего не заметит. В любом случае, в глазах общества мы с Джеймсом практически взаимозаменяемы.

– Джеймс... бросил меня, – пролепетала Корделия. Она еще не оправилась от потрясения.

– Я знаю, – ответил Мэтью. – Очень некрасиво с его стороны. Джентльмен может оставить свою даму во время танца лишь в том случае, если в доме начался пожар. Я ему скажу на этот счет пару слов.

– Пару слов, – машинально повторила Корделия. Она начинала отходить от первоначального шока и ощутила прилив злобы. – *Пару слов?*

– Может быть, пару предложений, если это вас утешит.

– Кто она? – спросила Корделия. Ей не хотелось спрашивать, но потом она решила, что лучше узнать правду с самого начала. Всегда лучше знать правду.

– Ее зовут Грейс Блэкторн, – негромко произнес Мэтью. – Она приемная дочь Татьяны Блэкторн, они совсем недавно приехали в Лондон. Насколько я понимаю, она выросла в какой-то деревенской развалюхе в Идрисе – там Джеймс с ней и познакомился. Они раньше виделись каждое лето.

«Эта девушка живет не в Лондоне, но она собирается переехать в город и провести здесь довольно долгое время».

Корделия испытала приступ тошноты и головокружения. Как она могла подумать, что Люси говорит о ней? Что Джеймс влюблен в нее?

– Вы бледны, вижу, вам нехорошо, – заметил Мэтью. – Вам не нравится, как я танцую? Или вам не нравлюсь лично я?

Корделия собрала волю в кулак. Она была Корделией Карстерс, дочерью Элиаса и Соны, и происходила из древнего рода Сумеречных охотников. К ней по наследству перешел знаменитый меч Кортана, который передавали в семье Карстерсов из поколения в поколение. Она приехала в Лондон, чтобы спасти своего отца. Она ни за что не потеряет лицо в присутствии малознакомых людей.

– Наверное, я немного нервничаю, – произнесла она с искусственной улыбкой. – Люси говорила, что вам очень трудно понравиться.

Мэтью издал громкий смешок, и Корделия вздрогнула от неожиданности. Но он быстро овладел собой и придал лицу обычное снисходительное выражение.

– Вот как? Люси настоящая сплетница.

– Но не лгунья, – сказала Корделия.

– Что ж, вам нечего бояться. Я не испытываю по отношению к вам отрицательных эмоций. Я вас едва знаю, – усмехнулся Мэтью. – Но я неплохо знаю вашего брата. В школе он причинил мне, Кристоферу и Джеймсу немало неприятностей.

Корделия неохотно взглянула в сторону Джеймса и Грейс. Они потрясающе смотрелись рядом: его черные волосы, ее белые кудри и красота ледяной девы составляли поразительный, но привлекающий взгляд контраст. Словно пепел и серебро. Ну как, как, *как* могло ей, Корделии, прийти в голову, что юноша, подобный Джеймсу Эрондейлу, может заинтересоваться девушкой с ее убогой внешностью?

– Мы с Алистером совершенно не похожи, – буркнула Корделия. Она не хотела развивать эту тему. Ей казалось, что это было бы предательством по отношению к брату. – Например, мне нравится Оскар Уайльд, а ему – нет.

Мэтью слегка улыбнулся.

– Вижу, вы направляете свои стрелы прямо в самое чувствительное место, мисс Корделия Карстерс. Вы действительно читали произведения Оскара?

– Только «Портрет Дориана Грея», – призналась Корделия. – Да и то после него мне несколько дней снились кошмары.

– Мне бы хотелось завести на чердаке такой портрет, – задумчиво произнес Мэтью, – чтобы все мои грехи отпечатывались на нарисованном лице, а сам я тем временем оставался бы

молодым и привлекательным. И не только с целью грешить безнаказанно – представьте себе, например, возможность испытывать на своем изображении новые модные веяния. Я мог бы присовокупить себе голубые волосы и оценить, как это выглядит со стороны.

– Вам не нужен никакой волшебный портрет. Вы и *без него* молоды и прекрасны, – заметила Корделия.

– Мужчины не бывают прекрасными. Мужчина может быть видным и статным, – возразил Мэтью.

– Томас видный мужчина. А вы прекрасны, – повторила Корделия, чувствуя, как в душе ее проснулся коварный бесенок. На лице Мэтью появилось упрямое выражение. – Джеймс тоже прекрасен, – добавила она.

– В детстве он был совершенно непривлекательным, – сообщил Мэтью. – Вид вечно хмурый, и нос еще, по-моему, не до конца оформился.

– Сейчас у него уже все оформилось до конца, – возразила Корделия.

Мэтью рассмеялся с таким видом, словно сам не ожидал от себя подобной реакции.

– Это было весьма шокирующее заявление, мисс Корделия Карстерс. Я шокирован. – Но в глазах его плясали веселые искорки. – Джеймс не рассказывал вам о завтрашней прогулке?

– Да, действительно, он говорил, что намечается какая-то вылазка на природу – по-моему, пикник. Однако я не уверена, что я приглашена.

– Разумеется, вы приглашены. Я вас приглашаю.

– О. А вы можете вот так взять и пригласить меня?

– Скоро вы убедитесь в том, что я могу делать все, что захочу. Обычно так я и поступаю.

– Потому, что ваша мать – Консул? – осведомилась Корделия.

Он приподнял бровь.

– Я всегда мечтала познакомиться с ней, – объяснила Корделия. – Она сегодня здесь?

– Нет, она в Идрисе, – ответил он, изящно пожимая плечами. – Уехала несколько дней назад. Человек, занимающий пост Консула, не может жить в Лондоне, она редко здесь бывает. Конклав и все такое... Дела требуют ее присутствия.

– А... – протянула Корделия, изо всех сил пытаясь скрыть разочарование. – И долго она пробудет...

Мэтью закружил ее неожиданно резко, и остальные в недоумении уставились на них.

– Вы завтра придете на пикник, не правда ли? – улыбнулся он. – Ваше присутствие привлечет Люси в то время, пока Джеймс будет увиваться вокруг Грейс. А вы ведь не хотите, чтобы Люси загрустила, верно?

– Разумеется, нет... – начала Корделия и вдруг, оглядевшись, поняла, что Люси нигде нет. Она вытягивала шею, обшаривала толпу взглядом, но не видела ни голубого платья подружки, ни ее каштановых волос. Она с озадаченным видом обернулась к Мэтью.

– Но где же она? Куда подевалась Люси?

3. Живая рука

*Одно воспоминание о руке,
Так устремленной к пылкому пожатию,
Когда она застынет навсегда
В молчанье мертвом ледяной могилы,
Раскаяньем твоим наполнит сны,
Но не воскреснет трепет быстрой крови
В погибшей жизни... Вот она – смотри:
Протянута к тебе.*

Джон Китс⁹

Это немного походило на момент в сновидении, когда человек понимает, что он спит и видит сон, только в обратном порядке. Когда Люси увидела, как в бальный зал входит тот мальчик из леса, ей показалось, что это сон, и только когда ее родители поспешили к нему и двум его спутникам, она поняла, что это реальность.

Словно в каком-то тумане, она протолкнулась сквозь толпу к дверям. Приблизившись к родителям, она узнала женщину, с которой они разговаривали, старуху в черном платье из тафты, с костлявыми руками и плечами. Огромная шляпа была украшена кружевом, тюлем и неизменным чучелом птицы. Татьяна Блэкторн.

Люси всегда немного побаивалась Татьяну; особенно она испугалась, когда соседка заявила к ним в дом и потребовала, чтобы Джеймс обрезал плети шиповника, мешавшие открыть ее ворота. Она помнила высокую, широкоплечую, суровую старую женщину; с годами Татьяна как будто бы съежилась, она по-прежнему была высокой, но уже не походила на великаншу.

Рядом с ней стояла Грейс. Люси помнила холодную, равнодушную ко всему девочку, но теперь Грейс стала иной. Холодной, но прекрасной, словно изваяние.

Но взгляд Люси лишь скользнул по женщинам. Все ее внимание было сосредоточено на юноше, пришедшем с ними. На мальчике, похищенном феями, которого она в последний раз видела в детстве в Лесу Брослин.

Он ничуть не изменился. Шелковистые черные волосы падали на лоб, глаза светились все тем же потусторонним зеленым светом. На нем была та же одежда, что и тогда, в лесу: черные брюки и рубашка цвета слоновой кости с закатанными по локоть рукавами. Люси подумала, что это крайне неподходящий наряд для бала.

Он смотрел, как Тесса и Уилл приветствуют Татьяну и Грейс, как Уилл склоняется над рукой девушки, затянутой в атласную перчатку. Но, как это ни странно, родители Люси не поздоровались с юношей. Приблизившись к группе, девушка нахмурилась. Гости и хозяева разговаривали между собой, не обращая на юношу совершенно никакого внимания, они смотрели словно *сквозь* него, как на пустое место. Как они могут проявлять такую невоспитанность?

Люси ускорила шаги; рот ее приоткрылся от изумления, взгляд был прикован к мальчику, к *ее* мальчику, к *ее* лесному спасителю. Он поднял голову, перехватил взгляд Люси, устремленный на него, и она в недоумении увидела, что на лице его промелькнуло выражение ужаса.

Она остановилась, как вкопанная. Она видела в отдалении Джеймса, который пробирался к ним сквозь толпу, но мальчик уже отошел от Татьяны и Грейс и направился к Люси. Точнее, он бежал к ней, словно закусившая удила лошадь на беговой дорожке Роттен-Роу.

⁹ Перевод С. Сухарева.

Казалось, что никто, кроме нее, его не видит. Никто не обернулся, чтобы взглянуть на них, даже после того, как неизвестный крепко схватил Люси за запястье и увлек ее прочь из бального зала.

– Может быть, ты окажешь мне честь и потанцуешь со мной? – произнес Джеймс.

Он прекрасно сознавал, что рядом стоят родители, что Татьяна Блэкторн наблюдает за ним своими ядовито-зелеными глазами. Он слышал музыку, шум шагов и шорох платьев танцующих дам, но прежде всего – оглушительный стук собственного сердца, перекрывавший все остальные звуки. Он слышал и краем глаза видел все, что происходило вокруг, но это казалось далеким и незначительным, словно его отделяла от остального мира стеклянная стена. Единственным реальным существом для него сейчас была Грейс.

Родители смотрели на Джеймса с нескрываемой озабоченностью. Он ощутил укол вины; наверное, подумал он, сейчас они задают себе вопрос, почему он бросился к Грейс, как одержимый. Насколько им было известно, он и Грейс были едва знакомы. Но неприятное чувство тут же испарилось. Они не знали того, что знал он. Они не знали, как важна для него эта встреча.

– Что ж, иди, Грейс, – сказала Татьяна, и ее тонкие губы растянулись в улыбке, похожей на оскал. – Потанцуй с джентльменом.

Не поднимая глаз, Грейс осторожно вложила руку в ладонь Джеймса. Они направились на танцплощадку. Прикосновение к руке Грейс напомнило Джеймсу первое прикосновение к адамасу: словно молния поразила юношу в тот миг, когда он привлек подругу к себе, положил одну руку ей на плечо, вторую – на талию. Она всегда двигалась изящно, когда они, будучи детьми, танцевали в одичавшем саду ее дома в Идрисе. Но сейчас, держа ее в объятиях, он испытывал совершенно иные ощущения.

– Почему ты не сказала мне, что вы приезжаете? – тихо произнес он.

Она, наконец, подняла голову, и он вздрогнул, узнав ее. Грейс держала себя холодно и отстраненно, молчала, но он остро чувствовал ее присутствие. Она походила на пожар, бушующий внутри ледника.

– Ты не приехал в Идрис, – заговорила она. – Я ждала тебя со дня на день, но ты так и не появился.

– Я написал тебе, – напомнил он. – Я сообщил тебе, что этим летом мы не приедем.

– Это письмо нашла мама, – объяснила она. – Сначала она спрятала его от меня. Я решила, что ты забыл обо мне, но, в конце концов, я нашла письмо в ее комнате. Она рассердилась не на шутку. Я повторяла ей, что мы просто друзья, но... – Она покачала головой. Джеймс знал, что все гости разглядывают их. Даже Анна с любопытством смотрела на них сквозь дым сигары, который окутывал ее, подобно туману, плывущему над Темзой. – Она отказалась мне говорить, что там было написано, просто улыбалась, а дни шли, и ты не приезжал. Я так испугалась. Когда мы не вместе, когда мы разлучены, связь между нами становится тонкой и хрупкой. Я чувствую это. А ты?

Он покачал головой.

– Для настоящей любви расстояние не помеха, – возразил он, стараясь говорить как можно мягче.

– Ты не понимаешь, Джеймс. У тебя здесь, в Лондоне, жизнь, друзья, а у меня ничего нет. – Слова эти прозвучали горько и печально.

– Грейс. Не говори так. – Он подумал о полуразрушенном доме, окруженном сорняками и колючими кустами, об остановившихся часах и кладовой, забитой испорченными продуктами. Когда-то он поклялся, что поможет ей бежать оттуда.

Рука ее скользнула вниз по его рукаву. Он почувствовал, как пальцы ее сжали его запястье, чуть ниже серебряного браслета. «Верностью связан»¹⁰.

– Мне следовало верить в то, что ты мне все-таки напишешь, – прошептала она. – Что ты думаешь обо мне. Я думала о тебе каждую ночь.

«Каждую ночь». Джеймс знал, что она не имела в виду ничего «непристойного», как сказали бы в обществе, но сам почувствовал, что все тело напряглось. Столько времени прошло с того дня, как он в последний раз поцеловал Грейс. Он не мог вспомнить, каково это, все словно заволочено туманом, но он помнил, что этот поцелуй потряс его до глубины души.

– Я думаю о тебе каждый день, – сказал он. – И теперь, когда ты приехала...

– Я думала, что это уже никогда не случится. Я думала, что никогда не увижу Лондон, – говорила она. – Улицы, кареты, дома, все такое удивительное. Люди... – Она оглядела зал. В глазах ее промелькнуло жаждающее, алчное выражение. – Мне так не терпится познакомиться со всеми.

– На завтра у нас намечена загородная прогулка, – сказал Джеймс. – Пикник в Риджентс-парке в небольшой компании. Как ты считаешь, мать позволит тебе пойти?

Глаза Грейс заблестели.

– Думаю, позволит, – ответила она. – Она хочет, чтобы я познакомилась с людьми здесь, в Лондоне, о, и еще – мне очень хочется познакомиться с твоим *парабатаем*, Мэтью. И с Томасом, и с Кристофером, о которых ты столько рассказывал. Я... я хочу понравиться твоим друзьям.

– Разумеется, – пробормотал он и привлек ее ближе к себе. Она была тоненькой и хрупкой, отнюдь не такой, как мягкая и теплая Маргаритка... *Маргаритка!* Во имя Разиэля, ведь он же танцевал с ней всего несколько минут назад. Он не помнил, извинился ли он перед ней. Вообще не помнил, как оставил ее.

Он в первый раз с момента появления Грейс оторвал от нее взгляд и принялся высматривать в бальном зале Корделию. Он нашел ее через пару мгновений – ее невозможно было не заметить. Ни у кого больше не было таких волос, волос глубокого темно-рыжего цвета – словно огонь, пылающий за завесой из льющейся крови. К изумлению Джеймса, оказалось, что она танцует с Мэтью. Руки Мэтью обвивали ее стан, и она улыбалась.

Джеймса захлестнула волна неимоверного облегчения. Значит, он не сделал ничего плохого, не обидел ее. Это было хорошо. Корделия ему нравилась. Он был рад видеть новое лицо среди знакомых ему девушек, которых он встречал на каждом балу и на каждом званом вечере. Он был рад возможности пригласить ее на танец, потому что знал: Корделия не станет делать никаких далеко идущих выводов относительно его намерений. Ведь она была просто его старым другом, другом семьи.

Музыка смолкла. Наступила пауза, гости угощались закусками и напитками. Пары покидали танцплощадку, и Джеймс едва сумел скрыть улыбку, заметив Джессамину, призрачную обительницу Института, которая парила над Розамундой Уэнтворт, сплетничавшей с подружками. Хотя Джессамина умерла четверть века тому назад, она по-прежнему обожала подслушивать сплетни.

Мимо быстрыми шагами прошла Корделия, расставшаяся с Мэтью; она оглядывалась по сторонам, словно искала кого-то. Может быть, брата? Но Алистер был поглощен каким-то серьезным разговором с Томасом. Это сильно озадачило Джеймса – он был уверен в том, что в школьные годы Томас терпеть не мог Алистера.

– Матушка зовет меня, – заговорила Грейс. – Мне лучше пойти к ней.

Татьяна действительно делала дочери знаки подойти. Джеймс осторожно прикоснулся к пальцам Грейс. Он знал, что они не могут взяться за руки, в отличие от Барбары и Оливера. Им

¹⁰ Девиз английского короля Ричарда III (1452–1485).

нельзя было публично демонстрировать свою привязанность друг к другу, нельзя было даже давать понять, что они знакомы.

Сейчас нельзя. Но когда-нибудь, подумал Джеймс, у них появится такая возможность.

– Встретимся завтра, в парке, – прошептал он. – Мы найдем время поговорить.

Она кивнула, отвернулась от него и поспешила к Татьяне, которая в одиночестве торчала у дверей. Джеймс смотрел девушке вслед: они знакомы уже столько лет, размышлял он, но для него Грейс до сих пор остается загадкой.

– Она очень хорошенькая, – раздался совсем рядом знакомый голос. Обернувшись, он увидел у стены Анну. Она обладала сверхъестественной способностью исчезать из одной точки и появляться в другой, подобно пляшущему лучу света.

Джеймс прислонился к стене рядом с Анной. Он множество танцевальных вечеров провел таким образом: подпирая стенку, оклеенную обоями с орнаментом работы Уильяма Морриса, в компании своей язвительной кузины. Если он танцевал с девушками больше одного-двух раз, у него всегда возникало чувство, будто он изменяет Грейс.

– Разве?

– Я решила, что именно по этой причине ты рванул к ней через весь зал, подобно Оскару, почуявшему бисквит. – Оскаром звали золотистого ретривера Мэтью; пес был знаменит не умом, а исключительной преданностью хозяину. – Это было крайне невежливо, Джеймс. Бросить посередине танца такую милую девушку, как Корделия Карстерс.

– А я считал, что ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы подумать, будто я бросаюсь к любой симпатичной девице, попавшей в поле зрения, – уязвленным тоном произнес Джеймс. – Может быть, она напомнила мне давно умершую тетушку.

– *Моя мать* – твоя родная тетка, однако я никогда не замечала у тебя такого энтузиазма при встрече с ней, – улыбнулась Анна, и ее синие глаза сверкнули. – Итак, где же вы познакомились с Грейс Блэкторн?

Джеймс быстро взглянул в сторону Грейс, которую как раз представляли Чарльзу Фэйрчайлду. Бедная Грейс. Вряд ли она сочтет Чарльза хотя бы в малейшей степени интересным. Джеймсу более или менее нравился старший брат Мэтью, они были практически одной семьей, но Чарльз в жизни интересовало только одно: политика общества Сумеречных охотников.

Грейс кивала и вежливо улыбалась. Джеймс подумал: может быть, нужно прийти к ней на помощь? Наверняка мир Аликанте с его драмами, политическими интригами и борьбой за власть был совершенно чужд и непонятен Грейс.

– А сейчас ты думаешь, что обязан избавить ее от Чарльза, – произнесла Анна, проводя рукой по напояженным волосам. – И я тебя прекрасно понимаю.

– Разве тебе не нравится Чарльз? – Джеймс был слегка удивлен. Анна легко мирилась со слабостями и недостатками окружающих и вела себя так, словно этот мир лишь забавлял ее. Люди нравились ей крайне редко, за небольшими исключениями, но еще реже случалось, чтобы ей кто-то *не нравился*.

– Я не могу одобрить все его решения, – произнесла Анна, тщательно подбирая слова. Джеймс не понял, что за «решения» она имела в виду. – Но ты, Джейми, иди, спасай ее.

Джеймс успел сделать лишь несколько шагов, когда мир вокруг него завертелся и изменился до неузнаваемости. Анна исчезла, смолкли музыка и смех: теперь вокруг Джеймса клубились серые бесформенные тени. Он слышал лишь стук собственного сердца. Пол под ногами накренился, словно палуба тонущего корабля.

«*НЕТ!*» – беззвучно крикнул он, но крик не мог остановить, прекратить это. Тени вздымались вокруг, вселенная превращалась в серое ничто.

Мальчик повел Люси по коридору и открыл первую попавшуюся дверь – это оказалась бильярдная. Но он не закрыл за собой дверь, лишь зажег волшебный светильник на каминной полке, и поэтому Люси закрыла дверь сама и на всякий случай повернула ключ в замке.

Потом резко развернулась и грозно уставилась на неизвестного.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – сурово произнесла она.

Мальчишка усмехнулся. Люси с удивлением отметила, что он выглядит совершенно так же, как в ту ночь – на шестнадцать, может быть, семнадцать лет. Он был таким же стройным, и теперь, при свете лампы, она увидела, что лицо его имеет странный, неестественный бледный цвет, нет, даже не бледный, а болезненно-синюшный; зеленые глаза, обведенные темными кругами, лихорадочно блестели.

– Я *был* приглашен, – ответил он.

– Этого не может быть, – возразила Люси и подбоченилась. Волшебный свет вспыхнул ярче, и она заметила, что в комнате царит беспорядок: кто-то опрокинул графин с вином, бильярдный стол был сдвинут с места. – Тебя в младенчестве украли феи, и ты живешь в лесу.

Услышав это, парень расхохотался. Улыбка у него была точно такая же, как тогда, в лесу.

– Это ты так про меня подумала?

– Ты же рассказывал мне про ловушки фэйри! – защищалась она. – Ты появился из леса, а потом исчез в лесу...

– Я вовсе не фэйри и не похищенный ребенок, – сказал он. – Сумеречным охотникам тоже известно об этих ловушках.

– Но у тебя нет рун, – заметила она.

Он взглянул на свои руки, обнаженные до локтя. Каждому Сумеречному охотнику, достигшему десяти лет, наносили на тыльную сторону доминантной руки особую Метку, руну Ясновидения, чтобы помочь им овладеть Зрением. Но единственной отметиной на руке незнакомо-го мальчика был старый шрам от ожога, на который Люси обратила внимание еще тогда, в лесу.

– Нет, – подтвердил он. – У меня нет рун.

– Ты не сказал, что ты Сумеречный охотник. – Она оперлась о бильярдный стол. – Ты так и не сказал мне, кто ты такой.

– Я тогда не думал, что это имеет значение, – вздохнул он. – Я решил, что к тому времени, когда ты станешь настолько взрослой, что сможешь задавать вопросы и требовать ответов, ты утратишь возможность видеть меня.

Люси показалось, что ледяная рука прикоснулась к ее позвоночнику.

– А почему я должна была потерять возможность тебя видеть?

– Ты способна догадаться обо всем сама, Люси, – мягко произнес он. – Тебе не показалось, что никто из гостей в бальном зале не заметил меня? Ведь никто не приветствовал меня, не взглянул в мою сторону, даже твой отец.

Она молчала.

– Дети иногда могут видеть меня, – продолжал он. – Но другие – крайне редко. Люди, достигшие твоего возраста, меня не видят.

– Что ж, благодарю за комплимент, – негодующим тоном воскликнула Люси. – Я пока не считаю себя старухой.

– Нет, – губы его тронула улыбка. – Нет, ты не старуха.

– Но ты сказал, что тебя пригласили, – упорно продолжала Люси. – Как это возможно, если никто не видит тебя, хотя я никак не могу понять, почему...

– Были приглашены все Блэкторны, – пояснил он. – Приглашение было адресовано Татьяне Блэкторн и ее семье. Я – член ее семьи. Меня зовут Джесс Блэкторн.

– Но он же умер, – выпалила Люси, не успев обдумать свои слова. Потом встретилась с юношей взглядом. – Выходит, ты – призрак?

– Ну, – хмыкнул он, – в общем, да.

– Так вот почему ты сказал «даже твой отец», – вслух размышляла Люси. – Ведь он может видеть призраков. *Все* Эрондейлы могут. Мой брат, мой отец – они тоже должны были тебя увидеть.

– Я отличаюсь от обычных призраков, и если ты меня видишь, значит, ты – необычная девушка, – сказал Джесс. Теперь, когда она узнала, кто он такой, сходство бросалось в глаза. Он был таким же высоким, как Татьяна, и у него были правильные, точеные черты лица, как у Габриэля. Но волосы, черные, как смоль, он, должно быть, унаследовал от отца. В жилах его смешалась кровь Блэкторнов и Лайтвудов.

– Но я же могу прикоснуться к себе, – возражала Люси. – Я прикасалась к тебе в лесу. Ты вытащил меня из ямы. Никто не может дотронуться до призрака.

Он пожал плечами.

– Можешь представить себе, что я стою на пороге. Я не могу выйти из двери и знаю, что мне никогда не позволят вернуться обратно, внутрь, в мир живых. Но дверь еще не закрылась за мной.

– А твои мать и сестра – они тебя видят?

Джесс вздохнул, словно сдавался под ее натиском, и, примостившись на бильярдном столе, приготовился к долгому разговору. Люси до сих пор не могла поверить в реальность происходящего. Она снова увидела своего лесного воспитанника фей, и вот оказалось, что он не имеет никакого отношения к фэйри, что он – необыкновенное привидение, которое не видит никто, кроме нее. Все это нелегко было принять вот так, сразу.

– Они видят меня, – ответил он. – Возможно, потому, что они присутствовали при моей кончине. Мать волновалась, что я исчезну из их мира, когда мы переедем в Лондон, в Чизвик-хаус, но, судя по всему, этого не произошло.

– Тогда, в лесу, ты мог бы и представиться.

– Ты была еще ребенком. Я считал, что ты с возрастом утратишь свои способности. Кроме того, я решил, что с моей стороны будет не очень хорошо говорить тебе, кто я такой. Из-за вражды между нашими семьями.

Джесс говорил таким тоном, как будто между Блэкторнами и Эрондейлами существовала непримиримая вражда, словно между ними шла кровопролитная война, как между семьями Монтекки и Капулетти. Однако в действительности лишь Татьяна Блэкторн ненавидела Эрондейлов, а они никогда не испытывали к ней враждебных чувств.

– Почему ты утащил меня из бального зала? – требовательно спросила Люси.

– Никто, кроме моих родичей, не может меня видеть. Я не понимаю, каким образом это удается *тебе*; такого никогда не случалось прежде. Я не хотел, чтобы все подумали, будто ты лишилась рассудка. А кроме того...

Джесс резко выпрямился. Тень промелькнула на его лице, и Люси похолодела; на мгновение ей показалось, что глаза его сделались чудовищно большими, изменили форму, превратились в страшные черные озера. Ей показалось, что она видит в них тьму и еще какую-то движущуюся фигуру. Он устремил на нее злобный взгляд.

– Оставайся в комнате и не выходи, – прошипел он, вцепившись ей в локоть пониже пышного рукава. Люси ахнула от неожиданности; пальцы его были холодны, как лед.

– В этот дом явилась смерть, – произнес призрак и растаял в воздухе.

Серый мир окружал Джеймса. Он уже успел забыть о холоде, который охватывал его, когда наступали тени. Забыть о том, что он по-прежнему может видеть реальный мир, но словно сквозь завесу пыли: он стоял в бальном зале, однако все было черно-белым, как на фотографии. Нефилимы превратились в привидения, они вытягивались в длину, извивались и раскачивались, как фигуры из ночного кошмара.

Джеймс пошатнулся и неуверенно сделал шаг назад, когда из пола выросли деревья; корни поползли в разные стороны по полированному паркету. Он знал, что кричать бесполезно: его все равно никто не услышит. Он был один в ином мире. Перед глазами мелькали видения выжженной пустыни и багрового неба, а фигуры танцующих, которые не видели и не слышали его, продолжали кружиться по залу. Время от времени он узнавал лицо, жест – ему показалось, что он видит рыжие волосы Корделии, Ариадну Бриджсток в платье из винно-красного шелка, свою кузину Барбару, протянувшую руку кавалеру. И в этот миг древесный корень, извивавшийся, словно щупальце чудовища, обмотался вокруг ее ноги и уволок ее вниз.

Перед глазами сверкнула ослепительная раздвоенная молния, и внезапно он снова очутился в настоящем, в бальном зале, его оглушил шум, ослепил свет. Кто-то крепко держал его за плечи.

– Джейми, Джейми, Джейми, – повторял чей-то встревоженный голос, и Джеймс, не обращая внимания на бешеный стук сердца, постарался сфокусировать зрение. Это был Мэтью. За спиной у него мелькали другие Сумеречные охотники: Джеймс слышал их смех и болтовню, походившие на приглушенные разговоры статистов в пьесе.

– Джейми, дыши глубже, – велел Мэтью, и его голос был единственной реальностью в мире, перевернутом вверх тормашками. Джеймса охватил непередаваемый ужас – на сей раз это произошло на виду у всех...

– Они видели меня? – хрипло выговорил он. – Они видели, как я превратился в тень?

– Ты не превращался в тень, – успокоил его Мэтью, – ну, то есть, совсем немного, скажем так, распушился по краям...

– Ничего смешного, – сквозь зубы процедил Джеймс, но шутка Мэтью подействовала на него, как ушат ледяной воды. Сердцебиение постепенно пришло в норму. – Значит, ты хотел сказать... что я не превратился в тень?

Мэтью отрицательно покачал головой и отпустил Джеймса.

– Нет.

– Тогда как ты узнал?

– Я это почувствовал, – объяснил Мэтью. – Почувствовал, что ты ушел в... туда.

Его передернуло, и он, сунув руку за пазуху, извлек небольшую флягу с собственными инициалами. Мэтью отвинтил крышку, и Джеймс почувствовал резкий, специфический запах виски.

– Что случилось? – расспрашивал Мэтью. – Я думал, ты просто разговариваешь с Анной.

Джеймс заметил, что Томас и Кристофер смотрят на них с любопытством. Должно быть, у них с Мэтью очень серьезный и взволнованный вид, подумал он.

– Во всем виноват твой брат, – пробормотал он.

– Я совершенно не удивлюсь, если мне скажут, что мой брат виноват абсолютно во *всем*, – заметил Мэтью уже более спокойным голосом. – Но в нашем случае...

И в этот момент по залу разнесся душераздирающий вопль.

Корделия не могла понять, почему она вдруг так разволновалась из-за Люси. Рядом с бальным залом находилось несколько гостиных, и Люси могла удалиться в одну из них, или же пойти отдохнуть в свою комнату. Она могла быть где угодно в Институте. Прежде чем умчаться куда-то, Мэтью сказал ей, чтобы она ни о чем не беспокоилась, но Корделия никак не могла избавиться от безотчетной тревоги.

– Ради всего святого! – крик отвлек ее от размышлений. Это был низкий мужской голос, баритон. – Кто-нибудь, помогите ей!

Корделия огляделась: гости в изумлении переговаривались. В другом конце зала собралась небольшая кучка людей, и непонятно было, что там происходит. Она подобрала юбки и начала пробираться сквозь толпу.

Она чувствовала, как волосы выбиваются из тщательно сооруженной прически и падают на плечи. Мать придет в ярость, но что же это такое? Почему никто не трогается с места? Это же Сумеречные охотники. Какого черта они стоят, словно к полу приросли, когда кому-то требуется помощь?

Она растолкала небольшой кружок зевак и увидела на полу молодого человека, который держал на руках безжизненное тело Барбары Лайтвуд. Это Оливер Хейуорд, сообразила Корделия, жених Барбары.

– Мы танцевали, – безумным голосом говорил он, – и вдруг она упала замертво...

Корделия опустилась на колени. Барбара Лайтвуд была смертельно бледна, темные волосы на висках были влажными. Девушка дышала часто, прерывисто. В подобных случаях Корделия забывала о своей застенчивости и думала только о том, как помочь пострадавшему.

– Ей нужен свежий воздух, – сказала она. – Наверное, корсет слишком сильно затянут. У кого-нибудь есть нож?

Анна Лайтвуд появилась из-за спин растерянных людей и грациозным движением опустилась на пол рядом с Корделией.

– У меня есть кинжал, – произнесла она, извлекая из внутреннего кармана жилета клинок в ножнах. – Что нужно делать?

– Нужно разрезать корсет, – ответила Корделия. – Она испытала какое-то потрясение, ей необходимо вздохнуть свободно.

– Предоставьте это мне, – сказала Анна. У нее был необычный хриплый голос, одновременно нежный, как шелк, и жесткий, как наждачная бумага. Она приподняла тело Барбары и провела острием кинжала по ее спине, осторожно разрезая ткань и материал корсета. Когда одежда соскользнула с плеч Барбары, Анна подняла голову и рассеянно произнесла: – Ари, накидку...

Ариадна Бриджсток быстро сдернула шелковую накидку и подала ее Анне, а та ловко обернула Барбару. Дыхание больной постепенно выравнивалось, краски возвращались на лицо. Анна посмотрела на Корделию поверх головы Барбары, и в ее синих глазах мелькнуло оценивающее выражение.

– Что здесь происходит? – Это была Софи Лайтвуд, которой, наконец-то, удалось пробраться к месту происшествия; за ней следовал муж, Гидеон. – Барбара! – Она повернулась к Оливеру, который с расстроенным видом стоял рядом. – Она упала?

– Она просто потеряла сознание ни с того ни с сего, – снова объяснил Оливер. – Мы танцевали, и она упала в обморок...

Ресницы Барбары дрогнули. Она села с помощью Анны и, часто моргая, взглянула на мать. Внезапно на щеках ее выступили красные пятна.

– Я... со мной все в порядке, – пролепетала она. – Уже все в порядке. У меня закружилась голова... так глупо, но это был просто обморок.

Корделия поднялась на ноги. К ним подходило все больше людей. Гидеон и Софи помогли Барбаре встать, и Томас, возникший из толпы, предложил сестре не слишком свежий носовой платок. Она со слабой улыбкой взяла платок и прижала к губам.

На ткани остались следы крови.

– Я прикусила губу, – поспешно произнесла Барбара. – Упала и прикусила губу. Ничего страшного.

– Нам нужно стило, – сказал Томас. – Джеймс?

Корделия до этого момента не замечала Джеймса. Обернувшись, она увидела, что он стоит у нее за спиной.

Вид его напугал Корделию. Несколько лет назад он сильно заболел, у него была жгучая лихорадка; и сейчас она вспомнила, как он выглядел тогда, бледный, больной, с безумным взглядом.

– Мое стило, – хрипло произнес он. – Во внутреннем кармане. Барбаре нужна исцеляющая руна.

Корделия хотела было спросить его, почему он не может достать эту вещь сам, но вдруг заметила, что руки его безвольно повисли вдоль тела, а пальцы крепко сжаты в кулаки. Она протянула руку и нервно, неловко принялась шарить в кармане его жилета. Она чувствовала шелк и батист, чувствовала биение его сердца. Наконец, она нащупала тонкий предмет, похожий на карандаш, вытащила его и протянула Томасу, который принял стило с удивленным видом и поблагодарил. Она вдруг сообразила, что не успела толком рассмотреть Томаса: у него были блестящие карие глаза, как у его матери, и густые темные ресницы, такого же цвета, как волосы.

– *Джеймс*. – Люси внезапно очутилась между Джеймсом и Корделией и потянула брата за рукав. – Джейми. Ты опять...

Он покачал головой.

– Не надо сейчас об этом, Люси.

Люси выглядела встревоженной. Они трое молча смотрели, как Томас заканчивает изображать исцеляющую руну на руке сестры, и Барбара снова воскликнула, что с ней все в порядке, она жива и здорова, и у нее просто закружилась голова.

– Я сегодня забыла позавтракать, – обратилась девушка к матери, когда Софи обняла ее за талию. – Наверное, в этом все дело.

– И тем не менее, мы считаем, что сейчас тебя надо отвезти домой, – сказала Софи, оглядываясь. – Уилл... ты не мог бы распорядиться, чтобы подали нашу карету?

Все поняли, что больше ничего интересного не предвидится, и толпа понемногу рассеивалась. Семья Лайтвудов направилась к выходу, Барбара опиралась на руку Томаса. Внезапно произошла заминка: какой-то человек с куриной грудью и черными усами, подкрученными вверх, бросился к Гидеону и начал что-то возбужденно втолковывать ему.

– Что понадобилось Инквизитору от дяди Гидеона? – удивилась Люси. Джеймс и Мэтью лишь покачали головами. Через минуту Гидеон кивнул и последовал за усатым человеком – Корделия догадалась, что это и есть Инквизитор – туда, где стояли Чарльз и Грейс Блэкторн. Девушка пристально смотрела на своего собеседника снизу вверх, глаза ее блестели, на лице читался интерес. Корделия вспомнила уроки матери насчет того, как притворяться заинтересованной беседами в светских гостиных: казалось, Грейс сумела научиться всему сразу, появившись в обществе меньше часа назад.

Чарльз неохотно отвернулся от Грейс и заговорил с Гидеоном Лайтвудом. Инквизитор пробирался через толпу, по дороге останавливаясь, чтобы поговорить с Сумеречными охотниками. Большинство из них были ровесниками Чарльза: Корделия подумала, что ему было около двадцати пяти.

– Похоже, вечеринка окончена, – заметил Алистер, появляясь рядом с Корделией. В руке у него была незажженная сигара, и он жестикулировал ею. Корделия знала, что если он начнет курить, Сона его убьет. – Насколько я понял, произошло нападение демонов-шакс на площади Семи Циферблатов.

– Нападение демонов? – с некоторым удивлением повторил Джеймс. – На простых людей?

Алистер глупо ухмыльнулся.

– Ну да, вы знаете, такая неприятность, из тех, что мы поклялись предотвращать. Ангельские заветы и все такое прочее.

Лицо Мэтью стало каменным; Люси в тревоге покосилась на него. Джеймс прищурился.

– Чарльз отправился вместе с Гидеоном Лайтвудом и Инквизитором Бриджстоком взглянуть, что там происходит, – продолжал Алистер. – Я вызвался пойти с ними, но я пока еще

недостаточно хорошо знаю Лондон. Чарльз обещал показать мне город, и после этого я стану просто подарком для любого патруля.

– Ты, подарок, – процедил Мэтью, опасно сверкнув глазами. – Представляю себе.

И он ушел. Алистер посмотрел ему вслед, приподняв бровь.

– Что, наш друг сегодня встал не с той ноги? – произнес он, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Нет, – коротко бросил Джеймс и стиснул зубы с таким видом, будто из последних сил терпел присутствие Алистера. Корделия вспомнила времена, когда Алистер учился в Академии, и как ужасно ей хотелось узнать, что там происходит.

Алистер открыл рот, чтобы что-то еще сказать, но в этот момент из толпы появилась Сона и направилась к ним, словно пароход, приближающийся к пристани. Тряхнув головой, она пристально осмотрела сына, затем Корделию. Алистер поспешно запихал сигару в карман.

– Дети, – произнесла она, – я считаю, что нам пора уходить.

Судя по всему, слухи о демонической атаке быстро распространились среди гостей. Танцы прекратились. Музыканты отложили инструменты, обеспокоенные родители подавали накидки и перчатки девушкам в бледных шелковых платьях. Уилл и Тесса находились среди гостей, желали всем по очереди доброй ночи. Неподалеку Чарльз с влюбленным видом помогал Ариадне завернуться в плащ, а Гидеон и Инквизитор ждали его в дверях.

Через некоторое время Уилл и Тесса подошли к Корделии и ее родственникам. Пока Сона благодарила их за прекрасный вечер, Корделия обратила внимание на Фэйрчайлдов. Мэтью беседовал с каким-то худым мужчиной с выцветшими рыжими волосами, прикованным к инвалидному креслу. Мэтью перегнулся через спинку кресла и говорил нечто такое, что вызвало улыбку на губах его собеседника; Корделия поняла, что это, скорее всего, Генри Фэйрчайлд, его отец. Она и забыла, что старик был ветераном Механической войны, во время которой получил серьезное ранение.

– О боже мой, – говорила тем временем Тесса. – Мы непременно предпримем еще одну попытку, миссис Карстерс, я вам обещаю. Вы заслуживаете самого горячего приема в лондонском Анклаве.

Сона улыбнулась.

– Я уверена, что если мы с вами объединим усилия, то что-нибудь придумаем.

– Спасибо тебе за то, что ты так своевременно пришла на помощь Барбаре, Корделия, – сказала Тесса. – Ты станешь идеальной названной сестрой для Люси.

Корделия при этих словах взглянула на Люси, которая улыбнулась в ответ. Улыбка казалась несколько искусственной. Взгляд Люси был тревожным, беспокойным, словно что-то мучило ее. Она ничего не ответила Тессе, и Джеймс шагнул к сестре, словно желая оградить ее от дальнейших расспросов.

– Корделия очень помогла Барбаре, – объявил он. – Именно ей пришла в голову идея разрезать корсет.

Сону это сообщение привело в ужас.

– Корделия имеет привычку в любой ситуации действовать безрассудно, – обратилась она к Тессе и Уиллу. – Уверена, вы меня понимаете.

– О, разумеется, – ответил Уилл. – Мы всегда очень строги с нашими детьми в этом вопросе. «Если вы не будете действовать безрассудно, Джеймс и Люси, снова останетесь на хлебе и воде».

Алистер с трудом подавил смешок. Сона уставилась на Уилла так, словно он был не человеком, а ящерицей с перьями.

– Доброй ночи, мистер Эрондейл, – холодно произнесла она, отворачиваясь и подталкивая своих отпрысков к выходу. – Мы очень интересно провели вечер.

Было далеко за полночь. Тесса Эрондейл сидела перед зеркалом в спальне, которую делила с супругом уже двадцать три года, и расчесывала волосы. Окна были закрыты ставнями, но сквозь щели в комнату проникал теплый летний ветерок.

Она узнала шаги Уилла, когда он был еще в коридоре. После двадцати лет брака это суший пустяк. Он закрыл за собой дверь, подошел к кровати и прислонился к столбу, глядя на жену, сидевшую перед трюмо. Он небрежным движением сбросил пиджак и развязал галстук. Его темные волосы растрепались, и Тессе, которая смотрела на него в слегка потускневшее зеркало, показалось, что он совсем не изменился с тех пор, как ему было семнадцать.

Она лукаво усмехнулась, взглянув на него.

– Что такое? – спросил он.

– Ты позируешь, – сказала она. – И мне хочется написать твой портрет. Я бы назвала его «Джентльмен в задумчивости».

– Ты не в состоянии изобразить даже прямую линию, Тесс, – возразил он, подошел к ней и положил руки ей на плечи. Когда он стоял совсем близко, она видела серебристые нити в его темных волосах. – И уж тем более увековечить мою красоту и очарование, которые лишь стали более заметны с возрастом – хотя мне едва ли нужно напоминать тебе об этом.

Она вовсе не собиралась возражать – он был прекрасен, как всегда, и глаза у него были по-прежнему того же волнующего синего цвета, – но, с другой стороны, она не хотела ему льстить лишний раз. Вместо этого Тесса подергала супруга за волосы, в том месте, где седины было больше.

– Я это прекрасно знаю. Я видела, как сегодня вечером Пенелопа Мэйхью самым бесстыдным образом заигрывала с тобой!

Он наклонился и поцеловал ее затылок.

– Я ничего такого не заметил.

Она улыбнулась ему в зеркале.

– Судя по твоему беззаботному виду, на площади Семи Циферблатов все прошло хорошо. Ты получил известия от Гидеона? Или... – она скорчила гримасу – ...от Бриджстока?

– Вообще-то, мне сообщил Чарльз. Там была кучка демонов-шакс. Довольно приличное количество, в последнее время нам не приходилось иметь дела с такими стаями, но ничего такого, с чем они не сумели бы справиться. Чарльз настаивал, что беспокоиться нам не о чем. – Уилл с притворным недовольством поднял глаза к потолку. – У меня такое ощущение, будто он волновался, как бы я не предложил отменить завтрашний пикник в Риджентс-парке. Вся молодежь там будет.

Последнее предложение Уилл произнес, слегка шепелявя, такое бывало с ним, когда он сильно устал. Едва заметные остатки прежнего произношения, уничтоженного временем и расстоянием. И все же, в моменты усталости или горя, акцент возвращался, и голос Уилла тогда становился ритмичным, плавным, словно пологие зеленые холмы Уэльса.

– Ты чем-то встревожена? – спросил он, встречаясь взглядом с ее отражением. – Я вот иногда волнуюсь. За Люси и Джеймса.

Жена отложила щетку для волос и резко обернулась.

– Волнуешься за детей? Но почему?

– Все это... – Уилл сделал неопределенный жест рукой. – Катания на лодках, регаты, крикетные матчи, ярмарки, танцы, все это так... пошло, примитивно.

– Ты боишься, что они превратятся в обычных людей? Право же, Уилл, не ожидала от тебя такого. Думать так о своих детях!

– Нет, насчет этого я не волнуюсь. Просто дело в том, что... уже много лет прошло с тех пор, как в Лондоне наблюдалась хоть сколько-нибудь значительная демоническая активность. Дети выросли, постоянно занимаясь тренировками, но патрулирование по большей части бесцельно.

Тесса поднялась, и волосы ее рассыпались по спине. Это была еще одна ее особенность как чародейки: волосы у нее не росли с тех пор, когда она перестала стареть, а это совершенно неожиданно произошло с ней в девятнадцать лет. Волосы оставались прежними и спадали чуть ниже лопаток.

– Но разве это плохо? – произнесла она. – Мы же не хотим, чтобы наши дети очутились в опасности, сражаясь с демонами, верно?

Уилл отошел, сел на кровать и скинул туфли.

– Но, с другой стороны, мы не хотим, чтобы демоны застигли их врасплох, – возразил он. – Я помню себя в их возрасте, помню, сколько нам приходилось драться. Я не уверен в том, что они смогли бы такое выдержать. Пикники не подготовят их к войне.

– Уилл. – Тесса опустилась на постель рядом с мужем. – Сейчас нет никакой войны.

Она понимала причину его беспокойства. Им самим пришлось принимать участие в войне, пришлось испытать боль утраты. Брат Тессы, Нат. Томас Таннер. Агата Грант. Джессамина Лавлейс, их друг, которая сейчас охраняла Лондонский Институт в виде призрака. И Джем, который остался в живых, но которого они оба, тем не менее, потеряли.

– Я знаю. – Уилл протянул руку, погладил ее по волосам. – Тесс, Тесс. Неужели в тот день, когда перестало стареть твое тело, произошло другое чудо, и твое сердце тоже осталось навеки молодым? Ты не стала циничной, страхи не терзают тебя... Наверное, это старость незаметно подкралась ко мне, и вот я, как старый брюзга, поднимаю шум из-за пустяков.

Тесса взяла его за подбородок, приблизила лицо к его лицу.

– Ты еще не старик, – страстно произнесла она. – Даже когда тебе будет восемьдесят лет, ты останешься моим прекрасным Уиллом.

И она поцеловала его. Он что-то неразборчиво пробормотал, обнял ее.

– Моя Тесс, – сказал он, когда она отстранилась от него. – Моя милая жена.

– Нам нечего бояться, – прошептала она, осыпая поцелуями его лицо. Он сильнее прижал ее к себе. – Мы через многое прошли. Мы заслужили право на счастье.

– Другие люди тоже заслуживают счастья, но, тем не менее, лишены его.

– Я знаю. – Она подавила рыдание; оба они говорили об одном и том же человеке, и она не знала, о ком ей хочется плакать, о нем, или об Уилле, или о себе самой. – Я знаю. – Она поцеловала его ресницы, когда он увлек ее на постель, нашел пояс ее пеньюара и развязал узел. Он прижался к ней всем телом, запустил пальцы в ее густые волосы, перебирал блестящие кудри.

– Я тебя люблю, – прошептала она, когда шелковая одежда соскользнула на пол. – Я люблю тебя, Уилл.

Он ничего не ответил, но поцелуй его сказал больше, чем любые слова.

Стоя на крыше Института, Джеймс наблюдал за каретой Чарльза Фэйрчайлда, которая с грохотом проехала по двору Института и скрылась за величественными черными чугунными воротами.

Джеймс часто выбирался на крышу, если не мог уснуть, а сегодняшняя бессонница докучала его. Он никак не мог перестать думать о том, что видел в бальном зале – и еще позавчера вечером, в темном переулке неподалеку от таверны «Дьявол».

Царство теней. Так он всегда называл его про себя, этот черный с серым пейзаж, который время от времени представал перед ним, подобно видению Ада. Впервые он увидел его в тринадцать лет, потом приступы стали чаще, обычно они происходили в те моменты, когда он переставал контролировать свои эмоции. Мир становился серым, а потом те, кто находился рядом – члены семьи, друзья, – говорили ему, что его тело стало полупрозрачным, как будто было соткано из серого дыма.

Один раз, когда он сделал это намеренно, по просьбе Грейс, ему с большим трудом удалось вернуться обратно. Ужас, пережитый им в тот день, забылся нескоро; его долго терзали кошмары, он с воплями просыпался среди ночи. Родители, не зная, что предпринять, обратились за помощью к дяде Джемму. Однажды утром Джеймс проснулся и увидел Джема, который сидел в кресле в ногах его кровати и пристально смотрел на него сквозь опущенные веки.

«Итак, – сказал Джем. – Разумеется, тебе известно, что наша Вселенная включает множество миров».

Джеймс кивнул.

«В таком случае ты можешь представить себе Вселенную в виде сот, в каждой ячейке которых существует некое царство. Некоторые ячейки расположены рядом. Я считаю, что стенка между нашим миром и этим миром, который ты видишь, по какой-то причине истончилась. Ты видишь это чужое царство, и тебя время от времени затягивает туда».

– А это опасно? – спросил мальчик.

«Возможно. Демонические миры – места нестабильные, и нам мало что известно о твоей способности проникать туда. Возможно, что однажды тебя увлечет в серое царство, и ты обнаружишь, что не в состоянии вернуться назад».

Джеймс помолчал минуту. Наконец, он произнес:

– Выходит, дело гораздо серьезнее, чем моя бессонница и ночные кошмары.

«Намного серьезнее, – согласился Джем. – Ты должен окружить себя крепостью самоконтроля. Ты должен узнать свою силу, чтобы уметь распоряжаться ею».

– То же самое происходило с моей матерью? – очень тихо спросил Джеймс. – Прежде, чем она научилась контролировать свою способность менять облик.

«У твоей матери были жестокие учителя. Они удерживали ее против воли и насильно заставляли менять облик. Должно быть, это было страшно и болезненно».

Джеймс молчал.

«Тебе известно, что твоя мать не пользовалась своей силой после окончания Механической войны. С тех пор изменение внешности стало для нее... трудным делом. И причиняло ей боль. Она решила отказаться от этого».

– Значит, причина всего – мой дед? – воскликнул Джеймс. – Демон, отец моей матери? Таков его дар нам? Меня гораздо больше устроила бы новая пара носков в качестве подарка на день рождения.

«Вопрос о личности твоего деда, – сказал Джем, – занимал меня еще до твоего рождения. Возможно, выяснив, кто он, я смогу пролить свет на твои способности, а также на способности твоей матери. Но его имя тщательно скрывается – настолько тщательно, что это само по себе уже подозрительно. Но пока я ничего не могу сказать тебе о нем, кроме того, что это один из Верховных Демонов».

Насколько было известно Джеймсу, в течение следующего года Джем не продвинулся в своих изысканиях по поводу имени деда, или, по крайней мере, не выяснил ничего достойного упоминания. Но за этот год Джеймс научился под руководством Джема сопротивляться притяжению царства теней. Однажды, холодной зимней ночью, когда завывал колючий злой ветер, Джем привел его на вершину холма Хэмпстед-Хит, и юноша сумел подавить очередной приступ, несмотря на то, что у него зуб на зуб не попадал от холода. Они тренировались в специальной комнате – Джем был поразительно проворным для Безмолвного Брата – и даже в разгар схватки говорили о чувствах, которые вызывали эти приступы, о том, как контролировать их, как правильно дышать. Джеймс хорошо помнил, как однажды Джем одолжил у Мэтью пса, Оскара Уайльда, разозлил его и неожиданно натравил на Джеймса во время завтрака.

Джеймс считал, что некоторые идеи Джема по поводу выработки самоконтроля представляли собой всего лишь проказы, шалости – в конце концов, никто не умел изображать невоз-

мутимость лучше Безмолвных Братьев. Отец заверял его, что это не в натуре Джема, и что, несмотря на странные методы, Джем искренен в своих намерениях.

И Джеймс вынужден был признаться себе в том, что необычные методы действуют.

Постепенно он стал спать лучше, чувство тревоги и настороженности отступило. Царство теней больше не подстерегало его за каждым поворотом, и он почувствовал, что оно уже не оказывает на него прежнего влияния, как будто с плеч его упала тяжесть, о существовании которой он и не подозревал. Он все реже и реже совершал путешествия в серый мир. За последний год подобного с ним вообще не происходило, если не считать позапрошлого вечера, когда они сражались с демоном-деумас.

Джеймс думал, что этого больше не произойдет – и вот несколько часов назад это случилось снова.

Никто ничего не заметил, сказал он себе. Ну, может быть, разве что Мэтью, но и то лишь потому, что они были *парабатай*: до некоторой степени Мэтью мог чувствовать то же, что и Джеймс. Но Мэтью не мог видеть этот чужой мир. Он не видел, как танцующие превратились в тени, как из пола выросли чудовищные щупальца, как Барбару утащили в пропасть.

А через минуту Барбара потеряла сознание.

Джеймс не знал, что об этом думать. Видения, представавшие перед ним в сером царстве, никогда не были связаны с реальным миром: это были картины ужасов, но не предостережения. И с Барбарой все было в порядке – она сама сказала, что у нее просто закружилась голова, – так что, возможно, это было всего лишь совпадение.

Но он не верил в совпадения. Ему хотелось переговорить с Джемом. Именно с Джемом он советовался по поводу своих видений: Джем был Безмолвным Братом, хранителем мудрости, накопленной Сумеречными охотниками на протяжении веков. Джем наверняка знает, что делать.

Он вытащил из кармана коробок спичек. Это был необычный коробок: на крышке был изображен греческий бог Гермес, покровитель послов. Джем дал юноше коробок несколько месяцев назад и снабдил его строгими инструкциями относительно использования.

Джеймс чиркнул спичкой о железную решетку, ограждавшую крышу. Пока спичка горела, он неожиданно подумал еще об одном человеке, который, как он подозревал, заметил нечто странное в его поведении: Корделия. Он понял это по ее взгляду, брошенному на него, когда он подошел к ней и попросил достать из своего кармана стиле.

Корделии было кое-что известно о его сером мире. Их семьи были близки, и она была с ним тогда, когда он заболел жгучей лихорадкой в Сайренворте и постоянно перемещался из реального мира в призрачный и обратно. Ему даже казалось, что тогда она читала ему вслух. Но ему было трудно вспомнить: он был сильно болен.

Спичка догорела и уже жгла ему пальцы: он отшвырнул огарок и поднял голову, чтобы взглянуть на луну, молочно-белый полумесяц, сиявший в черном небе. В этот момент он понял, что рад переезду Корделии в Лондон. Не только потому, что Люси теперь была счастлива – он сам обрадовался появлению Корделии. Странно, подумал Джеймс – как же он успел забыть, что она излучала надежный, ровный свет даже тогда, когда окружающий мир погружался во тьму.

Недавнее прошлое. Сайренворт-холл, 1900 год

После того, как Джеймса исключили из Академии Сумеречных охотников, родители отправили его в Девон, в Сайренворт-холл, чтобы он поразмыслил о своем будущем и решил, чем хочет дальше заняться в жизни.

Сайренворт-холл представлял собой огромное, беспорядочно выстроенное здание эпохи Якова I. Элиас Карстерс приобрел его в 1895 году, даже не торгуясь. Осмотрев особняк, Элиас буквально влюбился в него с первого взгляда и решил, что здесь будет их дом, что именно сюда его семья будет возвращаться после долгих странствий.

Джеймсу здесь нравилось, потому что ему нравилась семья Карстерсов – естественно, за исключением Алистера, который, к счастью, проводил то лето в Идрисе в компании Огастеса Паунсби. Но на сей раз поездка была испорчена проливным дождем. Дождь начался еще в Лондоне, до того, как они выехали; через пару часов после отъезда мелкая противная морось перешла в мощный ливень, который с силой барабанил по крыше кареты. Над Сайренвортом плыли плотные серые облака, и очевидно было, что дождь не прекратится в ближайшие несколько недель. Лондон в ненастную погоду представлял собой достаточно унылое зрелище, но земли вокруг Сайренворта в то лето превратились в настоящее болото, и этот пейзаж заставил Джеймса задуматься о том, зачем люди вообще поселились на Британских островах.

Ничего, это ненадолго, мысленно утешал он себя. Его родителям необходимо было присутствовать в Аликанте на нескольких скучных заседаниях правительства, поэтому Джеймсу и Люси предстояло провести в Сайренворте меньше месяца. После этого Уилл, Тесса и их дети планировали вернуться в Эрондейл-Мэнор, а Карстерсы, в свою очередь, собирались навестить их там позднее. Джеймс надеялся, что лето в Идрисе окажется погожим и теплым.

Хуже всего было то, что окружающие вели себя подчеркнуто деликатно и старались *оставить его в покое*. Наверное, они считали, что ему требуется одиночество и этот проклятый *покой* для того, чтобы прийти в себя и *обдумать произошедшее*. В результате Джеймс большую часть времени проводил за чтением книг в гостиной, пока Люси и Корделия тренировались, делали наброски в блокнотах, надевали резиновые сапоги и шлепали на улицу собирать ежевику под проливным дождем. Они без конца заваривали чай и выпили, по подсчетам Джеймса, несколько тысяч чашек; потом затевали бурные поединки на мечах в помещениях, совершенно для этого не предназначенных. Однажды девчонки поймали какую-то маленькую, но голосистую птичку и несколько дней держали ее в клетке, прежде чем выпустить. Они настолько усердно оставляли Джеймса в покое, что он уже боялся превратиться в невидимку.

Он тосковал по залитым солнцем лугам и синему небу Идриса. Когда они вернутся в Эрондейл-Мэнор, мечтал Джеймс, он сможет хоть целыми днями бродить по лесам в одиночку, и никто не будет приставать к нему с вопросами. Возможно, за исключением Грейс. И что он ей скажет, размышлял Джеймс. Слышала ли она что-нибудь о его делах? Он так не считал. Они с Татьяной вели очень замкнутую жизнь, и до них едва ли доходили слухи из внешнего мира.

Он всегда отвечал добротой на деликатное и ласковое отношение Корделии, но поведение Люси в конце концов сделалось настолько раболепным и угодливым, что однажды утром Джеймс не выдержал и рявкнул:

– Знаешь, вовсе не обязательно разговаривать со мной, как с душевнобольным. Я еще пока в своем уме и на людей не бросаюсь.

– Я знаю, знаю, – испуганно пролепетала Люси. – Я знаю, что с тобой все в порядке.

– Извини, – спохватился он.

Люси бросила на него сочувственный взгляд.

– Думаю завтра немного потренироваться, – добавил Джеймс.

– Отлично, – ответила она. Потом смолкла с таким видом, словно не знала, стоит ли продолжать.

– Люси, – с тяжелым вздохом произнес Джеймс. – Это же я, твой брат. Просто скажи, что у тебя на уме.

– Ну... э-э... дело в том, что... ты не против, если мы с Корделией тоже поучаствуем?

– Нисколько, – ответил он. – Приходите. Это будет... я буду очень рад.

Люси улыбнулась, Джеймс улыбнулся ей в ответ, и тогда у него появилась надежда на то, что все наладится – не сегодня и не завтра, но когда-нибудь, скоро.

И на следующий день он явился в зал для тренировок, где его ждали Люси и Корделия. Корделия взяла с собой знаменитый меч Карстеров, Кортану, который Джеймс давно мечтал рассмотреть вблизи. Однако ему не представилось такой возможности, потому что через десять минут после начала поединка он рухнул на пол, корчась от неожиданного приступа невыносимой боли.

Девочки завизжали и бросились к Джеймсу. Он свалился, словно марионетка с обрезанными ниточками, и лишь годы тренировок помогли ему не упасть на собственный клинок. Не соображая, где он находится и что произошло, Джеймс лежал и смотрел в потолок.

Взгляд Люси, которая прикоснулась к его лбу, отнюдь не успокоил его.

– Во имя Ангела, – ахнула она, – ты весь горишь.

Корделия побежала к дверям, в тревоге восклицая: «Маман!» Фигура ее задрожала и расплылась, и Джеймс закрыл глаза.

Жгучая лихорадка, объявили Сона и Элиас. Они уже видели такое прежде. Этой болезнью страдали только Сумеречные охотники, но большинство подхватывали ее в младенческом возрасте, когда она переносилась очень легко. Переболев лихорадкой, Охотник приобретал к ней иммунитет на всю оставшуюся жизнь. Не успел Джеймс сесть на полу, как Сона ворвалась в зал для тренировок, подобрав тяжелые юбки, и принялась командным голосом раздавать указания. Слуги перенесли больного в спальню, Люси выгнали в ее комнаты, а Уиллу с Тессой и Безмолвным Братьям были отправлены соответствующие сообщения.

Джеймс метался в горячке на своей постели и смотрел, как за окном сгущаются сумерки. Когда наступила ночь, он затрясся всем телом от холода. Несчастный укутался во все одеяла, какие смог найти в спальне, но по-прежнему дрожал, словно осиновый лист. Он ждал прихода Безмолвных Братьев – он знал, что до того, как они его осмотрят, никому нельзя было входить в комнату.

Когда наступила ночь, в Сайренворт, к немалому разочарованию Джеймса, прибыл не дядя Джем, а Брат Енох. *«Да, это почти наверняка жгучая лихорадка, – подтвердил он. – Всем, кто не болел ею прежде, необходимо покинуть дом. Я сообщу хозяевам».*

Люси еще не болела жгучей лихорадкой, а насчет остальных Джеймс не знал. Он довольно долго ждал возвращения Еноха, но, должно быть, уснул, потому что, открыв глаза, увидел полосы солнечного света на обоях. За дверью послышались чьи-то шаги, и на пороге появилась Корделия.

Джеймс редко видел Корделию без Люси. Не в таком виде хотел бы он предстать перед ней в одно из редких мгновений, когда вокруг них не было других людей. Он лежал под грудой одеял, беспокойно ворочаясь с боку на бок, будучи не в состоянии найти удобное положение. Лицо горело, взмокшая от пота рубаша прилипла к телу.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но разразился хриплым, болезненным кашлем.

– Воды?

Корделия поспешила налить воды из графина, стоявшего на ночном столике, и подала больному, но он не смог удержать стакан в ослабевших пальцах. Тогда она просунула под

голову Джеймсу руку – такую приятную, теплую на ощупь, – приподняла ее и поднесла питье к его губам.

Неловко отхлебнув несколько глотков, он упал обратно на подушки и закрыл глаза.

– Только скажи мне, что ты уже перенесла жгучую лихорадку.

– Конечно. И моя матушка тоже, – ответила Корделия. – А простые слуги невосприимчивы к этой болезни. Все остальные уехали. Тебе нужно попить еще воды.

– Это такое лекарство?

– Нет, – улыбнулась Корделия. – Лекарство – это какой-то грязно-серый настой, приготовленный Братом Енохом, и я советую тебе зажать нос, когда попытаешься его проглотить. Это снимет жар, но, насколько я понимаю, от лихорадки тебя не избавит. Эту болезнь лечит лишь время. Я принесла кое-какие книги, – добавила она. – Они лежат вон там, на комод. Я... я могу почитать тебе, если хочешь.

Джеймс поморщился от слишком яркого света, но заставил себя посмотреть на Корделию. Лицо ее обрамляли выбивавшиеся из прически медно-рыжие локоны. Они напомнили Джеймсу завитушки-эфы, вырезанные на деке прекрасной скрипки его дяди Джема.

Он с трудом перевел взгляд на комод: действительно, там возвышалась на удивление высокая стопка книг, которых в комнате не было прежде. Девушка с извиняющимся видом улыбнулась.

– Я точно не знаю, что тебе нравится, поэтому натащила книг со всего дома. Есть «Повесть о двух городах»; правда, второй части не хватает, так что, наверное, получится повесть только об одном городе. И еще сборник стихотворений лорда Байрона, немного погрызенный по краям – скорее всего, мыши постарались. Думаю, от прежних хозяев остался. Остальное – персидская литература. Здесь не нашлось даже книг Сумеречных охотников. Кроме одной, о демонах. Она, по-моему, так и называется – «Демоны, демоны, демоны».

Обессиленный Джеймс опустил веки, но сумел выдавить улыбку.

– Эту книгу я читал, – прошептал он. – Мой отец ее просто обожает. У вас, наверное, не найдется последнего, улучшенного и дополненного издания, которое тоже называется «Демоны» – но четыре раза.

– Как всегда, по сравнению с библиотекой Лондонского Института наше собрание книг выглядит весьма бледно, – засмеялась Корделия. В этот момент в комнату вошла Сона и, увидев дочь, в изумлении замерла на пороге.

– Корделия, – воскликнула она с негодованием, которое, как надеялся Джеймс, было шутливым. – Что с тобой? Одна в спальне молодого человека?

– Mâmân, он даже сесть не может, а я прекрасно обученный воин, вооруженный легендарным мечом.

– Гм-м, – пробормотала Сона и жестом велела дочери выйти. Затем объяснила Джеймсу, что принесла собственные лекарства, привезенные с родины – мази и припарки, изготовленные из ладана и других благовоний, календулы и растения хаома¹¹.

– Я согласен, – сказал Джеймс. – А можно, Корделия потом вернется и почитает мне? Если захочет.

– Гм-м, – повторила Сона, накладывая больному на лоб компресс.

Ближе к вечеру Корделия вернулась и читала Джеймсу вслух. Она пришла и на следующий день, и на третий, и на четвертый. Лихорадка терзала его тело и мозг, и он не в состоянии был следить за течением времени. Иногда за окном было темно, иногда – светло. Когда он не спал, то ел, сколько мог, понемногу пил воду, а потом заставлял себя глотать отвари-

¹¹ Хаома – эфедра (хвойник), растение, содержащее алкалоид эфедрин; в зороастризме – обожествленное растение и ритуальный напиток, изготавливаемый из него.

тельное зелье Еноха. Время от времени лихорадка ненадолго отпускала его. Джеймсу становилось жарко под толщей одеял, и он понимал, что пижама его насквозь пропитана потом. Потом мучения возобновлялись: ему казалось, что он лежит на снегу, на холодном ветру, и никакое количество одеял и тряпья, никакой, даже самый жаркий огонь в камине не сможет его согреть. И все это время Корделия была рядом с ним; она вполголоса читала ему, иногда вытирала пот, градом катившийся у него по лбу и вискам, и наполняла водой стакан, стоявший на ночном столике.

Она читала ему поэмы Низами, чаще всего – историю Лейли и Меджнуна, которую, судя по всему, любила больше всех и с детства знала чуть ли не наизусть. Щеки ее розовели, когда она читала романтические фрагменты. Бедный юноша влюбляется в прекрасную Лейли с первого взгляда, сходит с ума среди пустыни, навеки утратив возлюбленную.

«...с любовью нарекли
ее лучистым именем Лейли.
Кейс увидал и понял, что влюблен,
и был в ответ любовью награжден.
Мгновенным чувством он охвачен был,
и путь любви им предназначен был...
Друзья вникали в трудный смысл наук,
не размыкали любящие рук»¹².

Корделия взглянула на Джеймса и быстро отвела взгляд. Джеймс вздрогнул. Неужели он сейчас так пристально смотрел на девушку, что смутил ее? Он толком не соображал, что делает и как себя ведет.

«Мгновенный взгляд, скользящий взгляд ее
был, как стрелы разящей острие.
Газель с невинной робостью в глазах
властителей земли ввергала в прах,
арабская луна красой лица
аджамских тюрков ранила сердца».

– Лейли, – пробормотал он, но ему показалось, что Корделия его не расслышала. Веки его опустились.

Джеймс помнил только один раз, когда провалился в царство теней. Он бодрствовал, но у него начался очередной приступ: он дрожал всем телом, взмокшие волосы прилипли ко лбу, по спине струился холодный пот, взгляд метался из стороны в сторону. Вдруг он увидел ужас на лице Корделии, и в этот момент все произошло. Она вскочила на ноги, и он подумал: «Она собирается бежать за помощью; она испугалась, испугалась меня».

Он протянул к ней руку; пальцы, превратившиеся в тень, коснулись ее ладони, тьма окутала живую плоть. Он подумал: а что она чувствует? Он напрягся всем телом, словно лошадь, испуганная раскатами грома. В комнате пахло так, как пахнет в лесу после грозы, и еще почему-то пахло паленым.

– Джеймс, ты должен держаться. Должен, и все. Не уходи, – просила Корделия. – Останься со мной.

¹² Низами Гянджеви, «Лейли и Меджнун». Здесь и далее пер. Т. Стрешневой.

– Так холодно, – едва выговорил он, стуча зубами, – я никак не могу согреться. Я никогда не смогу согреться.

В иной ситуации он крепко зажмурил бы глаза, постарался бы овладеть собой и утихомирить эту дрожь. Но сейчас, превратившись в тень, он чувствовал, что глаза его, несмотря на все усилия, оставались широко открытыми, их невозможно было закрыть. Он видел, что Корделия озирается по сторонам, ищет что-нибудь такое, что могло бы ему помочь. В камине ревели пламя, Джеймс был накрыт толстыми одеялами, в ногах лежала грелка. Но он знал, что все бесполезно. Тело несчастного, лежавшего в душной, жарко натопленной комнате, терзал пронизывающий зимний ветер.

Корделия издала раздраженное восклицание, затем нахмурилась, и на лице ее появилось решительное выражение. В мозгу Джеймса, в той его части, которая была укрыта от бесконечного ревающего ветра, пронеслась мысль о том, что она прекрасна. В обычном состоянии он не стал бы задерживаться на этой невольной мысли, отогнал бы ее, подавил, но сейчас ему было не до угрызений совести.

И вдруг Корделия осторожно опустилась на постель рядом с ним. Джеймс был укрыт целой горой одеял, и она, разумеется, легла поверх них. Но он почувствовал, что ее присутствие постепенно отгоняет холод. Мучительная боль от ударов сотен гигантских остроконечных градин, хлеставших его, отступила, и Джеймс ощутил совсем рядом с собой тепло тела юной девушки, здорового и прекрасного. Несмотря на то, что их разделяли пуховые одеяла, Джеймс чувствовал, что она прижалась к нему, чувствовал, как она устраивается удобнее, чтобы не свалиться на пол, как ее бедро прижимается к его боку. Он вытянулся на спине, уставившись в потолок, а она лежала на боку, но лицо ее было совсем близко. От ее волос исходил аромат жасмина и сладкого древесного дыма. Она положила руку ему на грудь и прижалась к нему так тесно, как только могла.

Джеймс повернул голову, чтобы посмотреть на нее, хотя это потребовало от него невероятного усилия. Глаза Корделии, сверкающие, бездонные, были открыты. Взгляды их встретились. Дыхание ее было совершенно ровным.

«От всех скрывал он тайну в глубине,
что делать с сердцем, если грудь в огне?»

Он содрогнулся всем телом и почувствовал, что возвращается в этот мир, что тело снова повинуетя ему. Корделия не сводила с него пристального взгляда, но разжала челюсти – все это время она лежала, прикусив губу – и он почувствовал, как она расслабилась.

Джеймсу по-прежнему было холодно, но уже совсем не так, как прежде. Корделия подняла руку и убрала прядь волос, упавшую ему на глаза. Он снова вздрогнул, но вовсе не от холода, и зажмурился. На него навалилась бесконечная усталость. Когда он проснулся, уже наступило утро, и Корделии рядом не было.

Только через пару дней кризис миновал, и болезнь понемногу начала отпускать Джеймса. И прошел еще день, прежде чем Брат Енох объявил, что он больше не заразен, и разрешил его родителям и Люси приехать. Вскоре он уже мог вставать с постели. Через несколько дней ему предстояло покинуть Сайренворт и отправиться в Идрис, в свой знакомый, уютный дом. Отец сообщил, что погода там стоит отличная.

Когда Джеймс начал выходить из своей комнаты, они с Корделией общались по-прежнему как добрые друзья. Ни он, ни она не упоминали о тех днях, что девушка провела у его постели. Без сомнения, думал Джеймс, Корделия заботилась о нем просто потому, что была доброй и великодушной – она проявляла эти качества по отношению ко всем своим друзьям, родственникам и хорошим знакомым. Прощаясь, они не стали обниматься. Люси прицепилась к подруге буквально как банный лист, несмотря на заверения Корделии в том, что она и ее

семья совсем скоро, этим же летом, приедут погостить в Эрондейл-Мэнор. Остановившись на пороге Портала, Джеймс помахал Корделии, и она дружески помахала ему в ответ.

И еще несколько недель Джеймс по ночам вспоминал аромат жасмина и древесного дыма, тепло ее руки, лежавшей у него на груди, пристальный взгляд бездонных темных глаз.

«И он к ее шатру тайком спешит,
ночь оглашая пением касыд¹³,
чтобы замкнутую дверь облобызать
и до рассвета воротиться вспять.
Туда стремясь, как ветер буревой,
путем обратным брел едва живой.
Туда летел, как будто стал крылат,
обратно по колючкам шел назад».

¹³ Касыда – жанр ближневосточной лирики.

4. Ядовитые призраки

*Когда же, лунных снов полна,
Чета влюбленных шла, нежна,
«О, я от призраков – больна!»
Печалилась Шалот.*

Альфред Теннисон, «Волшебница Шалот»¹⁴

На следующий день после бала в Лондоне стояла теплая, ясная погода. Риджентс-парк от Йоркских ворот до зеленой лужайки, которая заканчивалась у самого озера, буквально сиял в лучах полуденного солнца. Когда Корделия и Алистер прибыли на место, восточный берег уже был почти целиком занят молодыми Сумеречными охотниками. На траве расстелили узорчатые хлопчатобумажные одеяла нежно-розового и небесно-голубого цвета; небольшие группы девушек и юношей возились вокруг корзин для пикника; пары стояли на берегу, любуясь сверкающими водами озера.

Человек десять Охотников, из числа самых младших, плавали на хрупких лодочках с белыми парусами, отчего казалось, будто на озеро слетелась целая стая лебедей. Девушки постарше были одеты в светлые дневные платья или юбки и блузки с высоким воротом, молодые люди – в трикотажные джемпера и брюки гольф. Некоторые надели костюмы для гребли, принятые у простых людей – белые льняные пиджаки и брюки. Корделию это сильно удивило, потому что среди Сумеречных охотников белый традиционно считался цветом траура, и его старались избегать.

«Какой скандал!» – подумала Корделия, когда они с братом приближались к месту проведения пикника. Но на самом деле и наряды присутствующих, и вся эта прогулка весьма интересовали девушку и уже заранее нравились ей. Сегодня все было совершенно не так, как вчера вечером: на балу собрались все члены Анклава, от самых младших до самых старших, а на пикнике ей предстояло общаться исключительно с ровесниками. Возможно, они сами ничем не могли помочь ее отцу, однако у всех имелись родители, и у некоторых – весьма влиятельные. У многих были старшие братья или сестры. Да, бал прошел не совсем так, как воображала себе Корделия, но сегодня она была твердо намерена добиться своего.

Она узнала Розамунду Уэнтворт и еще нескольких девушек, присутствовавших на вечере – они были поглощены беседой. И снова Корделия задалась тем же мучительным вопросом, который возник у нее на балу, но на который она пока не знала ответа. Как ей проникнуть в эту замкнутую группу? Как понравиться малознакомым людям, приобрести их благосклонность, доверие, дружбу?

Все утро она провела на кухне с Райзой и кухаркой Лайтвудов, помогая готовить закуски; результатом ее хлопот явилась самая вместительная и впечатляющая разнообразием корзина для пикника из всех, виденных местными жителями. По крайней мере, так считала Корделия. Она расправила свернутое одеяло, которое несла в руке, и намеренно расстелила его как можно ближе к озеру, в том месте, где заканчивалась трава и начиналась полоса песка с мелкими камешками.

Она решила, что таким образом окажется на виду у всех, уселась на одеяло и жестом велела Алистеру присоединиться к ней. Под пристальным взглядом Корделии Алистер поставил тяжеленную корзину на одеяло; при этом он едва не опрокинул все продукты и, вполголоса бормоча ругательства, шлепнулся рядом с сестрой.

¹⁴ Пер. К. Д. Бальмонта.

На нем был серый льняной пиджак в мелкую полоску, оттенявший смуглую кожу. Взгляд темных глаз безостановочно шарил по толпе.

– Напомни-ка мне, – процедил он, – зачем мы согласились участвовать в этом балагане.

– Мы не можем остаток жизни просидеть, запершись в доме, Алистер. Мы обязаны завести здесь друзей, – объяснила Корделия. – Вспомни, ведь наша задача состоит в том, чтобы снискать расположение лондонского общества.

Молодой человек скорчил недовольную гримасу, глядя на сестру, которая принялась распаковывать корзину со съестными припасами. В центре одеяла Корделия поставила вазу со свежими цветами, а вокруг разложила угощение: холодного цыпленка, пироги с дичью, фрукты, масло в горшочке, три банки с разными видами мармелада, белый и черный хлеб, консервированных крабов и лосося под майонезом.

Алистер при виде этого изобилия насмешливо приподнял брови.

– Многие люди любят поесть на природе, – невозмутимо произнесла Корделия.

Алистер, казалось, собрался что-то возразить, но внезапно глаза его загорелись, и он проворно вскочил на ноги.

– Вижу ребят из Академии, – воскликнул он. – Вон там, у воды, Пирс и Тоби. Только сбегая снискать их расположение, ладно?

– Алистер, – запротестовала Корделия, но он уже исчез, оставив ее в одиночестве на клетчатом одеяле для пикника. Девушка гордо вздернула подбородок и продолжала расставлять вазочки и блюда: клубнику, сливки, пирожки с лимоном, имбирное пиво. Как ей хотелось, чтобы рядом была Люси, но подруга опаздывала, и Корделии волей-неволей пришлось терпеть неловкую ситуацию.

«Ты Сумеречный охотник, – напомнила она себе. – Ты производишь из древнего и знаменитого рода персидских Сумеречных охотников. Семья Джаханнах сражалась с демонами дольше, чем в состоянии представить себе вздорные девчонки вроде Розамунды Уэнтворт». Сона утверждала, что в ее жилах течет кровь легендарного героя Рустама. Разумеется, Корделия была в состоянии пережить какой-то жалкий пикник.

– Корделия Карстерс? – Подняв голову, Корделия увидела, что рядом стоит Анна, как всегда элегантная в светлой льняной рубашке и брюках цвета буйволовой кожи. – Вы позволите к вам присоединиться?

– Разумеется! – в восторге воскликнула Корделия и подвинулась. Она знала, что Анна является предметом восхищения лондонского общества, что о ней ходят легенды: эта молодая женщина делала то, что хотела, одевалась, как хотела, жила, где хотела. Одежда ее была не менее живописной, чем истории, которые о ней рассказывали. Корделия знала: если Анна решила провести время в ее обществе, остальные перестанут смотреть на нее как на скучную провинциальную девицу.

Анна грациозно опустилась на колени, заглянула в корзину и извлекла оттуда бутылочку имбирного пива.

– Насколько я помню, – сказала она, – нас официально не представили друг другу. Но после драматических событий вчерашнего вечера мне уже кажется, что я вас хорошо знаю.

– А я столько слышала о вас от Люси в течение последних нескольких лет, что мне кажется, будто я хорошо знаю вас.

– Вижу, вы со всех сторон огородились съестным, словно крепостными стенами, – усмехнулась Анна. – Мудрое решение. Мне самой каждое великосветское сборище представляется скорее не развлечением, а очередной битвой. И я всегда облачаюсь в доспехи. – Она скрестила вытянутые ноги, демонстрируя во всей красе свои высокие сапоги.

– А я всегда беру с собой меч. – И Корделия похлопала по рукояти Кортаны, наполовину скрытой складками шерстяного одеяла.

– Ах, знаменитая Кортана. – Глаза Анны блеснули. – Меч, на котором нет ни единой руны, но который, как говорят, убивает демонов. Это правда?

Корделия гордо кивнула.

– Мой отец убил этим мечом Верховного Демона Янлуо. Говорят, что лезвие Кортаны может разрубить любой материал, все, что угодно.

– Полезное свойство. – Анна осторожно прикоснулась к эфесу и убрала руку. – Как вам понравился Лондон?

– Хотите услышать откровенный ответ? Он произвел на меня просто ошеломляющее впечатление. Большую часть жизни я провела в путешествиях, а в Лондоне знаю только Джеймса и Люси.

Анна улыбнулась загадочной улыбкой сфинкса.

– Но вы принесли с собой такое количество еды, которого хватит на целую армию. – Она наклонила голову набок. – Мне бы хотелось, чтобы вы как-нибудь заглянули на чашку чая ко мне домой, Корделия Карстерс. Нам нужно обсудить кое-какие вопросы.

Потрясенная Корделия молчала. Что, во имя всего святого, могла блестящая и загадочная Анна Лайтвуд обсуждать с ней, никому не известной девушкой? У нее промелькнула мысль о том, что речь пойдет об ее отце, но, прежде чем она успела задать вопрос, Анна радостно улыбнулась и замахала каким-то молодым людям.

Корделия узнала Кристофера, брата Анны, и ее кузена Томаса Лайтвуда, которые приближались к ним по полосе песка, тянувшегося вдоль берега озера. Томас казался настоящим великаном рядом с другом; тот что-то оживленно рассказывал, и солнце отражалось в стеклах его очков.

Улыбка Анны показалась Корделии слегка насмешливой и даже снисходительной.

– Кристофер! Томас! Идите сюда!

Когда юноши приблизились, Корделия постаралась придать лицу любезное и гостеприимное выражение.

– Прошу, присоединяйтесь к нам, – дружелюбно заговорила она. – У меня есть пирожки с лимоном, есть имбирное пиво, если хотите.

Друзья переглянулись и в следующую секунду уже расположились на одеяле, причем Кристофер едва не опрокинул пресловутую корзину. Томас двигался более осторожно, медленно устраивал на земле свои длинные конечности, словно боялся что-нибудь пролить или рассыпать. Он не показался ей настолько красивым, как Джеймс, но Корделия решила, что немало девушек сочли бы за счастье обзавестись таким ухажером. Что до Кристофера, то вблизи сходство с Анной оказалось просто поразительным – у них были одинаковые черты лица, скулы, подбородки.

– Теперь я понимаю, почему вы, дамы, позвали нас на помощь, – заметил Томас, и его карие глаза сверкнули, когда он окинул взглядом «натюрморт». – Я бы очень удивился, если бы вы вдвоем сумели все это поглотить. Благоразумнее пригласить подкрепление.

Кристофер схватил маленький пирожок с лимоном.

– Когда-то Томас мог всего за час в одиночку опустошить нашу кладовую – и я с трепетом вспоминаю его соревнования с Люси на предмет того, кто больше съест.

– Кажется, я что-то такое слышала, – отозвалась Корделия.

«Томас обожает имбирное пиво, – однажды сообщила ей Люси, – а Кристофер спит и видит тартинки и пирожки с лимоном».

Она постаралась скрыть улыбку.

– Я помню, что мы уже с вами встречались, но надеюсь, что теперь, когда моя семья переехала в Лондон, мы станем друзьями.

– Я в этом совершенно уверен, – заявил Кристофер, – особенно если в ближайшем будущем к нам поступит новая партия лимонных пирожков.

– Сомневаюсь, что мисс Корделия постоянно таскает с собой запасы пирожков, Кит, – усмехнулся Томас, – как ты это себе представляешь: может быть, они хранятся в шляпке или в карманах?

– Я ношу их на поясе вместо ангельских клинков, – сказала Корделия, и парни рассмеялись.

– Как поживает Барбара, Томас? – обратилась к кузену Анна, выбирая яблоко. – Ей стало лучше после вчерашнего обморока?

– На мой взгляд, она вполне оправилась, – хмыкнул Томас и махнул куда-то в сторону. Барбара прогуливалась у озера в сопровождении Оливера. В руках она вертела ярко-голубой зонтик и весело болтала со своим спутником. Томас вонзил зубы в мясной пирог.

– Будь ты любящим братом, ты сейчас не отходил бы от нее ни на шаг, – фыркнула Анна. – Лышу себя надеждой на то, что если я когда-нибудь упаду в обморок, Кристофер будет двое суток безутешно рыдать и даже смотреть не сможет на пироги с мясом.

– Барбаре мое присутствие сейчас вовсе ни к чему, – невозмутимо отвечал Томас. – Она надеется, что Оливер со дня на день сделает ей предложение.

– Вот как? – насмешливо произнесла Анна и приподняла брови.

– Алистер! – крикнула Корделия. – Иди сюда, съешь что-нибудь, а то скоро ничего не останется!

Но брат – который, как отметила Корделия, уже не болтал с мальчишками из Академии, а стоял в одиночестве у воды – лишь бросил на нее красноречивый взгляд. Этим взглядом Алистер хотел дать понять, что сестра и ее корзина ему смертельно надоели.

– Ах, – произнес Томас, не слишком успешно изображая небрежный тон, – Алистер тоже здесь.

– Да, – ответила Корделия. – Сейчас он у нас глава семьи, поскольку отец находится в Идрисе.

Кристофер извлек из кармана небольшую черную записную книжку и принялся что-то царапать в ней. Анна пристально смотрела в сторону озера – там, на берегу, помимо Барбары и Оливера, прогуливались несколько молодых леди, в том числе Розамунда, Ариадна и Кэтрин.

– Сочувствую ему, – с легкомысленной улыбкой произнес Томас. – Моего отца тоже часто вызывают в Идрис, к Консулу...

«Я знаю», – подумала Корделия, но прежде чем она успела задать вопрос, неподалеку раздался голос Люси, которая звала подругу по имени. Корделия подняла голову и увидела, что ее будущая *парабат* спешит к ним; в одной руке Люси несла корзину, второй придерживала соломенную шляпку. За ней следовал Джеймс, сунув руки в карманы полосатых брюк. Шляпы на нем не было, и ветер играл его волосами.

– О, как это замечательно! – воскликнула Люси при виде горы продуктов, принесенных Корделией. – Мы можем объединить нашу провизию. Давай посмотрим, что у тебя есть.

Анна и Кристофер подвинулись, и Люси, опустившись на одеяло, принялась распаковывать свою корзину; на свет появился сыр и тартинки с джемом, сэндвичи и лимонад. Джеймс, усевшийся рядом с Кристофером, время от времени лениво заглядывал в его записную книжку. Он что-то произнес вполголоса, и друзья рассмеялись.

У Корделии даже перехватило дыхание от негодования. Она не разговаривала с Джеймсом с того момента, когда они расстались вчера во время танца, если не считать просьбы найти стило во внутреннем кармане его жилета. Она вспомнила, как он стоял перед нею, стиснув руки в кулаки. Сейчас он показался ей совершенно другим.

– А чем все закончилось вчера? – обратилась она к Люси. – Я имею в виду, это происшествие с демонами на площади Семи Циферблатов.

Джеймс бросил на нее быстрый взгляд. Он беззаботно улыбался – слишком уж беззаботно, подумала Корделия. Словно актер на сцене, которому велели изображать человека, наслаждающегося жизнью.

– Вся Монмут-стрит была забита демонами-шакс. Им пришлось вызвать Рагнора Фелла, чтобы он наложил чары на окрестности, иначе простые сразу увидели бы, что там творится.

Томас нахмурился.

– Очень странно, – заметил он, – несколько лет подряд все было спокойно, и вот на днях нам попадается этот слюнявый демон, а вчера ночью...

– Вы столкнулись с демоном? – воскликнула Люси. – Когда?

– Э-э, – протянул Томас, стараясь не смотреть на девушку. – Я немного перепутал. Я имел в виду вовсе не демона. Я хотел сказать, что случайно наткнулся на учебник по демонологии.

– Томас, – строго сказала Люси. – Ты совершенно не умеешь врать. Я хочу знать, что произошло.

– Ты всегда можешь вытянуть правду из Мэтью, – вмешался Джеймс. – Ты можешь заставить его сделать все, что угодно, и тебе это известно, Люс. – Он оглянулся на озеро. – Кстати, а где Мэтью? Разве он не собирался прийти?

Затем он повернулся к Корделии, взгляды их случайно встретились, и девушка ощутила внезапный приступ гнева. Все это время она молчала – да, ей удалось заманить всех этих людей на свое Одеяло Махинаций, но она понятия не имела, как завести речь о деле своего отца. Однако слова Джеймса заставили Корделию вспомнить вчерашний бал, и унижительная сцена снова живо представилась ее воображению. Он спрашивал *ее*, придет ли Мэтью, потому что вчера она танцевала с Мэтью. А танцевала она с этим человеком потому, что Джеймс нагло бросил ее, и его другу ничего не оставалось, как вмешаться.

Корделия поднялась на ноги, едва не опрокинув бутылку имбирного пива, набрала воздуха в легкие, пригладила свою юбку из голубой саржи и произнесла:

– Джеймс, мне хотелось бы поговорить с тобой наедине пару минут, если ты не против.

На лицах присутствующих, включая Люси, отразилось изумление, но Джеймс лишь кивнул.

– Пойдем, – сказал он.

У озера располагалась небольшая беседка с белыми колоннами, стилизованная под древнеримские руины. Корделия молча прошествовала мимо Сумеречных охотников, миновала дюжину гуляющих из числа простых людей, и только когда она и ее спутник поднялись по ступеням в беседку и остались вдвоем, она развернулась к нему лицом.

– Вчера вечером, – заговорила она, – ты повел себя со мной безобразно и грубо. Я требую извинений.

Стоя на нижней ступеньке, он поднял взгляд на девушку. Значит, вот каково это, быть выше Джеймса ростом, промелькнуло у нее в голове, но она тут же забыла об этом. На лице его застыло безмятежное, непроницаемое выражение. Оно не показалось Корделии враждебным, но она поняла, что он полностью ушел в себя и не позволит ей заглянуть в свои мысли. Такое лицо она уже видела у Джеймса прежде и про себя всегда называла его «Маской».

Она приподняла бровь.

– Ты не собираешься извиняться?

Может быть, это и плохо, то, что она стоит на несколько ступеней выше него, подумала девушка. Он вынужден был смотреть на нее снизу вверх, но она не видела его глаз из-за густых пушистых ресниц, напомнивших ей шелковую бахрому на шарфе.

– Я не знаю, какими словами просить у тебя прощения. То, что я сделал – оставил тебя посередине танца, – это было непростительно. Как мне хотелось бы найти причину, которая побудила бы тебя извинить меня. Затаив на меня обиду, ты разобьешь мне сердце.

Корделия откашлялась.

– Неплохо для начала.

Джеймс улыбнулся – едва заметно, но это была настоящая улыбка, видимая сквозь Маску.

– Ты всегда была добра и великодушна ко мне, Маргаритка.

Она грозно направила на него указательный палец.

– Не вздумай больше называть меня Маргариткой, – воскликнула она. – Ты хотя бы на минуту можешь представить себе, что чувствует девушка, оказавшись в подобной ситуации? Девушка не имеет права пригласить джентльмена на танец; она зависит от милости представителей противоположного пола. Она даже не может отказаться, если мужчина приглашает ее. Если кавалер бросает девушку и уходит от нее прямо во время танца, это унизительно. А если на девушке вдобавок ужасное платье, которое ей совершенно не идет, это унизительно вдвойне. Сейчас все наверняка обсуждают меня и задаются вопросом, что же со мной не так, что во мне такого отталкивающего.

– Что в тебе отталкивающего? – повторил он. – В тебе нет ничего отталкивающего. Все, что ты сказала, абсолютно верно, и я был глупцом, потому что не подумал об этом прежде. Сейчас я могу лишь поклясться тебе в том, что в будущем у тебя не будет недостатка в кавалерах, ты никогда не будешь обделена вниманием, на любом балу кто-нибудь обязательно пригласит тебя танцевать. Возможно, сейчас тебе так не кажется, но ты еще плохо знаешь Томаса, Кристофера и Мэтью – они пользуются большой популярностью в Лондоне. Мы сделаем из тебя знаменитость.

– Правда? – переспросила она. – Томас, Кристофер и Мэтью *пользуются популярностью*?

Джеймс рассмеялся.

– Именно, и я могу пообещать тебе еще кое-что. Если я снова обижу тебя, клянусь, на следующий бал или вечер я надену ужасное платье, которое мне совершенно не идет.

– Очень хорошо. – Она протянула ему руку. – Можно скрепить эту сделку рукопожатием, как принято у настоящих джентльменов.

Джеймс поднялся в беседку и шагнул к Корделии, чтобы пожать ей руку. Его теплые пальцы коснулись ее запястья. Он едва заметно улыбался, и губы его казались ей такими мягкими, нежными. Он пристально смотрел ей в лицо, словно искал что-то; и она задала себе вопрос: интересно, что бы это могло быть?

– Джеймс, – заговорила она.

– Да?

– Я думаю, можно обойтись без ужасного платья, – прошептала девушка, – но у меня к тебе есть одна просьба.

– Все, что угодно. – Он не отпускал ее руку.

– Ты не мог бы назвать мне подходящих женихов из числа молодых людей Анклава, – попросила она. – На случай, если мне вдруг понадобится... выйти замуж. Расскажи, у кого из них добрый нрав, с кем будет не слишком противно провести остаток жизни.

Джеймса, судя по его реакции, потрясли эти слова.

– Но ты не можешь выйти замуж...

– А почему нет? – Корделия отняла у него руку. – Ты считаешь, что брак со мной – это мезальянс, или что?

В этот момент у него сделалось какое-то странное лицо; Корделия сначала не поняла, в чем дело, но затем оглянулась и увидела, что к беседке с другой стороны подъехала коляска.

Дверцы экипажа были украшены четырьмя буквами, символизовавшими правительство Сумеречных охотников: это были начальные буквы слов «Конклав», «Совет», «Договор» и «Консул». На козлах сидел Мэтью, сжимая в руках поводья, и легкий ветерок развеивал его золотистые кудри.

В коляске брат Мэтью, Чарльз, что-то со смехом рассказывал своей спутнице – девушке в соломенной шляпе и голубом платье, отделанном кружевами «клюдни» такого же цвета. Это была Грейс.

Корделия оглянулась на Джеймса и заметила, что в глазах его на миг вспыхнул какой-то странный огонек – темный и грозный. Он пристально наблюдал за тем, как Чарльз помогает Грейс выйти из экипажа. Мэтью бросил поводья, слез со своей скамьи и подошел к брату и девушке.

– Между тобой и Грейс Блэкторн что-то есть? – очень тихо спросила Корделия. – Взаимопонимание?

Термин «взаимопонимание» был довольно расплывчатым. Это слово могло означать и тайную помолвку, и всего лишь зарождавшийся романтический интерес друг к другу. В данном случае оно показалось Корделии вполне подходящим.

Непонятные огоньки все еще тлели в глазах Джеймса; радужные оболочки потемнели и теперь напоминали не янтарь, а дымчатое стекло.

– У меня есть несколько близких людей, за которых я готов отдать жизнь, – заговорил он. – Тебе это известно.

Он не стал называть имена, но Корделия прекрасно знала их и без подсказки: Люси, Уилл, Тесса, Кристофер, Мэтью, Томас. Джем Карстерс.

– Грейс – одна из этих людей, – продолжал Джеймс. – Наши дома в Идрисе находятся рядом. Несколько лет я проводил каникулы в ее обществе. Мы любим друг друга, но это тайна. Ни мои родители, ни ее мать не знают о нашей любви. – Он поднял руку, и серебряный браслет блеснул на солнце. – Она подарила мне это, когда нам было по тринадцать лет. Мы поклялись друг другу в верности и вечной любви. – Голос его звучал отстраненно, словно он пересказывал не события собственной жизни, а вычитанную в книге историю. Может быть, он смутился потому, что ему пришлось против воли делиться личными переживаниями?

– Я понимаю, – сказала Корделия и посмотрела на коляску. Ариадна подошла к Чарльзу, и они разговорились; Грейс, отвернувшись, рассматривала итальянскую беседку.

– Я думал, что в этом году мы не поедем в Идрис, – говорил Джеймс. – Я написал об этом Грейс, но мать скрыла от нее письмо. Оба мы довольно долгое время не имели сведений друг о друге. Лишь вчера, на балу, когда она вошла, я узнал, что она в Лондоне.

Корделия почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Она была не в силах пошевелиться. Да, вполне естественно, что он вчера побежал к этой девушке. Он не видел Грейс целый год и, должно быть, сильно тосковал по ней. Корделия всегда знала, что у Джеймса в Лондоне своя жизнь, друзья, о которых ей ничего не известно, но она до сих пор не осознавала, как мало на самом деле знает юношу, в которого влюблена. Сейчас он представлялся ей незнакомцем. Незнакомцем, который любит другую. А она, Корделия – лишняя, посторонняя.

– Я рада, что мы с тобой снова стали друзьями, как прежде, – пробормотала Корделия. – Наверное, сейчас ты хочешь поговорить с Грейс наедине. Дай ей знак, что ты здесь – все заняты разговорами, никто не заметит вашего отсутствия.

Джеймс хотел что-то сказать, но Корделия уже отвернулась и ушла по направлению к озеру и участникам пикника. Она не чувствовала в себе сил выслушивать благодарности за то, что оставила его в покое.

Люси прекрасно понимала, зачем Корделии понадобилось поговорить с Джеймсом; вчера вечером он вел себя возмутительно. Даже если с девушкой тебя связывает всего лишь дружба, нельзя оставлять ее одну во время танца. Помимо всего прочего, подобные происшествия дают всяким розамундам уэнтворт повод для мерзких сплетен. Она сделала себе мысленную заметку: как только они останутся вдвоем, нужно будет обязательно рассказать Корделии о том, что случилось с Евгенией Уэнтворт.

Вообще-то, ей нужно было многое обсудить с Корделией, и желательно наедине. «Вчера вечером я говорила с призраком, невидимым для всех, кроме меня. С призраком юноши, умершего не до конца».

Люси несколько раз порывалась заговорить о Джессе с Джеймсом и с родителями, но всякий раз отказывалась от этой мысли. По какой-то причине, которую она не смогла бы четко сформулировать, эта встреча казалась ей очень личной. Словно секрет, который доверили только ей одной. Джесс вряд ли был виноват в том, что она могла его видеть, и, в конце концов, он действительно спас ей жизнь несколько лет назад, в Лесу Брослин. Она вспомнила, как рассказывала ему о своей мечте стать писательницей. «Звучит замечательно», – произнес он тогда задумчивым тоном. В ту ночь Люси решила, что он завидует ожидавшей ее блестящей карьере. И лишь сегодня ей пришлось в голову, что он, наверное, говорил о взрослении.

– Вижу, Корделия возвращается, – заметила Анна. Она откинулась назад, опершись на локти, и ее темные волосы блестели на солнце. – Но без Джеймса. Интересно.

Анна, подобно Люси, находила интересным поведение людей вообще и каждый человеческий поступок в частности. Иногда Люси думала, что Анне тоже следовало бы стать писательницей. Ее мемуары наверняка вызвали бы ажиотаж и скандал в высшем обществе.

Действительно, Корделия приближалась, осторожно обходя яркие одеяла, расстеленные на траве. Наконец, она опустилась на землю рядом с Люси и принялась обмахиваться шляпой. Люси мысленно отметила, что на подруге снова одно из этих кошмарных бледных платьев. Как жаль, что Сона не позволяет дочери одеваться по своему вкусу, с досадой размышляла Люси.

– Ну что, надеюсь, Джеймс получил по заслугам? – спросила Люси. – Ты сделала ему выговор?

Корделия весело улыбнулась.

– О, могу тебя заверить, мне удалось вывести его из равновесия. Но мы помирились.

– В таком случае, где же он? – поинтересовался Томас. Он закатал рукава рубашки, и Люси заметила на левом предплечье фрагмент рисунка, выполненного цветными чернилами. Для Сумеречных охотников татуировки были чем-то диковинным, поскольку они и без того носили на теле множество рун, но Томас все же сделал татуировку недавно, в Испании. – Неужели ты похоронила его тело где-то в парке?

– Он беседует с Грейс Блэкторн, – сообщила Корделия, извлекая из корзины бутылочку лимонада. Люси резко обернулась к подруге. Она сама лишь вчера поняла, что предметом воздыханий Джеймса была вовсе не Маргаритка, а Грейс. Оставалось лишь надеяться, что она не слишком вскружила голову Корделии своей болтовней в парке по поводу того, что Джеймс в нее влюблен.

Однако, насколько могла судить Люси, Корделия отнеслась к этому происшествию совершенно спокойно и уже забыла о том разговоре в Кенсингтонских садах. Наверное, она просто думает о Джеймсе как о дальнем родственнике. Люси, напротив, испытала некоторое разочарование. Как было бы замечательно, если бы Маргаритка стала ее невесткой – она плохо представляла себе, о чем будет говорить с Грейс. Она не помнила, чтобы эта бледная, как моль, девчонка когда-нибудь смеялась или хотя бы улыбалась, и вряд ли она будет в восторге от песен Уилла о демонической кори.

– Не знал, что она здесь. – И с этими словами Кристофер взял за шестой пирожок с лимоном.

– И тем не менее, так оно и есть, – объявил Мэтью, появляясь из пестрой толпы участников пикника и разноцветных зонтиков. Он грациозно опустился на одеяло рядом с Анной; та бросила на него быстрый взгляд и подмигнула. Мэтью и Анна были особенно близки: у них было много общего, например, любовь к модной одежде, салонам с дурной репутацией, шокирующим предметам искусства и скандальным пьесам. – Насколько я понял, вчера вече-

ром Чарльз пообещал ей, что привезет ее в парк в нашей карете. Пришлось сделать крюк и заехать за ней в Чизвик.

– И как, тебе удалось хоть одним глазом глянуть на Лайтвуд... то есть Чизвик-хаус? – спросил Томас. – Говорят, дом в ужасном состоянии.

Мэтью отрицательно покачал головой.

– Когда мы приехали, Грейс ждала нас у ворот. Кстати, я подумал, что это немного странно.

Чизвик-хаус когда-то принадлежал Бенедикту Лайтвуду и должен был перейти по наследству к его сыновьям, Габриэлю и Гидеону. Но все изменилось после того, как Бенедикт покрыл себя позором, и в конце концов дом, получивший новое имя, был передан Татьяне, несмотря на то, что она вышла замуж за одного из Блэкторнов.

Все знали, что Татьяна забросила особняк – возможно, потому, что после смерти Джесса в живых не осталось ни одного потомка Блэкторнов, которому она могла бы оставить этот дом. Грейс не являлась кровной родственницей Татьяны и была всего лишь приемной дочерью. После смерти Татьяны дом должен был снова перейти в собственность Конклава, который мог бы даже вернуть его Лайтвудам. Но, скорее всего, Татьяна предпочла бы сжечь Чизвик-хаус, чем оставить его семье, которую она так ненавидела.

Джесс говорил, что мать и сестра могут его видеть. Как это, должно быть, странно для всех, для него и для них. Люси вспомнила вчерашний разговор и последнюю фразу Джесса, о том, что в их дом пришла смерть. Однако призрак ошибся, ничего подобного не случилось, подумала девушка. Да, в городе появились демоны, но Охотники без труда справились с ними.

А что, если он вовсе не хотел сказать, что кто-то должен был умереть именно той ночью? А что, если он подразумевал какую-то более грозную опасность, которая грозила им всем?

Люси вздрогнула и резко обернулась к озеру, но на первый взгляд все было спокойно: Чарльз и Ариадна болтали с Барбарой и Оливером, Алистер и Огастес Паунсби бросали в озеро плоские камешки, заставляя их подпрыгивать на воде. Розамунда и Пирс Уэнтворт с самодовольным видом восседали на своем одеяле. Кэтрин Таунсенд с замечательной ловкостью управляла лодочкой.

Люси услышала, как Корделия, сидевшая рядом, обратилась к Мэтью со словами насчет того, что собирается дождь. По небу проплыло несколько темных облаков, которые отбрасывали тени на серебристую поверхность озера. Люси затаила дыхание. Нет, наверняка это лишь ее воображение – отражения облаков не бывают такими большими и темными.

– Корделия, – прошептала она, – ты случайно не прихватила Кортану?

Корделия с озадаченным видом прищурилась.

– Да, разумеется. Она под одеялом.

– Вытаскивай. – Люси поднялась на ноги и краем глаза увидела, что Корделия без дальнейших расспросов вытащила свой сверкающий золотой клинок. Она хотела предупредить остальных об опасности, но в этот момент воды озера расступились, и на поверхности появился первый демон.

– С тобой была Корделия Карстерс, – заговорила Грейс. Она приблизилась к Джеймсу, когда тот помахал ей, но остановилась в нескольких шагах. На лице ее появилось выражение беспокойства и недоумения.

Джеймсу редко доводилось видеть свою возлюбленную при дневном свете, и сейчас она напоминала ему бледный ночной цветок, который вянет под обжигающими лучами полуденного солнца. Широкие поля шляпы отбрасывали тень на ее лицо; в высокой траве Джеймс разглядел ее ботинки из тонкой кожи цвета слоновой кости. Его всегда поражало то, что Татьяна заботилась о внешности Грейс, где-то доставала ей дорогую и модную одежду, а сама одевалась как древняя старуха.

– Да, и что? – ответил Джеймс. Он не подозревал, что Грейс способна ревновать, и сейчас был не совсем уверен в том, что она его ревнует. Он понимал, что она чем-то раздосадована или взволнована, но ее состояние могло быть вызвано многими причинами. – Ты знаешь, что Карстерсы – мои старые друзья. – Он протянул к ней руку, и серебряный браслет на его запястье заблестел. – Грейс. Ты так далека от меня, а мы уже достаточно долго были разлучены.

Девушка сделала шаг ему навстречу и произнесла:

– Помнишь тот день, когда ты рассказал мне все о Корделии? В то лето, когда ты переболел жгучей лихорадкой?

Он покачал головой, не понимая, куда она клонит. Разумеется, Джеймс не забыл ни болезнь, ни голос Корделии, доносившийся до него как будто сквозь вату. Она по своей доброте ухаживала за ним, хотя он и не помнил, чтобы рассказывал об этом Грейс.

– Нет, – сказал он. – Точно не помню, но ведь я всегда рассказывал тебе все о своей жизни, так что не удивлюсь, если речь зашла и о Корделии.

– Не только о том, что она была с тобой рядом во время болезни, – продолжала Грейс. – О ней самой. О Корделии.

– О Корделии? – Он опустил протянутую руку, вспомнив Лес Брослин, свет, который просачивался сквозь зеленые кроны, вспомнил, как они с Грейс сидели на траве и рассказывали друг другу все о себе.

– Не думаю, что я знаю о ней многое, – сказал Джеймс. И вдруг он понял, что так оно и есть на самом деле, и испытал странное чувство, похожее на угрызения совести. Он собрался было передать Грейс их недавний разговор и сообщить, что Корделия подыскивает себе жениха, но по какой-то причине решил промолчать. – Она и ее родичи всегда были людьми скрытными. Люси знает ее гораздо лучше, чем я. Но я действительно припоминаю один случай...

– Что за случай? – Грейс приблизилась к нему почти вплотную. Когда она подняла голову и взглянула ему в глаза, Джеймс почувствовал аромат ее духов: у нее всегда были одни и те же духи, фиалковые. – Что ты помнишь?

– Однажды Люси упала с обрыва, – медленно произнес Джеймс. Как это ни странно, воспоминание оказалось довольно туманным. Он помнил лишь луг, поросший маргаритками – Корделия тогда проявила большую храбрость – именно так она получила свое прозвище. *Маргаритка*. – Во Франции. Корделия была с ней. Люси могла бы сильно пострадать, но Корделия схватила ее за руку и держала так несколько часов, пока мы не нашли их. Я всегда буду ей благодарен за то, что она спасла мою сестру.

Джеймсу показалось, что Грейс вздохнула с облегчением, хотя он даже представить не мог, о чем она думает.

– Извини, я прервала вашу беседу, – сказала она. – Но мы уже так давно не оставались наедине.

И снова странное, непонятное чувство, на сей раз какой-то неловкости, охватило Джеймса.

– Но ты говорила, что хочешь поближе познакомиться с Мэтью, Кристофером и Томасом, – напомнил он. – Давай, я провожу тебя...

Она покачала головой, и он, как это всегда бывало, замер, пораженный ее красотой. Красота эта была холодной и совершенной – нет, напомнил он себе, его возлюбленная не была холодной. Да, она держалась излишне замкнуто; она окружила себя непроницаемой стеной, потому что смерть родителей, причуды и жестокость Татьяны больно ранили ее. Но это было не то же самое, что холодность. На щеках Грейс выступил румянец, и глаза ее сверкнули, словно уголья.

– Я хочу, чтобы ты поцеловал меня, – прошептала она.

Джеймсу и в голову не могло прийти отказаться.

Когда он протянул к ней руки, солнце светило так ярко, что у него даже заболели глаза. Он привлек ее к себе; она была такой маленькой, прохладной и легкой, словно крошечная птичка. Когда она подняла голову, чтобы взглянуть на него, ее шляпа соскользнула на траву. Он слышал, как зашуршало кружево у нее на платье, когда он обнял ее за талию, он ощущал на губах легкое прикосновение ее прохладных губ.

Солнце, словно пылающая игла, пригвоздила их обоих к месту. Грудь ее вздымалась и опускалась, и он чувствовал это; она дрожала, словно от холода. Пальцы ее лежали у него на плечах. На какое-то мгновение юноша забыл обо всем, кроме вкуса ее губ, напомнившего ему вкус пастилы.

Глаза жгло огнем, несмотря на то, что они были закрыты. У Джеймса перехватило дыхание, закружилась голова, ему стало худо, словно он нырнул в соленую воду и слишком поздно решил подниматься на поверхность. Что-то здесь было не так. Его мутило, и он, оторвавшись от Грейс, начал судорожно хватать ртом воздух.

Она прижала руку к губам. На лице ее промелькнуло выражение, которого Джеймс совершенно не ожидал увидеть – выражение неподдельного панического ужаса.

– Грейс... – начал он, но не договорил. Со стороны лужайки для пикника донеслись пронзительные вопли. Это кричал не один человек, как вчера на балу Оливер – Джеймс различил несколько голосов. И все они были полны страха.

Джеймс схватил Грейс за руку и увлек ее в беседку. Она не была воином, ее никогда не учили сражаться. Она смотрела на Джеймса в смятении.

– Оставайся здесь, – приказал он и бросился бежать к озеру.

Корделия не видела, как все началось. К тому моменту, когда она извлекла из ножен Кортану, демон успел выскочить из озера и напасть на Пирса Уэнтворта. Молодой человек с криком боли и рухнул на траву, пиная врага ногами и колотя кулаками.

Сразу же началась невообразимая суматоха. Сумеречные охотники завопили. Некоторые, в том числе Алистер и Розамунда, устремились к Пирсу и попытались оторвать от него чудовищную тварь. Чарльз загородил собой Барбару, которую этот жест, казалось, лишь разозлил, и закричал, приказывая всем отойти подальше от озера. Барбара громко повторяла какие-то слова, нечто вроде: «Что это? Что это?»

Но Корделия могла думать только об одном человеке: об Алистере. Заметив в толпе ярко-желтые волосы брата, она побежала к берегу. Приблизившись, она увидела, что Пирс неподвижно лежит у кромки воды; вода у самого берега была алой, алое пятно расплывалось, становилось все больше. Розамунда с рыданиями склонилась над телом. Демон куда-то исчез, хотя Корделия не видела, чтобы кто-нибудь его убил.

Алистер отступил от раненого, и Ариадна опустилась на колени рядом с несчастным Пирсом. Платье ее было заляпано кровью и песком. Подойдя ближе к брату, Корделия заметила, что его одежда тоже испачкана кровью. У нее перехватило дыхание от страха, и она, растолкав метавшихся по берегу людей, протянула к нему руку.

– Алистер...

На лице его застыло ошеломленное выражение; судя по всему, он пребывал в ступоре после этой невероятной сцены. Голос Корделии привел его в чувство: он схватил ее за свободную руку и потащил на траву, прочь от воды.

– Корделия, назад...

Она в тревоге озиралась по сторонам. Сумеречные охотники суетились и беспорядочно бежали вокруг, переворачивали корзины, наступали на еду.

– Что произошло, Алистер? Что это такое?

Он в недоумении покачал головой.

– Понятия не имею.

Джеймс неся по зеленому склону вниз, к озеру. Небо потемнело, откуда-то появились облака; вдалеке он заметил простых людей, которые спешили к воротам парка, видимо, испугавшись дождя. Вода в озере из серебристой стала серой, и по ней бежали волны, словно от сильного ветра. У воды собралась небольшая кучка людей. На измятых одеялах валялись перевернутые корзины и бутылки, но Сумеречные охотники позабыли о пикнике и схватились за оружие. Джеймс разглядел в этой суматохе Мэтью и Люси: Мэтью подавал Люси тусклый ангельский клинок, один из тех, что он всегда носил на поясе. Ему показалось, что совсем близко к озеру, у самой воды, мелькнула рыжая голова Корделии, но в этот момент он чуть не столкнулся с Барбарой, бежавшей ему навстречу.

В ее широко распахнутых глазах метался ужас; Оливер бежал за ней, пытаясь ее догнать. Но девушка добралась до Джеймса первой.

– Джейми... Джейми... – Она схватила его за рукав. – Это был демон. Я видела, как он напал на Пирса.

– Пирс ранен? – Джеймс вытянул шею, чтобы разглядеть то, что творилось внизу. Он никогда особенно не любил Пирса Уэнтворта, но это вовсе не означало, что он желал ему зла.

– Барбара, – с трудом произнес Оливер. Он задыхался – сказывался недостаток тренировок. – Дорогая моя. Демоны не выносят солнечного света, и ты это прекрасно знаешь.

Но Барбара не обратила внимания на слова жениха.

– Джеймс, – прошептала она, понизив голос. – Я знаю, что иногда ты можешь видеть вещи, недоступные другим. Ты вчера вечером ничего не видел?

Джеймс в изумлении посмотрел на девушку. Откуда она могла узнать, что он на миг провалился в царство теней?

– Барбара, я не понимаю...

– А я видела, – все так же шепотом продолжала она. – Я видела... странные фигуры, лохматые, безобразные черные фигуры. И еще я видела, словно со стороны, как что-то схватило меня за ногу и утащило в преисподнюю.

Джеймс едва слышал ее голос – его оглушил стук собственного сердца.

– А только что я видела еще одно подобное существо – оно прыгнуло на Пирса, а потом исчезло, но я *видела* его, оно там было...

Оливер бросил на Джеймса раздраженный взгляд.

– Барбара, успокойся, не стоит преувеличивать... – начал он, но ему помешало появление Мэтью, который сразу же направился к Джеймсу. Толпа за спиной у Мэтью немного расступилась, и Джеймс увидел Анну, Ариадну и Томаса – молодые люди окружили распростертое на песке тело Пирса. Томас разорвал свой пиджак и прижал кусок ткани к горлу раненого; даже с такого расстояния Джеймс мог разглядеть быстро проступавшие пятна крови.

– Где Чарльз? – воскликнул Джеймс, когда Мэтью подошел. В конце концов, среди собравшихся Чарльз занимал положение, в некотором роде сходное с положением Консула.

– Отправился устанавливать барьеры, чтобы не допустить к озеру простых, – сообщил Мэтью. Поднявшийся ветер гнал по траве листья, которые образовывали небольшие вихри. – Кто-то должен немедленно доставить Пирса в лазарет.

– Он жив? – спросил Джеймс.

– Пока да, но рана выглядит плохо, – ответил Мэтью, повышая голос, чтобы друг мог слышать его сквозь завывание ветра. – Они применили *иратце*, но руны не действуют.

Их пристальные взгляды встретились. Существовало лишь несколько видов ран, которые нельзя было исцелить при помощи специальных рун. И среди них были раны, в которые проник яд демона.

– Я же сказала тебе! – крикнула Барбара. – Демон вонзил свои когти ему в горло...

Она смолкла и уставилась на дальний край лужайки, туда, где деревья росли у самой воды.

Джеймс, проследив за направлением ее взгляда, оцепенел от ужаса. Парк совершенно изменился: зеленые деревья и трава стали серыми, ветер срывал листья с ветвей, ломал их, пригибал к земле; озеро стало черным, паруса лодок как-то странно метались, потом вовсе обвисли. По стальному небу неслись тучи иссиня-черного цвета. Единственным источником света служил какой-то золотой огонек, сиявший в отдалении, но он не покидал толпу Сумеречных охотников, подобно светляку, которого посадили в банку, и Джеймс не мог понять, что это такое.

Ветер все усиливался, ветви деревьев скрипели и стонали. За деревьями прятались тени – лохматые, черные, в точности такие, как описывала Барбара. Тени, вооруженные когтями, вырванные из своего черного царства. Сколько их, Джеймс не мог сказать. По меньшей мере, несколько дюжин, прикинул он.

Мэтью смотрел в сторону толпы врагов с белым лицом. «Он может видеть то же, что и я, – промелькнуло в мозгу у Джеймса. – Он тоже их видит».

А потом демоны прыгнули с деревьев и устремились к ним.

Демоны метались по траве, словно адские псы, порождения сатаны, они прыгали и нападали, но все это – в полном молчании. Их грубые шкуры, черные, как оникс, были покрыты множеством складок; в глазах горели черные огни. Они настигали свои жертвы под темным небом, затянутым грозными облаками.

Алистер, находившийся рядом с Корделией, рывком извлек клинок серафима, спрятанный в кармане пиджака, и поднял его.

– *Михей!* – воскликнул он. Каждый клинок был связан с одним из ангелов, и для «активации» требовалось произнести его имя.

Тусклое свечение превратилось в ослепительное пламя, рассыпавшее искры. Внезапно на берегу озера стало светло от вспышек множества мечей, извлеченных из ножен; Корделия слышала имена ангелов, но в голосах Сумеречных охотников звучало изумление и неверие. Уже очень давно в Лондоне царил относительный мир, и никто не ожидал атаки демонов среди бела дня.

Но, тем не менее, это произошло. Демоны возникли словно из ниоткуда и, подобно гигантской волне, устремились на кучку нефилимов.

Корделия никогда в жизни не думала, что окажется в центре настоящей битвы. Да, она надеялась как-нибудь позже принять участие в патрулировании и прикончить парочку демонов, но сейчас... сейчас наступил невообразимый хаос. Два демона с мордами хищников, похожие на волков, набросились на Чарльза и Ариадну; молодой человек хотел заслонить собой невесту, но его отшвырнули прочь. Корделия услышала, как кто-то выкрикивает его имя, а мгновение спустя второй демон вцепился в Ариадну. Вонзив клыки в плечо девушки, он поволок ее по траве, несмотря на то, что она яростно отбивалась и пинала его ногами.

Корделия рванулась было на помощь Ариадне, но путь ей внезапно преградила какая-то тень, черная тень с разинутой пастью, из которой капала слюна, и глазами, горящими, будто алые угольки. У нее не хватило ни времени, ни сил закричать. Меч описал сияющую дугу. Золотой клинок рассек тень, во все стороны брызнул икор, девушка пошатнулась и едва удержалась на ногах. Затем, резко обернувшись, увидела, что Анна уже подбежала к Ариадне, сжимая в руке длинный серебристый кинжал. Она вонзила клинок в спину демона, и тот исчез, оставив после себя лишь лужу гадкой зеленой слизи.

Но демонов было слишком много. Анна бросила беспомощный взгляд на Ариадну, лежавшую на залитой кровью траве, коротко всхлипнула и отвернулась; вскоре к ней присоединились остальные – Томас, который размахивал болас, Барбара и Люси, вооруженные ангельскими клинками.

Какой-то демон выбрал в качестве жертвы Алистера, и Кортана, описав широкую дугу, обрушилась чудовищу на загривок и отрубила ему голову.

Алистер недовольно посмотрел на сестру.

– Знаешь, – рявкнул он, – я бы с ним и без тебя разобрался.

У Корделии возникло могучее желание прикончить Алистера, но на это не было времени – кто-то снова вопил. Это оказалась Розамунда Уэнтворт, которая так и сидела на берегу рядом с раненым братом. Она едва успела увернуться, и челюсти демона щелкнули на волосок от ее руки.

Джеймс побежал к ней, держа наготове пылающий ангельский клинок. Он высоко подпрыгнул, приземлился прямо на спину твари и вонзил клинок в загривок врага. Сумеречного охотника обдало струей ихора, и демон исчез. Корделия увидела, как Джеймс резко развернулся, обвел взглядом место сражения и замер, заметив Мэтью. Мэтью с изогнутым клинком в руке стоял рядом с Люси, и на лице его была написана решимость поубивать всех, кто осмелится к ней приблизиться.

Джеймс бросился к сестре и Мэтью, и в этот момент Корделия вздрогнула от пронзительного женского вопля.

Барбара попала в беду. Какой-то демон подобрался к девушке и ее жениху, швырнул Оливера на землю и укусил Барбару за ногу. Она взвизгнула от боли и рухнула на траву.

Еще мгновение, и Джеймс оказался рядом с ними; он бросился на чудовище, нависшее над Барбарой, врезался в него всем телом и отбросил в сторону. Сумеречный охотник и демон, сцепившись, покатались по траве, и в толпе раздались крики ужаса.

Мэтью устремился на помощь другу; он прыгнул, выполнил безупречное сальто и выбросил ноги вперед. Удар пришелся по спине демона, и адская тварь отлетела прочь от Джеймса. Мэтью приземлился на траву, Джеймс вскочил, схватившись за кинжал. Он швырнул клинок, оружие вонзилось в бок демону, и монстр с шипением растаял.

А потом на берегу озера воцарилась тишина.

Корделия не знала, что думать: неужели Сумеречные охотники одержали победу над демонами? А если те просто сбежали, удовлетворившись содеянным? Вдруг отступление было заранее запланировано, и твари совершили все то, что намеревались совершить? Никто не мог этого знать. Сумеречные охотники, собравшиеся в Риджентс-парке на пикник, неподвижно стояли на залитой кровью траве. Израненные и окровавленные люди еще не отошли от потрясения; все тупо, в полном молчании смотрели друг на друга.

Место, где они собирались приятно провести время, превратилось в поле боя: целые участки травы выжгло ихором, корзины и одеяла были помяты, испорчены, покрыты пятнами крови. Но это все было неважно. Важно было только то, что на траве неподвижно лежали три человека. Пирс Уэнтворт в залитой кровью рубашке потерял сознание, его сестра захлебывалась безутешными рыданиями. Барбару Лайтвуд Томас взял на руки, и Оливер одну за другой изображал исцеляющие руны на ее безвольно повисшей руке. Ариадна не шевелилась, и ее розовое платье сделалось алым. Чарльз уже был рядом, но голова ее лежала на коленях у Анны. Тоненькая багровая струйка стекала из уголка ее рта.

Да, демоны отступили, но они оставили после себя кровавый хаос.

5. Серая вуаль

*Мириады огней оживают в ночи,
Рыжий свет фонарей, и мерцанье свечи,
Подмигнул мне кареты рубиновый глаз,
Среди тающих сумерек ветер угас,
Отблеск юной луны озарил небосвод,
И туман, как вуаль, над домами плывет.*

Эми Леви, «Мартовский день в Лондоне»

Корделия прижалась к Люси. Карета Института неслась по улицам Лондона; до девушек доносился приглушенный цокот копыт лошадей, стук колес омнибусов, гудение автомобилей и шаги пешеходов. За окнами мелькали рекламные объявления. «Отель “Лошадиная Подкова”». «Паб “Три Гинеи”». «Новые роскошные пароходы». Корделия машинально читала вывески портных и торговцев рыбой, объявления, рекламирующие средства для завивки волос и дешевые типографии. В существование этого мира невозможно было поверить, настолько далек он был от того, который ненадолго предстал перед Корделией в Риджентс-парке. Мимо проплыл мир обычных людей, где придавали значение всяким глупым мелочам.

Мэтью сидел напротив девушек на бархатном сиденье, вцепившись пальцами в подушки. Волосы его торчали в разные стороны, льняной пиджак и шелковый галстук были покрыты пятнами крови и ихора.

Едва демоны исчезли, Джеймс усакал на Балии, отцовском коне, в надежде быстро добраться до Института и подготовиться к прибытию раненых. Чарльз увез Ариадну в коляске Консула, и Мэтью пришлось просить Люси и Корделию взять его с собой.

Алистер вернулся в Кенсингтон, чтобы рассказать Соне о происшедшем. Корделия в глубине души была даже рада, что у нее на руках остались ожоги от ихора: она сказала брату, что ей нужно в лазарет Института, где ей обработают раны, а кроме того, у нее появился предлог остаться там, предложить помощь в уходе за пострадавшими. В конце концов, сказала Корделия, они постоянно должны думать о том, какое впечатление производят на Анклав.

– Сейчас? – воскликнул он, вытаращив глаза. – Даже в такую минуту ты волнуешься о том, что о нас подумают местные?

– Это важно, Алистер, – ответила она. – Мы должны стараться ради отца.

Алистер не стал с ней спорить. Корделию, в общем-то, не удивила реакция брата: она знала, что он с самого начала считал все ее планы и замыслы пустой суетой. Они уже поспорили об этом в Сайренворте, и она тогда крикнула, что не в состоянии его понять. Почему он не собирается защищать отца вместе с ней, почему он считает, что для Элиаса уже нет никакой надежды, если еще не испробовали все средства? Но брат лишь ответил, что она ничего не понимает.

– Я по-прежнему не в состоянии постичь, как это могло произойти, – заговорила Люси. – Демоны не появляются днем. Не появляются, и все тут.

– Я слышала о случаях, когда они приходили в этот мир при сильной облачности, в полумраке, – возразила Корделия. – Когда солнечные лучи не могут проникнуть сквозь тучи...

Мэтью хрипло рассмеялся.

– Это была не простая гроза. С другой стороны, я никогда не слышал о демонах, которые в состоянии управлять погодой.

И он вытащил из кармана жилета серебряную флягу. Люси одарила его неодобрительным взглядом и отвернулась.

– А что вы скажете о ранах? – спросила Корделия. – Я никогда не видела ничего подобного. У Барбары кожа почернела вокруг следов от укусов...

– Вы никогда не видели ничего подобного потому, что ничего подобного никогда не происходило до сегодняшнего дня, – фыркнул Мэтью. – Демоны, которые превращают день в ночь? Которые атакуют в тот момент, когда мы наиболее уязвимы, потому что мы считаем, будто появление демонов невозможно?

– Мэтью, – резко произнесла Корделия. – Прекратите пугать Люси. Мы пока даже не знаем, с чем имеем дело.

Вместо ответа он глотнул из своей фляги; в это время карета проехала перекресток Ладгейт-Серкус и повернула на Флит-стрит. Корделия почувствовала острый, сладковатый аромат спиртного, почему-то напомнивший ей об отце.

– Люси не так уж легко напугать, правда, Люс?

Люси скрестила руки на груди.

– Я боюсь за Барбару и Ариадну, и за Пирса тоже, – произнесла она. – Неужели тебе все равно? Барбара – наша родственница, а Ариадна – одна из добрейших людей среди всех, кого я знаю.

– В этом мире не существует особых законов для добрых людей, – начал было Мэтью, но прикусил язык под суровым взглядом Корделии. Затем сделал очередной глоток из фляги и оскалил зубы в ухмылке. – Да, я веду себя как скотина. Я это прекрасно понимаю, не сомневайтесь.

– Значит, перестаньте вести себя так, – упрекнула его Корделия. – Мой отец всегда говорил, что паниковать прежде, чем выяснишь все факты – значит перейти на сторону врага.

– Но *кто* наши враги? – заговорила Люси. – Сначала я предположила, что это демоны, но демоны обычно атакуют без всякой стратегии и метода. А эти демоны не обратили никакого внимания на простых людей и набросились прямо на нас.

– Демоны не всегда действуют беспорядочно, – возразила Корделия. – Возможно, за этим нападением стоит некий маг, который с какой-то темной целью вызвал стаю адских тварей, а может быть, так развлекается один из Верховных Демонов. Обычные демоны подобны животным, но, если я правильно понимаю, их повелители могут действовать вполне разумно.

Мэтью посмотрел на девушку с некоторым удивлением, но ничего не сказал. Они подъехали к Институту. На арке над воротами можно было прочесть латинский девиз: «PULVIS ET UMBRA SUMUS».

«Мы прах и тень».

Когда смолк стук колес, Мэтью протянул руку и толкнул дверцу экипажа. Спрыгнув на мостовую, он помог Корделии и Люси спуститься. Во дворе уже было тесно от множества карет; на одной из них Корделия заметила знакомый символ семьи Инквизитора, арочный мост. Она увидела и Балия, его поводья были привязаны к столбу у парадного крыльца. Бока коня были покрыты пеной; должно быть, Джеймс скакал по улицам во весь опор.

Когда очередная карета со стуком въехала во двор, Мэтью недовольно уставился на свою флягу, которая, судя по всему, была уже пуста.

– Думаю, мне нужно пройтись, – сказал он. – Я скоро вернусь.

– *Мэтью!* – на лице Люси был написан ужас. – А как же лазарет... мы нужны Томасу...

– Терпеть не могу больницы и больных, – коротко бросил Мэтью и повернулся к ним спиной. Корделия отметила, что он двигался медленно и не очень уверенно, словно боялся споткнуться. Интересно, что было у него во фляге, подумала она. Наверное, что-то весьма крепкое.

Люси была в ярости.

– Да как он *смеет*...

Она не договорила: как раз в эту минуту рядом остановилась очередная карета, дверь открылась, и появились Габриэль и Сесили Лайтвуд. У Габриэля был измученный, опустошенный вид; Сесили держала на руках маленького мальчика, темноволосого и голубоглазого. Корделия догадалась, что это, скорее всего, Александр, самый младший из кузенов ее подруги.

– Люси! – воскликнула Сесили и поспешила к племяннице. Корделия отступила на несколько шагов; ею овладели смущение и неловкость, она почувствовала себя посторонней. Эта сцена напомнила ей о том, что она выросла очень далеко от всех этих людей. «Далеко» не только в прямом смысле этого слова; она никого не знала в Лондоне, не была посвящена во взаимоотношения членов местного общества. Алистер, по крайней мере, учился в Академии, а она, Корделия, детство и юность провела дома, с матерью. Этот мир, мир Люси и Джеймса, был миром родственников и друзей, которые любили друг друга, а до Корделии никому из них не было дела.

– Я ничего не понимаю, – говорила Сесили. – Я получила сообщение Анны, но верится в него с трудом. Как могли демоны напасть на вас *среди бела дня*? Это бессмыслица какая-то. Может быть, вы приняли за демонов какие-то другие существа?

– Возможно, тетя Сесили, но напавшие на нас твари оставляли в точности такие раны, какие наносят демоны, – сказала Люси. – И кровь их весьма напоминала ихор.

Габриэль положил руку на плечо Люси.

– Половину Анклава отправили в парк, чтобы помочь тем, кто остался, и установить, что именно произошло. Скорее всего, это просто случайность, Люс. Это ужасно, но я уверен: такого больше не повторится.

– Скоро придет Джем, то есть Брат Захария, а с ним еще несколько Безмолвных Братьев, – добавила Сесили, подняв взгляд на освещенные окна Института. – Они исцелят Барбару и остальных. Обязательно. Иначе и быть не может.

Брат Захария. Джем.

Разумеется, он придет, сообщила Корделия. Джем Карстерс был безусловно предан своему ордену и Лондонскому Институту. «Может, мне удастся поговорить с ним, – подумала она. – Об отце».

Она прекрасно понимала, что Джем будет занят. Но ее отцу помощь была необходима не меньше, чем раненым, а в Институте работали и другие Безмолвные Братья.

Переводя взгляд с Габриэля на Сесили, она заговорила:

– Вы не возражаете, если я пойду с вами в лазарет? Наверное, там найдутся бинты, мне нужно перевязать руки...

Люси бросила на подругу взгляд, полный смятения.

– Маргаритка! Твои руки! Мне следовало излечить тебя сразу же, тебе нужна дюжина, нет, сотня *иратце*! Я совсем забыла, ведь ты молчала о своих ожогах...

«О Боже, только не это». Корделия вовсе не собиралась вызывать у Люси угрызения совести.

– На самом деле, болит совсем немного...

Сесили улыбнулась девушке.

– Вы говорите, как настоящая Карстерс. Джем тоже никогда не признавался в том, что у него где-то болит. – Александр у нее на руках завожился, желая, чтобы его поставили на землю, и она поцеловала волосы мальчика. – Идем же, Люси, отведем твою будущую *парабат* в лазарет.

Джеймс никогда не видел такого в их лазарете. Разумеется, он слышал от отца и матери рассказы о Механической войне, о погибших и раненых, но за свою жизнь юноше редко доводилось видеть в больнице больше одного-двух людей, нуждавшихся в помощи. Томас однажды провел здесь неделю после того, как свалился с дерева и сломал ногу. Они с Джеймсом сидели

на койке до поздней ночи, играя в карты и поглощая пирожки с джемом, испеченные Бриджет. Джеймс даже немного расстроился, когда исцеляющие руны, наконец, оказали свое действие, и Томас отправился домой.

Но сегодня все было совершенно иначе. В помещении было тесно: многие Сумеречные охотники получили ожоги от ихора, ушибы, легкие ранения. В углу за столом было организовано нечто вроде «поста медицинских сестер»; Тесса и Уилл с помощью Безмолвных Братьев раздавали бинты и наносили целительные руны тем, кто в них нуждался.

Трое пострадавших с серьезными ранами лежали на койках в дальней части лазарета; небольшая ширма отгораживала их от толпы. Однако Джеймс не мог удержаться и заглянул туда, чтобы увидеть Томаса; остальные члены семейства Лайтвудов еще не прибыли, и Томас молча сидел у постели сестры. Джеймс предложил побыть с ним, но Томас сказал, что хочет остаться с Барбарой наедине. Он держал руку девушки, пока дядя Джем обрабатывал ее раны. Она лежала совершенно неподвижно, и единственным признаком жизни служило ее слабое дыхание.

Брат Седрах, Брат Енох и Джем прибыли всего через несколько минут после того, как Джеймс прискакал в Институт с новостью о нападении. Седрах склонился над Пирсом, вливая ему какую-то тинктуру, предназначенную для того, чтобы частично заменить потерянную кровь. Брат Енох занимался Ариадной, и выражение лица у него было мрачное. Инквизитор Бриджсток и его жена стояли неподалеку от кровати дочери, время от времени обмениваясь тревожными взглядами. Бездетная пара удочерила Ариадну, воспитанницу Бомбейского Института, оставшуюся без родителей, и с тех пор оба относились к девушке, как к самому драгоценному сокровищу. Чарльз без сил упал в кресло; подобно Барбаре, Ариадна не шевелилась, лишь прерывистое дыхание позволяло надеяться на то, что она останется в живых. Под кожей на запястьях и на висках проступили темные вены.

Одежда, лицо и волосы Джеймса были перепачканы травой и грязью, покрыты пятнами пота; но он не стал тратить время на то, чтобы приводить себя в порядок, и сразу же принялся помогать матери резать и скатывать бинты.

Если Томас не желает его видеть, размышлял он, он будет помогать в лазарете, как может. Время от времени среди однообразного приглушенного гула голосов он улавливал отрывки разговоров:

«Это были демоны, Таунсенд. А если и не демоны, то какие-то невиданные прежде твари...»

«Это отметины демонов, их когтей и клыков. Существа Нижнего Мира не могут нанести рану, которую нельзя было бы исцелить с помощью рун, а перед нами именно такие раны. Мы должны выяснить, каким ядом их отравили, и найти противоядие...»

«А как же дневной свет...»

«Кто сейчас остался в парке? У кого-нибудь есть список имен людей, присутствовавших на пикнике? Мы должны быть твердо уверены в том, что никого там не оставили...»

Джеймс подумал о Грейс. Как ему хотелось увидеть ее, перемолвиться с ней хоть словом! Но после того как все было кончено, ему пришлось уехать. Балий, которому было почти двадцать восемь лет, по-прежнему оставался самым быстрым скакуном среди лошадей Анклава, а ездить на нем мог только Джеймс. И еще Люси, но Люси не пожелала покидать Корделию.

В конце концов, Кристофер, у которого был намного более испуганный вид, чем во время сражения с демонами, предложил отвезти Грейс в Чизвик в своей коляске. Чарльз, естественно, уже уехал в Институт, увозя раненую Ариадну. Джеймс никак не мог избавиться от неотвязных мыслей о том, какова будет реакция Татьяны на чудовищное происшествие. Ему казалось, что она сочтет Лондон слишком опасным городом и заставит Грейс вернуться в Идрис.

«Джеймс». Этот голос прозвучал прямо у него в голове. Разумеется, Джеймс сразу догадался, кто к нему обращается. Лишь Безмолвные Братья разговаривали подобным образом, а он никогда не спутал бы Джема с кем-то другим.

«Джеймс, можно тебя на пару слов?»

Подняв взгляд, юноша увидел высокую фигуру Джема, облаченного в рясу цвета пергамента – он как раз выходил из лазарета. Отложив бинты, Джеймс постарался как можно незаметнее подобраться к двери, выскользнул в коридор и последовал за дядей в музыкальную комнату. По пути никто из них не произнес ни слова.

Несколько лет назад Тесса приказала заново отделать коридоры Института: темные викторианские обои заменили светлой краской и природным камнем. Через равные промежутки на стенах были укреплены изящные резные канделябры. Каждый канделябр был выполнен в виде символа одного из родов Сумеречных охотников: Карстерсов, Ке, Эрондейлов, Рэйбернов, Старкуэзеров, Лайтвудов, Блэкторнов, Монтеверде, Розалесов, Бельфлеров. Таким образом мать Джеймса хотела сказать, что все они, Сумеречные охотники – одна большая семья, и все они занимают в этом Институте равное положение.

А вот Конклав Сумеречных охотников не всегда относился к *его матери* как к равной, подумал Джеймс. Но он отогнал эту мысль; перешептывания и сплетни насчет Тессы, его самого и Люси всегда заставляли его вскипать от гнева.

Музыкальной комнатой пользовались редко – у Люси вообще не было слуха, Джеймс несколько лет учился играть на фортепиано, но потом бросил. Пылинки плясали в золотых лучах вечернего солнца, проникавших в окна. В углу виднелась громада фортепиано, наполовину прикрытого белой драпировкой.

Почетное место здесь занимала скрипка Джема. Старинный инструмент работы Страдивари из потемневшего дерева покоился в открытом футляре на высоком столике. Джеймс иногда видел, как отец заходит в эту комнату лишь для того, чтобы прикоснуться к скрипке, и при этом во взгляде у него появлялось отсутствующее выражение, словно он видел нечто, недоступное другим. И Джеймс размышлял: может быть, он тоже будет бережно хранить вещи Мэтью и любоваться ими, если однажды потеряет своего *парабатая*.

Но тут же постарался выбросить из головы очередную мрачную мысль. Мэтью был для него все равно что пища, сон, воздух – продолжать жить без него было просто невозможно.

«Я получил твое послание, – сказал Джем. – *То, что ты отправил мне сегодня ночью*».

Джеймс вздрогнул.

– Я уже и забыл о нем. – Он видел свое отражение в зеркале в золотой раме, висевшем на стене: в волосах застряли травинки, на щеке – алая царапина. Он выглядел так, словно только что сбежал из Бедлама. – Я не уверен, что сейчас это важно.

«*Может быть, как раз наоборот, важно*, – возразил Джем. Он показался юноше напряженным, если вообще можно было представить себе Безмолвного Брата напряженным. – *Барбара была еще в сознании, когда я прибыл сюда. Она успела прошептать мне насчет тебя...*»

– Насчет меня? – Джеймс вздрогнул от неожиданности.

«Она сказала: «Джеймса нужно защитить». Ты превратился в тень там, у озера?»

– Нет, – Джеймс покачал головой. – Я видел царство теней вчера вечером, и сегодня опять, но сам не превращался в тень. Я мог себя контролировать.

Джем, казалось, испытал некоторое облегчение.

«Джеймс, – начал он. – Ты знаешь, что я уже довольно давно пытаюсь выяснить, кто именно из Верховных Демонов приходится тебе дедом. Твоя способность...»

– Это не способность, – перебил его Джеймс. – Это проклятье.

«*Это не проклятье*. – Голос Джема стал резким. – *Не больше, чем магия чародеев или возможности твоей матери*».

– Ты же сам всегда говорил, что это опасно, – напомнил Джеймс.

«Некоторые дары действительно несут с собой опасность. А это именно дар, хотя он и передался тебе от падавших ангелов».

– Дар, который совершенно бесполезен для меня, – упрямо продолжал Джеймс. – Вчера вечером на балу, провалившись во тьму, я видел, как Барбару похитила тень. А сегодня у озера ее действительно чуть не уволок демон, вцепившийся зубами ей в ногу. – Он стиснул зубы при этом воспоминании. – Я не знаю, что это может означать. Видения не помогли мне, не позволили защитить Барбару и остальных. – Он помолчал. – Может быть, если мы продолжим уроки... мы сумеем узнать больше о царстве теней и поймем... а вдруг оно пытается подать мне какой-то знак?

«Да, лучшие всего для тебя будет, если мы возобновим наши занятия, – согласился Джем. – Но мы не можем приступить к ним прямо сейчас. Ни я, ни другие Братья никогда прежде не сталкивались с ядом, подобным тому, что убивает трех молодых людей там, внизу. Сейчас мы должны направить все свои усилия на поиски лекарства».

Дверь музыкальной комнаты открылась, и Уилл просунул в щель голову. Вид у него был усталый, рукава были закатаны до локтей, на рубашке остались пятна каких-то мазей и настоев. Но он улыбнулся, увидев сына и Джема.

– Все в порядке?

– Дядя Джем волновался за меня, – ответил Джеймс. – Но я цел и невредим.

Уилл подошел к сыну, с неожиданной силой привлек его к себе и сказал:

– Рад слышать это, Джейми bach¹⁵. Приехали Гидеон и Софи, и как я представляю себе, что они испытывают сейчас при виде Барбары... – Он поцеловал волосы Джеймса. – Невыносимо даже думать об этом.

«Мне нужно возвращаться в лазарет, – сказал Джем. – Меня ждут дела».

Уилл кивнул в знак согласия и отпустил Джеймса.

– Я знаю, что Гидеону и Софи будет легче, если именно ты станешь ухаживать за Барбарой. Только не думай, я ничего плохого не могу сказать о Брате Седрахе; я уверен, что он достойный, искусный и уважаемый член вашего Братства.

Джем покачал головой – это означало, что он улыбается. Все трое покинули музыкальную комнату, и, к удивлению Джеймса, оказалось, что в коридоре их ждал Томас. Выглядел он ужасно.

Уилл и Джеймс обменялись быстрыми взглядами, а затем Уилл ушел, оставив сына наедине с Томасом. Как хорошо, подумал Джеймс, когда твой отец понимает важность дружбы.

Как только взрослые отошли на достаточное расстояние, Томас заговорил.

– Мои родители приехали, – тихо произнес он. – Джеймс, мне нужно что-то сделать. Что-то такое, что поможет спасти мою сестру. Потому что иначе я просто сойду с ума.

– Конечно, мы все должны постараться помочь Барбаре, – ответил Джеймс. – Томас. Там, в парке, Барбара увидела демонов раньше всех. Именно она предупредила меня.

– Она обладала совершенным Зрением еще прежде, чем получила руну Ясновидения, – вздохнул Томас. – Возможно, потому, что моя мать была обычной женщиной, наделенной Зрением, прежде чем стать Сумеречным охотником. Мы никогда не были уверены... Барбару не слишком интересовали собственные возможности... но у нее всегда было исключительно острое чутье.

– Мне даже показалось, что она сумела заглянуть в мое серое царство, – пробормотал Джеймс, вспоминая слова Барбары: она видела бесформенные тени на балу, почувствовала, как ее увлекают куда-то вниз. В мозгу у него начала формироваться идея. Он подумал: может быть, стоит пойти и обсудить ее с Джемом, но нет – Джем никогда не позволит ему это сделать. Он скажет, что это слишком опасно. Даже безрассудно.

¹⁵ Маленький, дорогой (валлийский).

Но Джеймс был настроен совершать безрассудные деяния, и Томас, судя по его лицу, тоже.

– Нам нужно отыскать Мэтью и Кристофера, – заговорил Джеймс. – У меня появилась одна мысль.

Краски постепенно возвращались на лицо Томаса.

– Кристофер только что вернулся из Чизвика, – пробормотал он. – Я видел его в холле. Но что касается Мэтью...

Корделия твердо решила помогать в лазарете. Это был единственный способ остаться здесь и помешать старшим выгнать ее вон. В конце концов, никто из раненых не приходился ей ни родственником, ни даже другом. И она понимала, что при нынешнем положении дел ей нескоро удастся обзавестись новыми друзьями.

Люси также привлекли к работе. Из шкафов, расположенных позади мраморного прилавка, за которым Тесса руководила раздачей ингредиентов для тинктур и всяческих снадобий, были извлечены дюжины кувшинов и горшков, снабженных этикетками. Руки Корделии были намазаны толстым слоем бальзама и обмотаны бинтами; они походили на белые медвежьи лапы, но Корделия с грехом пополам ухитрялась справляться с порученным ей делом. Она толкла в ступке целебные травы.

Передняя часть лазарета была отведена тем, кто отделался лишь царапинами, растяжениями и ожогами. Настои и бальзамы предназначались в основном для них: Люси проворно раздавала лекарства, и ее бодрый звонкий голос был хорошо слышен даже в большом зале, наполненном народом. Дальняя часть лазарета была отгорожена ширмой, и Корделия была этому почти рада; она не вынесла бы ни рыданий Софи и Гидеона, ни вида Розамунды, которая молча сидела рядом с братом. Корделия сейчас упрекала себя за злые мысли насчет Уэнтвортов. Как бы эти люди ни вели себя с ней, они не заслуживали подобной участи. Никто не заслуживал.

– Все будет в порядке. – Тесса говорила мягко, ласково. Мать Джеймса была занята тем, что мелко рубила полынь в большой чаше. Она бросила на Корделию взгляд, полный сочувствия. – Мне приходилось видеть, как Безмолвные Братья возвращали людей буквально с того света.

Корделия покачала головой.

– А мне не приходилось. Наверное, до сих пор я вела слишком замкнутую и благополучную жизнь.

– Все мы вели беззаботную жизнь какое-то время, – сказала Тесса. – Но естественное состояние для Сумеречных охотников – это война. Когда одно сражение сменяется другим, у них нет времени остановиться и задуматься о том, что такая обстановка вовсе не является идеальной для счастья. Сумеречные охотники не созданы для мирной и безмятежной жизни, однако в последние десять лет жизнь наша была именно такой. Наверное, мы, сами того не замечая, стали считать себя неуязвимыми.

– Люди бывают неуязвимыми только в книгах, – заметила Корделия.

– Мне кажется, и в книгах такое случается очень редко, – возразила Тесса. – Но мы, по крайней мере, можем в любой момент выбрать новую книгу или начать перечитывать старую заново. Книги предлагают нам тысячи способов все начать сначала.

Это правда, подумала Корделия. Она читала историю Лейли и Меджнуна тысячу раз, и ей была прекрасно известна душераздирающая развязка. Но все равно, начиная поэму заново, девушка в волнении предвкушала рассказ о вечной любви.

– Единственным эквивалентом книг в реальной жизни могут служить воспоминания, – произнесла Тесса и, подняв голову, взглянула на вошедшего в лазарет Уилла Эрондейла и следовавшего за ним кузена Джема. – Но воспоминания могут быть не только сладостными, но и горькими.

Уилл улыбнулся жене – родители Джеймса всегда смотрели друг на друга такими любящими глазами, что это было почти больно видеть, – затем направился к Лайтвудам, собравшимся вокруг Барбары. Корделия услышала, как родственники приветствуют Уилла, услышала взволнованный голос Софи, но все это время не сводила пристального взгляда с Джема. Он подошел к столу Тессы и протянул руку, чтобы забрать несколько сосудов со смесями трав. Итак, подумала Корделия, сейчас или никогда.

– Кузен Джем, – прошептала она, – мне нужно с вами поговорить.

Джем резко поднял голову. Корделия постаралась сохранить невозмутимое выражение лица, хотя она всегда испытывала странное чувство, глядя в лицо Безмолвному Брату. Она вспомнила, что мать неоднократно предлагала отцу отправиться в Базилиас, госпиталь для Сумеречных охотников в Аликанте, для того, чтобы избавиться от хронической болезни. Но Элиас всякий раз упрямо отвечал, что ноги его не будет там, где хозяйничают Безмолвные Братья. Он утверждал, что вид этих людей действует ему на нервы, что они выглядят как ледяные фигуры. Желтоватые рясы с алыми символами, мертвенно-бледная кожа, испещренная алыми рунами. У большинства не было волос, но хуже того: глаза, глубоко провалившиеся в глазницы, были зашиты.

Джем отличался от других Братьев. У него было молодое, но совершенно неподвижное лицо, напоминавшее лица крестоносцев, вырезанные на мраморных надгробиях. В спутанных черных волосах виднелись белые пряди. Глаза были не зашиты, но постоянно прикрыты, словно он все время молился.

«С тобой все в порядке, Корделия?» – произнес голос Джема в ее голове.

Тесса немедленно вышла из-за стола и загородила их от взглядов присутствующих. Корделия попыталась притвориться, будто внимание ее целиком поглощено ступкой и пестиком, и продолжала энергично растирать смесь цветков пиретрума и растения желтокорень.

– Прошу, скажите мне, – прошептала она, – вы не видели Баба... моего отца, в Идрисе? Как он себя чувствует? Когда он вернется домой?

Последовала довольно долгая пауза.

«Я видел его», – ответил кузен Джем.

Впервые за несколько дней Корделия позволила себе погрузиться в воспоминания об отце. Отец научил ее сражаться. У него были свои недостатки, но он вовсе не был жестоким человеком; а когда он говорил с Корделией, его слова, взгляд, выражение лица заставляли ее чувствовать себя уверенно, чувствовать себя самой лучшей. Алистер и Сона были сделаны из другого теста, точнее, из стекла или металла с острыми краями, о которые можно было порезаться, но Элиас был таким же, как она.

«Воспоминания могут быть не только сладостными, но и горькими».

Она пробормотала:

– Вы принадлежите к ордену Безмолвных Братьев. Я знаю, что мой отец не слишком любит вас...

«Не думай, что я обижен его отношением, тем, что он всегда старался держаться подальше от меня, – сказал Джем. – Я сделаю все, что в моих силах, ради тебя и твоей семьи».

– Он написал мне короткое письмо, где просит верить в него. Он говорит, что не несет ответственности за происшедшее. Разве вы не можете убедить Конклав в его невиновности?

Снова пауза.

«Я не могу убедить Конклав в том, чего не знаю сам», – наконец, произнес Джем.

– Они обязаны выслушать его показания, – сказала Корделия. – Они *обязаны* воспользоваться Мечом Смерти. Они сделают это?

Джем молчал. Корделия увидела приближавшуюся Люси и только сейчас заметила, что травы в ее ступке превратились в зеленую кашу, не пригодную для приготовления снадобий.

– Маргаритка, – негромко обратилась к ней Люси. Это сразу не понравилось Корделии. Люси очень редко разговаривала шепотом, и неважно, о чем шла речь. – Ты не могла бы пойти со мной, на минутку? Мне нужна твоя помощь.

– Конечно, – неохотно ответила Корделия. – Я только сейчас...

Она обернулась к Джему в надежде все же получить ответ на свой вопрос. Но он уже исчез.

– Куда мы идем? – прошептала Корделия, спеша за подругой по бесконечным коридорам Института. – Люси, знаешь, ты не можешь просто так взять и похитить меня.

– Чепуха, – возразила Люси. – Если бы я хотела тебя похитить, то сделала бы это как полагается, в полной тишине и под покровом ночи. – Они очутились в вестибюле; Люси взяла с крючка свой плащ, а другой протянула Корделии. – И потом, я сказала отцу, что собираюсь отвезти тебя домой в карете, потому что ты падаешь в обморок при виде крови.

– Люси! – возмутилась Корделия, но вышла вслед за подругой во двор. Солнце только что село, и на город опустились серо-голубые сумерки. Двор был забит каретами с гербами семей Сумеречных охотников.

– В хорошей истории не каждая фраза верна, – сказала Люси. На щеках у нее выступил румянец. Стало прохладно, и Корделия плотнее закуталась в плащ. – Важна история в целом.

– Но я не хочу идти домой, – заметила Корделия, когда они с Люси пробирались между каретами. Она прищурилась. – Мне показалось, или в карете Бэйбруков кто-то *поет*?

Люси небрежно махнула рукой.

– Конечно же, ты не едешь домой. Ты отправляешься со мной на поиски приключений. – Она дала знак какому-то человеку, спрятавшемуся за коляской Уэнтвортов. – Бриджет!

Действительно, это была Бриджет. Корделия узнала ее прическу: седеющие рыжие волосы были собраны в пучок на затылке. Судя по всему, служанка только что закончила запрягать в двухместную карету Института свежую лошадь – это был брат Балия, и звали его Ксанф. Они ни в чем не уступали друг другу. Корделия много слышала об этих лошадях, о том, как они росли. Люси подошла, чтобы погладить Ксанфа по мягкой морде с белыми крапинками, а Корделия сделала над собой усилие и улыбнулась Бриджет, которая рассматривала девушек с подозрением.

– Коляска для вас готова, мисс Плutowка, – обратилась Бриджет к Люси. – И постарайтесь не попасть в беду. Ваши родители будут сильно волноваться.

– Я всего-навсего собралась отвезти Корделию домой, – ответила Люси, с невинным видом хлопая глазами. Бриджет ушла, бормоча что-то насчет непослушных девчонок, которые застревают на деревьях, пытаясь вылезти из окна. Люси прошептала несколько слов на ухо Ксанфу, затем сделала знак Корделии залезать в коляску. – Все заколдовано, – объяснила она, когда конь тронулся с места, и экипаж, стуча колесами, выехал через открытые ворота на улицу. – Простые придут в ужас и еще, чего доброго, попробуют нас остановить, если увидят коляску, несущуюся по улицам без кучера.

– Выходит, конь знает, куда нас везти? – Корделия устроилась поудобнее на мягком сиденье. – Но мы едем не на площадь Корнуолл-Гарденс?

Люси отрицательно покачала головой.

– Балий и Ксанф – необычные кони. А едем мы в Чизвик-хаус.

Корделия, не мигая, уставилась на подругу.

– В Чизвик-хаус? Мы едем провести Грейс и Татьяну? О, Люси, я даже не знаю...

Люси подняла руку, давая подруге знак помолчать.

– Возможно, у тебя будет время – совсем немного – на то, чтобы их отвлечь. Но мы едем не в гости. У меня другая цель.

Корделия подумала, что Грейс не из тех девиц, которых легко отвлечь чем бы то ни было.

– Я не стану этого делать, – твердо произнесла она. – Если ты не расскажешь мне, в чем заключается твоя цель.

Люси помолчала минуту, и лицо ее показалось Корделии очень маленьким и бледным в полумраке кареты.

– Тебе известно, что я могу видеть призраков, – произнесла она и снова смолкла.

Корделия поморгала в недоумении. Меньше всего сейчас она ожидала услышать от Люси слова о призраках. Все Сумеречные охотники, разумеется, знали, что призраки существуют, и когда призраки хотели, чтобы их увидели, большинство нефилимов могло их видеть. Но члены семьи Эрондейл обладали особым даром: Уилл, Джеймс и Люси могли видеть привидения, *не желавшие*, чтобы их увидели.

– Да, но какое...

– Один призрак сказал мне... – Люси поморщилась. – Джессамина мне сказала, что в Чизвик-хаусе живет один из ее братьев, который, возможно, кое-что знает об этих демонах, появляющихся при свете дня, – наконец, выдавила она. – Маргаритка, я должна что-то предпринять, чтобы помочь Барбаре и остальным. Я не в состоянии больше торчать там и раздавать отвары трав. Если есть возможность помочь, я обязана воспользоваться этой возможностью.

– Ну конечно – только почему ты не рассказала об этом отцу с матерью? Уверена, они бы тебя поняли.

– Не хочу, чтобы у кого-то возникли напрасные надежды, – объяснила Люси. – А кроме того, они, наверное, захотели бы кому-нибудь рассказать об этом, а я... я слышала, что способность привлекать внимание привидений – не слишком лестная характеристика для молодой дамы.

Корделия, несмотря на неудобные повязки, поймала руку Люси.

– Скажи мне, кто тебе это внушил, и я его убью.

Люси шмыгнула носом и вдруг рассмеялась.

– Тебе не понадобится никого убивать. Просто съезди со мной в Чизвик, этого более чем достаточно.

– Надо забаррикадировать двери изнутри, – объявил Джеймс. – Там нет ни замков, ни засовов, а я не хочу, чтобы нам мешали. – Он нахмурился. – Мэтью, ты хоть на ногах можешь стоять?

Бальный зал был закрыт со вчерашнего вечера, поскольку этим помещением пользовались только для приема гостей. В зале было жарко, даже душно; Джеймс, Кристофер и Томас скинули пиджаки и жилеты и остались в брюках и рубашках. Но они не стали снимать пояса с оружием, которые надели перед поездкой в парк; кроме того, Джеймс взял еще несколько запасных кинжалов.

Лишь Мэтью не имел при себе оружия. Он был взъерошен, одежда пребывала в беспорядке; тупо хлопая глазами, он кое-как добрался до мягкого кресла и рухнул в него.

– Я в полном порядке, – неразборчиво пробормотал он и изящно взмахнул рукой. – Пожалуйста, продолжай излагать свой план. – Он прищурился. – Кстати, а *в чем* он заключается?

– Сейчас узнаешь, – ответил Джеймс. Он был совершенно уверен в том, что этот план не вызовет одобрения друзей. – Томас?

Томас кивнул, взялся за тяжелый буфет и начал толкать его по направлению к дверям. Кристофер окинул Мэтью озабоченным взглядом.

– Может, воды? – спросил он.

– Я в *полном* порядке, – заплетаящимся языком повторил Мэтью.

– Я нашел тебя в карете Бэйбруков, где ты накачивался виски и распевал «Элси из Челси», – сурово произнес Томас.

– Там никого не было, – объяснил Мэтью. – И внутри очень уютно.

– По крайней мере, тебе не взбрело в голову забраться в карету Бриджстоков – достаточно с них на сегодня трагических событий. С Бэйбуками хотя бы ничего страшного не произошло, – с искренним удовлетворением в голосе произнес Кристофер.

– *До настоящего момента* не произошло, – подчеркнул Джеймс. – Кристофер – вы с мисс Блэкторн добрались до ее дома без происшествий?

Он постарался произнести это более или менее безразличным тоном и не показать, насколько его на самом деле волнует ответ.

Мэтью приподнял бровь, но промолчал.

– О, все прошло как нельзя лучше, – ответил Кристофер. – Я в подробностях описал ей процесс выращивания бактерий в лаборатории, и ее так захватил мой рассказ, что она всю дорогу не произнесла ни слова!

Джеймс отправился наваливать в кучу стулья перед дверью, ведущей в гостиную. Он надеялся, что Грейс не уснула от скуки.

– Тебе не пришлось рассказывать миссис Блэкторн о том, что произошло в парке? Думаю, у нее это не вызвало особого восторга.

Кристофер покачал головой.

– Вынужден признаться в том, что я ее даже не видел. Мисс Блэкторн попросила меня высадить ее у ворот, не доезжая до крыльца.

– Наверное, она не хотела, чтобы ты увидел, в каком состоянии пребывает эта развалина, – зевнул Мэтью. – Стоит лишь посмотреть на ворота – насквозь проржавели.

Джеймс пристально уставился на друга.

– Томас, – негромко произнес он. – Может быть, исцеляющую руну?

Томас кивнул и осторожно приблизился к Мэтью – так человек приближается к уличной кошке, которая может неожиданно вцепиться тебе в руку. Некоторое время назад Джеймс обнаружил, что руны *иратце* благотворно действуют на захмелевшего Мэтью, приводя его в почти нормальное состояние.

– Ну-ка, закатай рукав, вот так, молодец, хороший мальчик, – приговаривал Томас, усевшись на подлокотник кресла Мэтью. – Давай-ка мы тебя разбудим, а потом Джеймс расскажет нам, что за безумное предприятие он там затеял.

Покончив со стульями, Джеймс быстро оглядел помещение, отряхнул руки от пыли и сказал:

– Лучше проверить задвижки на окнах. Просто на всякий случай.

– Мне почему-то кажется, что это кощунственно – использовать Метки для того, чтобы избавиться от воздействия алкоголя, – заметил Мэтью, когда Томас убрал стило. На запястье Мэтью мерцала пресловутая новенькая Метка. Взгляд его стал немного более осмысленным, и друзьям уже не казалось, что он вот-вот уснет, или его начнет тошнить.

– Я однажды видел, как ты с помощью стила сооружаешь себе пробор, – сухо напомнил ему Джеймс, проверяя окна.

– Эти волосы я получил от самого Ангела, – сообщил Мэтью. – Это один из даров, ниспосланных небом Сумеречным охотникам. Вроде Меча Смерти.

– А вот *это* уже кощунство, – воскликнул Томас. Кристофер присоединился к Джеймсу, который тщательно проверял и задвигал оконные шпингалеты, несмотря на то, что ему отчаянно хотелось открыть окно и впустить в комнату немного свежего воздуха.

– «В прекрасном – радость без конца, без края, прекрасное живет, не умирая»¹⁶, Томас, – назидательно произнес Мэтью. – Джеймс, зачем вы закрываете окна? Ты боишься слишком любопытных голубей?

Джеймс со стуком закрыл очередную задвижку и обернулся к остальным.

¹⁶ Цитата из поэмы Джона Китса «Эндимион» (пер. Е. Фельдмана).

– Последние четыре года своей жизни я провел, пытаюсь научиться не делать то, что я собираюсь сделать именно сейчас. Я не желаю, чтобы мне помешали, и не хочу ничего оставлять на волю случая.

– Ты боишься, что тебе помешает голубь? – переспросил Мэтью, но в глазах его, несмотря на насмешливые слова, промелькнуло сочувственное выражение. – Джейми, зачем ты привел нас сюда?

Джеймс сделал глубокий вдох.

– Я собираюсь по собственной воле отправиться в царство теней, – объявил он.

«Веселые разбойники» в один голос запротестовали. Мэтью поднялся, сверкая глазами.

– Ни за что, – рявкнул он. – Это очень опасно...

– Вряд ли мне угрожает какая-то опасность, – перебил его Джеймс. – Я уже много раз попадал туда и возвращался обратно. Прошел год с тех пор, как я случайно перенесся в тот мир. Но за последнюю неделю я видел его целых три раза, причем один раз – непосредственно перед сегодняшней атакой демонов. Не думаю, что это простое совпадение. Если мою способность видеть серое царство можно использовать для того, чтобы помочь Барбаре, Ариадне и всем нам, вы обязаны позволить мне сделать это.

– Проклятье. – Мэтью потер глаза. – Если мы сейчас тебе не поможем, ты попытаешься это сделать, когда мы разойдемся по домам, верно?

– Верно, – подтвердил Джеймс и прикоснулся к кинжалам, висевшим на поясе. – По крайней мере, я вооружен.

Мэтью повертел печатку с инициалами «МФ». Этот перстень он получил в подарок от Джеймса, когда они стали побратимами; он никогда не расставался с украшением и теребил его только в минуты крайнего волнения.

– Очень хорошо, Джеймс. Как тебе будет угодно.

Джеймс откашлялся.

– Отлично. Тогда начнем.

Он обвел взглядом лица друзей; те, в свою очередь, нетерпеливо разглядывали его.

– Ну? – с надеждой произнес Томас после продолжительной паузы. – Что же ты не отправляешься в царство теней?

Джеймс сосредоточился. Он пристально уставился в пол и постарался вызвать в сознании образы призрачного мира. Грязно-серое, унылое небо и тусклое солнце. Он представил себе, как изменяется бальный зал, как искривляются очертания окон, как плаваются и стекают по стенам канделябры.

Открыв глаза, Джеймс завопил от неожиданности. Прямо перед носом у него мерцали два зеленых огонька; глаза были так близко, что он различал рисунок на радужных оболочках – какие-то коричневые полосы и черные точки.

– Мэтью!

– Не думаю, что, пялясь на него в упор, ты ему поможешь, Мэтью, – сказал Томас, и Мэтью неохотно отошел от своего *парабата*.

– Джейми, скажи, мы можем каким-то образом ускорить процесс? Все мы видели, как ты это делаешь... Ты становишься полупрозрачным, и твой силуэт как будто расплывается...

– Когда я попадаю в царство теней, то чувствую себя так, словно уже не присутствую в реальном мире в полном смысле этого слова; я сам как будто «бледнею», «выцветаю», – говорил Джеймс. Он не упомянул, что ему приходилось «выцветать» до такой степени, что он мог проходить сквозь стену. Этого он повторять не собирался. – Но не это увлекает меня в иной мир. Это скорее побочный эффект.

– Чаще всего это происходит, когда ты расстроен или потрясен чем-то, – заметил Кристофер. – Может, стоит попытаться разозлить тебя или застичь врасплох?

– Учитывая все, что произошло за последние пару дней, это будет не слишком трудно, – вздохнул Джеймс.

– Чушь, – воскликнул Мэтью и забрался на какой-то хлипкий столик с тонкими позолоченными ножками. Стол закачался, и Джеймс устоял на эту сцену в тревоге. – В последний раз я видел тебя потрясенным, когда тот демон-иблис прислал Кристоферу пачку любовных писем.

– Я не лишен некоего мрачного шарма, – грустно сказал Кристофер.

– Пожалуйста, не забывай о том, что я – бледный неврастеник, а ты – суровый героический персонаж, – обратился Мэтью к Джеймсу. – Когда мы меняемся ролями, ничего хорошего из этого не получается. Придется нам изобрести какой-нибудь новый действенный способ вывести тебя из равновесия.

– А какова во всем этом моя роль? – осведомился Кристофер.

– Безумный изобретатель, естественно, – сразу ответил Мэтью. – А Томас – добросердечный друг.

– Боже, как это скучно звучит, – вздохнул Томас. – Послушай, Джеймс, подойди сюда на минутку.

Джеймс шагнул к Томасу, который, как ему показалось, принял некое серьезное решение; в такие моменты он очень напоминал свою мать, с ее сверкающими карими глазами и сурово сжатыми губами.

Кулак просвистел в воздухе и врезался Джеймсу прямо в солнечное сплетение. Он отлетел назад и с бессвязным возгласом грохнулся на пол. Голова закружилась.

Мэтью опустился на пол рядом с ним, и Джеймс, хватая ртом воздух, приподнялся на локтях. Боль была не сильной, но он задыхался, и его тошнило.

– Томас! – заорал Мэтью. – Ты что творишь?

– Я пытался его застичь врасплох! – заорал в ответ Томас. – Это важно, Мэтью! – Несмотря на злобный тон, он бросил на Джеймса озабоченный взгляд. – Ты ведь не против, правда, Джейми?

– Все в порядке, – хрипло выговорил Джеймс. – Но, к сожалению, такой метод не действует. Если я начну превращаться в тень всякий раз, когда мне под ребра бьют кулаком или чем-нибудь еще, я не смогу патрулировать город. – Он устоял в зеркальный потолок. Он видел самого себя, распростертого на паркетном полу, черные волосы, смертельно бледное лицо, видел Мэтью, который стоял рядом с ним на коленях, словно оруженосец над телом павшего рыцаря.

Еще он видел в зеркале Кристофера и Томаса, точнее, их макушки. Томас стоял, скрестив руки на груди. Кристофер протягивал руку, чтобы взять что-то со стены.

Мэтью с проворством лисицы вскочил на ноги и рывком поднял Джеймса. Едва успел Джеймс подняться, как над головой у него просвистела стрела. Раздался звон стекла, Мэтью бросился на Джеймса и сбил его с ног. Они снова покатались по полу, и Джеймс про себя выругался: из него чуть не вышибли дух во второй раз за пять минут.

Он перекатился по полу, сел, плечом отпихнул Мэтью и, взглянув на друзей, увидел, что Томас с безумным видом устоял на Кристофера, который сжимал в руках один из луков, украшавших стены.

– Если кого-то из вас интересует вопрос о том, являются ли эти штуки *чисто* декоративными, – пробормотал Джеймс, поднимаясь на ноги, – я скажу: нет, не являются.

– Пропади все пропадом, во имя тысячи ангелов, Кристофер, ты что сейчас сделал, чтоб тебе сгореть! – взревел Мэтью, вскакивая на ноги следом за Джеймсом. – Ты что, убить его хотел?

Кристофер опустил лук. Джеймсу показалось, что в доме началась суматоха: в отдалении хлопали двери, слышался топот бегущих ног. *Черт подери.*

– Я вовсе не собирался его убивать, – оскорбленным тоном произнес Кристофер. – Я надеялся, что шок, испытанный при виде пролетающей над головой стрелы, способствует его «скачку» в иной мир. Жаль, но ничего не получилось. Нужно немедленно придумать какой-то другой способ напугать Джеймса до полусмерти.

– Кристофер! – воскликнул Джеймс. – Поверить не могу в то, что слышу это от тебя. Поверить не могу, что ты мог в меня выстрелить.

– В идеальных лабораторных условиях вероятность положительного исхода составила бы семьдесят два процента...

– Мы не в идеальных лабораторных условиях! – рявкнул Джеймс. – Мы в бальном зале моего дома!

В этот момент кто-то из всех сил заколотил в дверь.

– Что здесь происходит? – Это был голос Уилла. – Джеймс, ты там?

– Проклятье. Мой отец, – с безумным видом озираясь по сторонам, пробормотал Джеймс. – Послушайте, вы все – вылезайте в окна. Давайте, в разбитое окно. Я возьму вину на себя. Я скажу, что это была *моя* стрела.

– В бальном зале? – резонно усомнился Томас. – И кто тебе поверит, если ты скажешь, что занимался стрельбой из лука в бальном зале?

– Я на все способен! – Джеймс протянул руку к оружию Кристофера, но Кристофер обегал вокруг Томаса, словно тот был майским деревом, и спрятался за спиной друга. – Ну же, Кит, отдай его мне...

Томас выпучил глаза.

– Он хочет сказать «Потому что я Эрондейл», так, что ли?

Дверь содрогалась от ударов. Джеймс окинул друзей гневным взглядом. Они никогда не видели его таким.

– Да, я Эрондейл, – воскликнул он. – И я приказываю вам убираться из моего Института, чтобы за это наказали только меня.

– Отвечай же, Джеймс! – послышался приглушенный голос Уилла. – Зачем ты забаррикадировал дверь? Я требую, чтобы ты сказал мне, что там происходит!

– Джеймса здесь нет! – крикнул Мэтью, подходя к двери. – Уходите!

Джеймс с озадаченным видом посмотрел на Мэтью.

– Ты что?

– Я слышал, как разбилось стекло! – крикнул Уилл.

– Я тут практиковался! – ответил Мэтью.

– В бальном зале?

– Мы хотели немного отвлечь Томаса! Сегодня у него был тяжелый день! – крикнул Мэтью.

– *Что?* – Уилл, казалось, не поверил своим ушам.

– Вот только не надо на меня все вешать! – сердито прошептал Томас.

– Джеймс. – Мэтью положил руки другу на плечи и развернул его к себе. Прохладный ветерок, проникавший в разбитое окно, сдувал со лба Мэтью взмокшие от пота волосы. Он пристально смотрел на Джеймса зелеными глазами, которые в полумраке казались черными. Джеймс неожиданно для самого себя даже испугался этого серьезного взгляда. – Если ты хочешь попасть в серый мир, ты должен сделать это сейчас.

– Я знаю, – прошептал Джеймс. – Мат... помоги мне.

Это прозвище когда-то дал молодому человеку Уилл в честь валлийского короля Мата ап Матонви, хранителя мудрости, которому было известно все обо всем. Уилл часто говорил, что Мэтью появился на этот свет, зная слишком много. Сейчас, когда он наклонился к уху Джеймса, во взгляде его читалась печаль, порожденная этим темным знанием.

– Джейми, – прошептал его друг. – Мне очень жаль, но я вынужден так поступить. – Он сглотнул ком в горле. – Ты проклят. Ты потомок демона. Именно поэтому ты можешь видеть царство теней. Ты видишь этот выжженный мир потому, что именно там твое место.

Джеймс резко отпрянул, не сводя взгляда с Мэтью. С Мэтью, от которого пахло бренди, старого друга, знакомого чуть ли не с пеленок. Мэтью, который мог быть жесток с кем угодно, но только не с Джеймсом.

Перед глазами у него появилась серая пелена.

Мэтью побледнел.

– Джеймс, – прошептал он. – Я говорил это не всерьез...

Но Джеймс больше не чувствовал прикосновения пальцев Мэтью к своим плечам. Он не чувствовал пола под ногами. Дверь, которая вела в коридор, начала приоткрываться, но он больше не слышал голоса отца.

Мир из цветного стал черно-белым. Джеймс увидел руины черных стен, расщепленный паркет, пыль, блестевшую, как потускневшие драгоценности, на том месте, где упала Барбара. Он наклонился, чтобы прикоснуться к пылинкам, но пол ушел у него из-под ног, и его швырнуло куда-то вперед, в черное ничто.

Недавнее прошлое. Идрис, 1900 год

Джеймс, оправившись от жгучей лихорадки, вместе с семьей прибыл в родовое поместье, раскинувшееся среди изумрудных лугов и тенистых рощ Идриса. Однако он испытал странное беспокойство в тот момент, когда распахнул окно в своей спальне в особняке Эрондейл-Мэнор, и в комнату впервые за несколько месяцев ворвался свежий воздух. Возможно, причиной тому было мгновенное путешествие при помощи Портала, ведь буквально несколько минут назад он прощался с Корделией и ее родителями. Ему не давало покоя новое чувство, связавшее его с девушкой, чувство, которому он не мог найти названия – волнующее, загадочное, восхитительное. Он предпочел бы несколько дней провести на пароходе или на поезде, чтобы невидящим взглядом смотреть на проплывающий за окнами пейзаж и попытаться осмыслить свое состояние. Но прошло всего десять минут после того, как Джеймс переступил порог Сайренворта, и вот он уже снимал чехлы с мебели и зажигал колдовские огни, а его отец вслух выражал восхищение целительными свойствами воздуха Идриса.

Когда Джеймс распаковывал вещи, в комнату вошла Тесса с пачкой писем и протянула сыну маленький конверт.

– Одно для тебя, – улыбнулась она и вышла, чтобы дать ему возможность прочесть письмо в одиночестве.

Джеймс не узнал изящный женский почерк, которым был написан адрес. Первой его мыслью было: «Я же никого не знаю в Идрисе, кто мог написать мне письмо?» Но затем он догадался: Грейс.

Он сел на кровать и разорвал конверт.

На листе бумаги было написано всего несколько слов: *«Встретимся на нашем Месте. Завтра после захода солнца. Твоя Г. Б.»*

Джеймс ощутил слабый укол вины: уже довольно давно он не вспоминал о Грейс. Он подумал: интересно, что у нее нового, чем она занималась весь прошедший год? И с неприятным чувством осознал, что она, скорее всего, никуда не выходила из дома и ни с кем не разговаривала. Всем было известно, что Татьяна Блэкторн старательно избегает общества Сумеречных охотников, и когда Эрондейлы покидали свое поместье, у нее буквально не оставалось никого из соседей. Другой особняк находился довольно далеко от дома Блэкторнов.

«Во имя Ангела, – подумал он. – Неужели я единственный друг Грейс?»

– Нет, у меня никого больше нет, – сказала Грейс.

Они сидели рядом среди леса: Джеймс привалился спиной к толстому корню дуба, выступавшему над землей, а Грейс примостилась на камне. Выражение печали, промелькнувшее у нее на лице, быстро исчезло и снова сменилось обычной маской безмятежного спокойствия.

– Боюсь, мне нечего рассказывать тебе; со дня нашей последней встречи в моей жизни совершенно ничего не произошло, – продолжала она. – Но ты выглядишь так, словно тебе недавно пришлось вести какую-то тяжелую борьбу. У тебя изможденный вид.

– О! – воскликнул Джеймс. – Пожалуй, это единственное заслуживающее внимания событие, случившееся со мной с прошлого лета. Я ведь не сказал тебе, что еще несколько дней назад валялся в постели со жгучей лихорадкой.

Грейс сделала вид, будто испуганно отодвигается от него, затем рассмеялась.

– Не волнуйся, я уже болела этой болезнью. Бедный мой Джеймс! Надеюсь, тебе было не слишком тоскливо одному.

– В этом мне повезло, – сказал Джеймс. В этот момент у него почему-то сжалось сердце, хотя он сам не мог бы сказать, почему. – Поскольку Корделия и ее мать уже перенесли лихорадку, они смогли остаться в доме. Они заботились обо мне, ухаживали за мной. Особенно

Корделия. На самом деле, без нее мне было бы совсем невыносимо. А так, мне было намного лучше. Чем могло бы быть. Если бы ее там не было.

Джеймс сообразил, что у него от волнения немного заплетается язык. Грейс лишь молча кивнула.

На следующий день Джеймс проснулся поздно и обнаружил, что родители уже куда-то уехали, а сестра, усевшись на краешке огромного мягкого кресла в гостиной, яростно строчит в блокноте.

– Не хочешь чем-нибудь заняться? – обратился он к Люси.

Не поднимая головы, она произнесла:

– У меня уже *есть* занятие. Я пишу.

– Про что пишешь?

– Если не оставишь меня в покое, я напишу про *тебя*.

Отвечать на это было нечего, и Джеймс, не зная, что делать дальше, вышел из дома и направился в сторону Блэкторн-Мэнора.

Особняк показался Джеймсу точно таким же, как в тот день, год назад, когда Татьяна попросила его обрезать плети шиповника, мешавшие открывать ворота. Из дома не доносилось ни звука, все окна и двери были закрыты, и Джеймсу пришло в голову сравнение с гигантской спящей летучей мышью. Он представил себе, как эта мышь весь день висит, свернувшись, в темной пещере, и расправляет крылья лишь во мраке ночи. Присмотревшись, Джеймс заметил, что с прошлого лета колючки снова буйно разрослись; шипов стало больше, они были неправдоподобно длинными, острыми. Жесткие стебли оплели часть арки над воротами, и теперь можно было прочесть лишь вторую половину девиза: «LEX NULLA».

Джеймс пошел вдоль каменной стены, продираясь сквозь разросшиеся кусты. Он чувствовал себя очень глупо. Он не взял с собой ни книги, ни оружия, ему было нечем заняться. Однако, когда он сделал круг и вернулся к главным воротам, оказалось, что там его ждет Грейс.

– Я увидела тебя из окна своей комнаты, – без предисловий начала она. – У тебя был потерянный вид.

– Доброе утро, – сказал Джеймс, и Грейс улыбнулась. – Как ты думаешь, твоя матушка захочет, чтобы я снова подстриг шиповник?

Наступило неловкое молчание. Через некоторое время Грейс произнесла:

– Мне сложно представить, чтобы матушку заинтересовал шиповник и ворота. Но я принесу тебе садовые ножницы, и если ты сумеешь проделать в этой чаще ход, я составлю тебе компанию.

– Выгодная сделка, – усмехнулся Джеймс.

– Я, конечно, не обещаю целый день развлекать тебя светскими разговорами, – добавила Грейс. – Могу тебе почитать, если хочешь.

– Нет! Нет, не нужно, спасибо, – поспешно воскликнул он. На лице Грейс выразилось изумление, и Джеймс, стараясь говорить нормальным тоном, добавил: – Я хотел бы послушать о твоей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.